

18+

Антонина Евстратова Борис
Каганский

**ДЕВЯТЬСОТ
СТРАНИЦ ИЗ ЖИЗНИ
ПОЛКОВНИКА
КАГАНСКОГО.
КНИГА 2**

Испытания на выносливость

Антонина Евстратова

**Девятьсот страниц из жизни
полковника Каганского. Книга 2.
Испытания на выносливость**

«Издательские решения»

Евстратова А. И.

Девятьсот страниц из жизни полковника Каганского. Книга 2.
Испытания на выносливость / А. И. Евстратова — «Издательские
решения»,

ISBN 978-5-00-605042-6

Книга может быть полезна специалистам в управленческой деятельности и
предназначена для всех, интересующихся судьбой человечества, и может быть
использована в качестве учебного пособия на курсах «Военного танкового
училища».

ISBN 978-5-00-605042-6

© Евстратова А. И.
© Издательские решения

Содержание

АНТОНИНА ИВАНОВНА ЕВСТРАТОВА	6
БОРИС АЛЕКСЕЕВИЧ КАГАНСКИЙ	7
ДЕВЯТЬСОТ СТРАНИЦ ИЗ ЖИЗНИ	8
Посвящается воспитанникам, сослуживцам, друзьям и родным	9
ГЛАВА 1	10
Конец ознакомительного фрагмента.	78

**Девятьсот страниц из жизни
полковника Каганского. Книга 2
Испытания на выносливость**

**Антонина Ивановна Евстратова
Борис Алексеевич Каганский**

© Антонина Ивановна Евстратова, 2023

© Борис Алексеевич Каганский, 2023

ISBN 978-5-0060-5042-6 (т. 2)

ISBN 978-5-0060-4758-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

АНТОНИНА ИВАНОВНА ЕВСТРАТОВА

БОРИС АЛЕКСЕЕВИЧ КАГАНСКИЙ

ДЕВЯТЬСОТ СТРАНИЦ ИЗ ЖИЗНИ ПОЛКОВНИКА КАГАНСКОГО

КНИГА ВТОРАЯ. Основана на реальных событиях.

**Посвящается воспитанникам,
сослуживцам, друзьям и родным**

ГЛАВА 1

ЧАСТЬ 1

ВСТРЕЧА С ДРУЗЬЯМИ

Закончилась моя стажировка. Комбат принёс отпечатанный на машинке отзыв. Отзыв был о моей работе очень хороший. Поблагодарил меня за мою службу и отвёз на станцию «Ровно» на батальонном БТР-40. Там распрощался со мной, пожелал мне хорошей учёбы и сказал:

– Борис, закончишь училище, попроси, чтоб тебя направили в нашу часть! Я сразу тебя поставлю командиром роты! – прибыв в училище, мы сдали последние два экзамена и предстали перед командиром роты для отправки нас в очередной отпуск. Но командир роты сказал:

– Сегодня не поедете, поедете завтра. Завтра в десять часов обще училищное построение, пришёл приказ Министра обороны о присвоении выпускникам третьего курса офицерских званий и в училище завтра объявляется праздничным днем! – на завтра утром всё училище в парадной форме было выстроено на стадионе, курсанты третьего курса были одеты в офицерскую форму, но с курсантскими пагонами. Зачитали приказ Министра обороны и начальник училища и его заместители начали вручать новым офицерам дипломы и офицерские погоны, которые одевались уже в строю, пришиливали их булавками. После вручения погон, на середину строя вынесли училищное Знамя и каждый из выпускников попрощался со Знаменем, встав на колени и целуя его. После обеда командир роты построил всех нас и вручил нам отпускные билеты и проездные документы домой и обратно. В этот раз Василий Васильевич не уходил в отпуск и мне пришлось доставать билеты самому, почти до самого отхода поезда. На моё счастье, когда, разуверившись в добыче билета, я стоял у двери и курил, мимо проходил зам начальника вокзала, во рту у него была папироса, но не зажжённая, увидев меня курящего, он подошёл ко мне и сказал:

– Дай закурить, сынок! – прикуривая, он узнал меня и спросил:

– Простой год это ты с Василием Васильевичем ехал в отпуск? – я понуро кивнул головой.

– А ты билет добыл? – спросил он.

– Неа! Нет билетов! – до отхода поезда оставалось две минуты. Схватив меня за руку, он меня потащил ко второму вагону, где стоял, как я понял начальник поезда и по-свойски обратился к нему:

– Заберёшь его и отвезёшь куда надо! – а мне сказал:

– Ты ему отдашь проездные! – после чего, он добавил начальнику поезда:

– Я их оформлю, а на обратном пути ты заберёшь для отчёта его билет! – паровоз загудел, начальник поезда подтолкнул меня на подножку, вскочил сам и завел в вагон, поселив меня на нижней полке в своём купе. Всё время до поздней ночи начальник поезда мотался по вагонам, исполняя свои обязанности. Я не дождался его, застелил полку, показанную им бельём и благополучно уснул. В десять часов, он разбудил меня и сказал:

– Хватит дрыхнуть, пойдём на завтрак! – в соседнем купе уже был накрыт у окна откидной столик, на котором в тарелках лежала жареная картошка и жареная рыба, а в двух стаканах были налиты сливки, а ещё в стаканах дымился горячий янтарный чай. Всласть, позавтракав, я спросил его:

– А, кому мне заплатить за это? – он ответил:

– Никому, это я тебя угощаю! – в час дня наш поезд прибудет в Раздельное! – ему положено в это время спать, но он ещё часа полтора расспрашивал меня о родных, об учёбе и как я планирую дальнейшую службу. Оказывается, его сын вчера окончил наше училище, ему вру-

чили пагоны и по распределению, он получил назначение в тридцать первую дивизию, которая располагалась в Хмельницком. Пожелав мне успехов в жизни и хорошей встречи с родными, он лёг на полку и заснул. А я, благополучно сошёл на станции, напрямик отправился в ресторан к Любе и оттуда позвонил в РТС, узнав нет ли там Марьяновских машин. На моё счастье там оказалась одна машина, и я попросил диспетчершу, чтоб сказала водителю, что приехал на вокзал сын Каганского и просит его довезти домой. Она сказала:

– Ты видно счастливый, парень! – как раз их машина подъехала к проходной, а за рулем машины сидит твой батька! – поблагодарив её, я стал ждать. Вскоре подъехал отец и мы поехали домой. Дорогой отец расспрашивал о службе, рассказывал о наших семейных делах и, что Юра опять в Одессе, хорошо сдаёт экзамены, но не знает, зачислят его или нет. Заехав во двор. На порог вышла мать. Отец вышел из кабины, показал мне рукой сиди! – и сказал матери:

– Рая, а я тебе подарок привёз!

– Какой ещё подарок! Не жду я от тебя никакого подарка, ты третью неделю обещаешь перекрыть сарай, а сейчас ластишься какими-то подарками! – отец махнул мне рукой, и я вышел из машины. Увидев меня мать всплеснула руками, заплакала и стала целовать меня. А затем, успокоившись сказала отцу.

– Но ты, отец, сегодня действительно привез подарок! – к вечеру, как и в прошлый раз собрались отцовы друзья и отметили моё прибытие. Утром я зашёл в сарай, открыл мотоциклы, они оказались не обгажены, но мать сказала:

– Никуда ты ни сегодня, ни завтра не поедешь, крыша в сарае течёт и, как раз над твоими мотоциклами, каждый раз в дождь я ставлю туда корыто и миску, чтобы вода на них не затекала!

– Мама, я всё сделаю! – пообещал я.

– Камыш и доски лежат за домом, глину накопаешь сам, кизяк вон лежит, а половы привезёшь от комбайнов, по старой дружбе тебе дадут! Пока жарко и нет дождя разбирай крышу, но ты знаешь, как это делается и мои советы тебе ни к чему! Как крышу сделаешь, так можешь ехать! – на крышу ушло у меня целых четыре дня. Принимала крышу у меня мать. Я на крыше верёвкой вытаскивал ведра с водой и на самом коньке по всей длине выливал воду. Пришлось вылить двадцать вёдер, нигде не закапало. Мать сказала:

– ОТК ты прошёл. Теперь можешь посещать своих друзей и подруг! – только я слез с крыши, как во двор зашёл Григорий Федорович плотник из МТС. Поздоровавшись, он сказал:

– Борис, твой батька продал мне твой малый мотоцикл НСУ.

– А на кой он вам нужен? – спросил я, – У него же двигатель заперот!

– Так ты же знаешь у меня такой же мотоцикл, но у него коробка сломалась, так вот из двух сделаю один. Вот я пришёл забрать его, я пошёл в отпуск и сделаю его! – дядька выкатил мотоцикл из сарая, я, прощаясь, похлопал его по баку, а дядьке пожелал успешного ремонта. Мотоцикл был тяжёлый и я сказал ему:

– Заводите его и езжайте, больше чем он разбитый уже не будет! – помог завести ему мотоцикл, и дядька, гремя валом и, обдав меня дымом уехал восвояси. Я пошёл в контору МТС, созвонился с председателем колхоза, у которого работала Татьяна и спросил его:

– Где Татьяна? – он сказал:

– Она на сегодня взяла отпуск и завтра уезжает в Одессу сдавать вступительные экзамены в сельхозинститут! – я отложил мотоцикл, заправил его и на рассвете поехал к ней. В семь часов я был уже там. Татьяна была уже собрана, мы расцеловались, она сказала:

– Как же хорошо, что ты приехал! А почему не позвонил что ты дома?

– А были дела, мать работой загрузила, крышу на сарае перекрывал.

– Ой, Боря, надо ехать, а то опоздаем! – когда до Раздельной оставалось километров пять, по закону подлости переднее колесо поймало огромный согнутый гвоздь. Пришлось

остановиться и латать камеру. У меня в коляске был вулканизатор, и я за вулканизировал камеру сырой резиной, но прокопался я с ней более часа. Накачали колесо и помчали на вокзал. На вокзале сразу побежали на перрон, но увидели только последний вагон удаляющегося поезда. С досады Татьяна заплакала.

– Какие проблемы? – сказал я.

– Мы в Одессу раньше этого поезда приедем! – в это время уже была проложена авто-трасса Одесса-Киев, покрытая хорошим асфальтом, ровная, как стрела. Но до неё надо было ехать через Еремеевку, и мы тридцать три километра гнали по не совсем хорошей дороге. Выехав на асфальт, мы буквально за сорок минут были в Одессе. Нашли этот сельхозинститут. А наш неудавшийся поезд пришёл только через полчаса, как мы были в институте. Долго искали приёмную комиссию, где Татьяна сдала документы, здесь же в приёмной комиссии ей выдали талончик на временное проживание в студенческом общежитии. Спросили у неё сколько лет она проработала в должности. Она ответила два с половиной года. Выйдя в коридор, уборщица, которая вышла с нами сказала Татьяне:

– Дочка, считай, что ты уже поступила!

– С чего вы взяли? – спросила Татьяна.

– Так я здесь работаю уже восемь лет и знаю, что поступающие с работы всегда берутся в не конкурса! – Татьяна воспрянула потому, что сомневалась в своих школьных знаниях, и мы поехали в город осматривать все одесские достопримечательности. До самого вечера, мы ездили по городу, питались в каких-то забегаловках и в двенадцатом часу ночи подъехали к общежитию. Но в общежитие нас дежурная не пускала, не реагируя на наши уговоры. Потом я придумал версию, что вот только из Армии прибыл в отпуск, а она меня встречала на вокзале и сунул ей свой отпускной билет. В то время к военным относились с подобострастием, и тётка сжалилась, впустила одну Татьяну, мне же сказала:

– А ты, парень, сам ищи себе пристанище, да смотри, чтобы твой мотоцикл не увели, это у нас в Одессе не заржавеет! – переночевав здесь же во дворе общежития, перед утром услышал разговор, два или три человека подошли к мотоциклу и один другому сказал:

– Хорошая машина, вот бы мне такую! – я проснулся, откинул колясочную накидку и увидел, что возле мотоцикла стоят трое молодых красивых парней. Видать тоже, приехавших поступать в институт. Я был в военной форме, и они удивленно спросили:

– А вы что тоже поступать в институт?

– Нет, ребята, считайте, что я тоже студент только в военном училище. Сейчас в отпуску.

– А что же вы ночуете здесь?

– Так привёз свою подругу сдавать экзамены поздно ночью, а дежурная по общежитию вредная бабка, подругу впустила, а мне сказала: ночуй где хочешь. Ребята засмеялись.

Часов в восемь прибежала Татьяна. Умытая и причёсанная, я заспанный с грязной мордой от вчерашней пыли попытался пойти в ихний умывальник, но меня туда не пустили, уже вторая бабка сказала:

– Здесь женское общежитие и мужиков сюда не пускают, вот там мужское общежитие и иди туда! – я пошёл, отмыл свои руки и физиономию, и мы с Татьяной пошли в студенческую столовую, где плотно позавтракали. Кормёжка нам понравилась, хорошая рисовая каша с сосиской, помидорно-огуречный салат с луком, кусок жареной рыбы и чай. Я изрек:

– Татьяна, здесь с голоду не умрёшь! – тем более цены были в два или три раза ниже чем в рабочей столовой. За всё про всё мы заплатили по тридцать восемь копеек. Студенты говорили, что в этой столовой цены значительно ниже чем в других институтах, а стипендия в сельхозинституте в полтора раза выше чем в других. Объявили, что в одиннадцать часов всех прибывших сдавать экзамены собирают в актовом зале для оглашения расписания экзаменов. Пошёл и я туда. Желающих поступить в институт было довольно много в основном абитуриенты были сдавшие экзамены за десятый класс, поступающих с работы было совсем немного

человек восемнадцать, а набирали сто восемьдесят человек. Экзамены сдавали по пяти предметам и очередные экзамены были уже завтра в десять часов. Татьяна сказала:

– Борис, здесь ты мне не помощник, езжай отдыхай, а когда я сдам экзамены я сообщу, все равно после экзаменов мне надо поехать в колхозы рассчитаться и уволиться с работы!

– Не вздумай ехать поездом, с Одессы позвони в нашу МТС, мне сообщат, я приеду и заберу тебя! – так и порешили. После обеда съездили на пляж искупались в теплом Чёрном море, из которого не хотелось вылезать, я отвёз Татьяну в общежитие, а сам погнал мотоцикл по новой трассе напрямиком в свою Еремеевку, где встретился со своими друзьями и подругами. И пробыл там до самой субботы, а уже в субботу большинство друзей на своих мотоциклах и моём поехали по своим друзьям по сёлам: в Шимётово, Будёновку, Понятовку, Муциловку, Ново-Дмитриевку и другим сёлам. В понедельник к вечеру я вернулся домой. Пришёл с работы отец и сказал мне:

– Боря, мне до пенсии осталось работать год или два, ты же знаешь, что мы планируем перебраться в Раздельную, мне уже там выделили участок под дом и огород. Я уже завёз туда камень на фундамент и на стены, добыл накладную на цемент и просил бы тебя за эту недельку откопать рвы для фундамента, а чтоб не откладывать работу назавтра я там заготовил колышки и провод, поедем туда, сделаем разметку и завтра можешь приступить к работе. Я тебе помочь не могу потому что работа есть работа! – мы взяли всё необходимое и поехали туда. Место, выделенное отцу, было большим, но сплошь заросшее бурьяном, по середине этого участка был штабелем сложенный пиленый ракушечник на стены и камень дикарь для фундамента. В траве были забиты топографами четыре прочных кола. Забив в них гвозди и, выкосив траву захваченной с собой косой, мы набили по проволоке через каждые полтора метра, прихваченные с собой колышки, оттранслировали внутреннюю кромку рва под фундамент, выпили по кружке домашнего вина, прихваченного с собой и поехали домой. Утром на рассвете я проснулся и стал готовить инструмент, мать уже не спала, готовила мне завтрак и снесь на целый день. Я взял кирку, мотыгу, штыковую и совковую лопаты, верёвку, два ведра, одно чистое под воду, другое для земли. Сложил всё в коляску, позавтракал и поехал работать пока солнце ещё не взошло. Начал копать фронтонный ров. Земля была мягкая, чёрная вперемежку с галькой и до восхода солнца, я почти откопал весь ров на глубину один метр, попил водички, отдохнул, докопал ров от угла до угла и начал углубляться, ров должен быть полтора метра. К полудню я его завершил, начал ковырять лицевой ров, здесь дело пошло похуже, усталость и солнце делали своё дело. До вечера прокопал на три штыка лицевой ров, выбился из сил, но, посчитав сколько кубометров я откопал, понял, что в норму я уложился вполне. Училищная закалка позволяла работать как надо. Уехал домой доложил отцу о проделанной работе, он удивлённо спросил:

– Неужели ты начал и лицевой ров? – я покивал головой. Он взял пустой графинчик и молча пошёл в погреб и принёс его наполненный белым вином. Мать поставила нам на стол жареную домашнюю колбасу, жареную картошку, свежие большие помидоры и малосольные огурцы. Зная мою любовь к мёду, она где-то раздобыла целую миску и поставила на стол. В Марьяновке у нас пчёл не было, свои они подарили, уезжая из Еремеевки своим давнишним друзьям Касьянам. И мы с отцом всласть съели и выпили всё, что было на столе. Я хотел ложиться спать, но кто-то, проходящий мимо уличного окна крикнул:

– Борис, а сегодня в клубе на той стороне, (это была вторая улица в Марьяновке) будет кино! – конечно я помчался туда по двум причинам: посмотреть кино и познакомиться со своими сверстниками и сверстницами. Перед клубом на большой площадке, посыпанной песком в клубах песчаной пыли под гармошку танцевали парни с девушками и мужики с женщинами. Было по вечернему жарко поэтому мокрыми от пота, танцевавшие вытирали пот и пыль с лица, отчего лица были грязными с размазанными потёками. Я поставил у забора мотоцикл и тоже пошёл в круг, приглядев симпатичную девушку, стоявшую у круга без пары. Взяв её за руку увлек с собой в круг. Танцевала она легко и была очень любознательна. Сразу стала расспраши-

вать меня откуда я появился, почему в военной форме и почему меня раньше не было. Звали её Полина, она приехала из Тирасполя погостить к своему дядьке к МТСовскому шоферу Михаилу Шевченко. На второй танец уже не я, а она повела меня в круг, но только начали мы танцевать, как в клубе зазвенел звонок, гармошка тотчас перестала играть и все заполнили довольно вместительный сельский клуб. Кино называлось «Весёлые ребята» все его смотрели уже по несколько раз, но так, как кинопередвижка приезжала всего один два раза в месяц, то смотрели фильм с интересом, смеялись и комментировали в голос, отпуская солёные замечания. После фильма танцы продолжились и продолжались до полночи, пока гармонист, подбодряемый подношениями горячительного из работающего ещё киоска за своей гармошкой, заснул. Полина ни на шаг не отпускала меня, и я её завес домой к Шивченковым. Утром опять я, встав до рассвета, загрузив свой инструмент в мотоцикл, помчался в Раздельное и начал копать свой лицевой ров. Поднялось солнце и жгло невероятно, но дело двигалось и к исходу дня, я завершил работу по лицевому рву, выполнив опять сам себе назначенную норму. Вполне довольный своей работой, я заехал домой к своему другу Серёже, который тоже в это время был в отпуске, но дома его не застал, он уехал в Одессу к родному дяде, но дома у него были три сестры красивые девочки, которые бесцеремонно, зная меня сказали:

– Боря, ты никуда не поедешь, пока не сходишь с нами на танцы, а то пока Серёжка был, он нас туда водил, а так на танцплощадку без кавалеров не пускают!

– А ты отвезешь вначале одну из нас, потом вернёшься за второй, а после и за третьей!

– Так мне что с вами там танцевать? – спросил я.

– А ты, как думал? – в один голос заявили они, – Мы что там будем танцевать с босяками?

А так всем на зависть!

– Так я же грязный, неумытый, весь день работал!

– Нет, Боря, просто так ты от нас не уйдёшь! Вот душ летний за ширмой во дворе, вот тебе мыло, вот тебе полотенце и иди мойся. А мы приведём в порядок твои брюки и рубашку! – Серёжины сестры были девки настойчивые, быстрые и пока я вымылся, они почистили мои брюки и гимнастёрку, и даже начистили сапоги. Я оделся и меня подвели к зеркалу и заявили:

– Во, чем не кавалер? Всем на зависть!

– Понимаю, почему от вас Серёжка сбежал! – они рассмеялись.

– Вредный он, стесняется нас! – я предложил довести их на танцплощадку, но они отказались:

– Здесь недалеко, пройдемся так! – но до парковой танцплощадки было километра полтора, и я понял почему они решили пройти со мной по улице. На этой улице все были знакомыми, они по очереди брали меня под руки и красовались, что идут с кавалером и с удовольствием отвечали на вопросы, которые раздавались чуть ли не с каждого двора. На танцплощадке, я как истовый кавалер купил им входные билеты, которые стоили аж по пятнадцать копеек, хотел купить и себе, но кассирша сказала:

– С военных мы не берём! – а дальше было так, как они сказали. По очереди я завел их туда и мне пришлось танцевать каждый танец, потому что они поочередно не давали мне отдохнуть. Домой приехал поздно ночью. Уставший от двойной работы по копке траншеи для фундамента и двухчасовых непрерывных танцев. Заснул, как убитый. Мысленно, вспоминая эти непрерывные танцы заказывал себе; вечером к Серёжке не ездить. А то опять уведут на эти скачки. Проснулся от солнечного света. Было уже восемь часов утра. Спросил мать:

– Мама, а что ты меня не разбудила?

– Так ты так хорошо спал, было жалко будить! – я позавтракал, опять уехал продолжать начатое дело. За день откопал траншею противоположную фронту. Но вечером приехал на мотоцикле Серёжка и стал агитировать меня поехать к ним домой. Там у двух старших сестёр день рождения, и они просили тебя пригласить. Предполагая, что торжество закончится опять танцами на танцплощадке, я всячески старался к ним не поехать, но Серёжка уломал

меня. Застолье было, как застолье. Приглашённые девушки с интересом разглядывали нас с Серёжкой и, когда младшая сестрица заявила, что пора на танцы все захлопали в ладоши, завизжали от удовольствия, подхватили нас с Сергеем под руки и всей гурьбой, мы двое и ещё семь девочек, опять пошли по этой длинной улице, прихватив с собой приглашённого гармониста. Всю дорогу он играл, и преобладающее большинство жителей выходило из калиток доброжелательно нам махали руками, что-то кричали, а девочки по очереди вели нас под руки, пели красивыми голосами песни. Перед самой танцплощадкой гармонист распрощался с нами, сказав:

– Я уже пришёл домой, вон мой дом, а у вас музыка будет, вон как гремит, слышно на весь посёлок! – музыка действительно ревела громко, ветер был на нас от танцплощадки и девчонки, подтанцовывая ускоренным шагом тащили нас на подиум. Мы купили им билеты, поочередно завели их на танцплощадку и началась круговерть. Девчонок было семь, а нас двое. Три сестры и ещё одна девочка почему-то выбрали меня. Серёжка танцевал с тремя, а я с четырьмя. Танец следовал за танцем, как и в прошлый раз. К завершению танцев я был мокрый как мышь, и уставший, куда больше чем при рытье траншеи. Привели их домой. В завершении их праздника выпили по стакану домашнего вина, подруги сестёр разошлись, а я поехал домой. Прибыв домой, где меня ожидала мать, она спросила меня:

– А почему так поздно и сегодня, и вчера? – а унюхав духи, которыми обрызгали нас с Серёжкой сёстры, спросила:

– Ты что в Раздельной зазнобу заимел? Не хорошо, Татьяна обидится! – она к Татьяне относилась очень хорошо и уважительно. В ответ я засмеялся и рассказал ей вчерашнее и сегодняшнее приключение. Опять я проспал чуть ли не до восхода солнца, позавтракал и поехал копать тыльную траншею. До полудня я откопал половину траншеи, а к исходу дня планировал откопать, если не всю, то три четверти. Но опять приехал Сергей, привёз полграфинчика домашнего вина, кусок сала, пару помидор и пол краюхи хлеба. Мы все это оприходовали. Он рассказывал мне, что делал в Одессе, чем занимался, где побывал и что там видел и с кем встречался.

– Борис, мой отец хотел бы тебя видеть. Он же видел тебя только один раз, когда нас провожали в Армию, и знает тебя только по моим письмам, он просил тебя заехать! – зная, чем всё это закончится, ругая себя в душе, я согласился и поехал с Серёжей. Дома у них я познакомился с его отцом Владимиром Алексеевичем, который встретил меня приветливо и уважительно. Накрыли стол и за графинчиком вина, он расспрашивал меня о нашей семье, об учёбе и службе. Вначале я ему отвечал одно складно, мотивируя тем, что у меня всё также, как и у Сергея. Но отец его сказал:

– Так этот оболтус писать может в письмах, а дома толком ничего не рассказывает, а у тебя получается! – и он меня расспрашивал в течение часа. Рядом с ним сидела Серёжина мать черноволосая красавица, и своим певучим голосом задавала различные вопросы, от которых я порою краснел. Но настало время начало танцев, девочки засуетились, причесались и приоделись, а я как-бы, не замечая того стал собираться уезжать. Но сёстры в один голос взвыли. Не стесняясь я заявил:

– У меня есть свои дела! – Владимир Алексеевич подошёл ко мне похлопал по плечу и сказал:

– Потерпи, сынок, уважь девок, им так хочется на эти танцы, что они готовы на всё! – пришлось уважить. Отец Серёжи был во круге непревзойдённым каменщиком и сейчас работал в Кучургане по постройке хранилищ для содержания в них особо ценных вин и коньяков. Приехал я домой опять поздно ночью, мать спросила:

– Что, сынок, опять был на скачках? – я покивал головой. Ужинать отказался и залёг спать. На удивление проснулся далеко до восхода солнца, проспал всего полтора или два часа. Проглотил всё, даже не заметил, что мать поставила на стол. Погнал своего железного коня

к злосчастной траншее, стараясь максимально использовать прохладное время утра. На удивление копалось легко. Снизу траншеи была влажная, мягкая, податливая глина. К десяти часам я откапал на всю глубину, где-то метра два. Оставалось на сегодня ещё столько, но в десять часов приехал опять Серёжа с притороченной к мотоциклу лопатой и вещмешком, в котором был плетённый графинчик с вином, две железных кружки, кусок сала, неизменные большие красные помидоры, и завернутую в газету большую селёдину, которая в наших краях была большой редкостью и считалась деликатесом.

– Серёжа! – взмолился я, – Ну какая будет работа после всего этого? – Серёжа хмыкнул, махнул рукой, развернул газету, расставив на ней всю снедь и наполненные вином кружки, сказал:

– Так вдвоем эти два метра до вечера осилим и, конечно осилим этот графинчик! – в графинчике было три литра отменного вина. Мы осилили к вечеру и то и другое. Завершив откопку траншеи всего периметра. Мне оставалось прокопать траншею от середины фронтона до задней стенки и поперечную траншею под стенку, отбивавшую коридорчик и кухню. После завершения сегодняшней работы Серёжка опять начал меня агитировать на поездку к ним. Я был уверен, что это не он, а его сёстры настропалили притащить меня для их пресловутых танцев. Не смотря на все Серёжкины усилия, я стоически выдержал его натиск и уехал домой, пригласив Серёжку опять поработать только без вина. Но Серёжка, сославшись, что ему надо довести отца в Кучурган, от этой затеи отказался, пообещав приехать в субботу, то есть через день. Утром я опять приехал рано, начал копать поперечную траншею, как вдруг на проходящем мимо тракторе Белорус, я увидел Петра Лилицу, пронзительно свистнул ему, он оглянулся и увидев, размахивающего лопатой меня, заглушил трактор и подбежал ко мне. Мы не виделись с ним более трёх лет. За это время он отслужил срочную службу в танковых войсках, приехал домой и женился. Мы выпили за встречу с ним по кружке домашнего вина, которое в бутылке из-под шампанского, положенного матерью вместе со снедью. Петро уехал, а я продолжил свою работу, которую закончил к вечеру, изрядно попотев на палящем солнце и загоревший за эти дни, как негр, на теле осталась только одна полоска, которую прикрывали плавки. В этот раз я приехал домой рано. Отец был дома, я ему доложил:

– Папа, копать осталось продольную траншею. – но он сказал:

– Давай сделаем доброе дело! Мне в голову пришла хорошая мысль, что продольную траншею надо сделать не по центру, а сантиметров восемьдесят ближе к задней стенке до поперечной траншеи, а во второй половине откопать траншею ровно по центру, тогда получится кухня и коридор одинаковые, а комната будет больше чем спальня и, чтоб не откладывать в долгий ящик поедом, колья и провод там у тебя есть и мы отобьём так как надо, чтобы завтра тебе с утра начать свою работу! – мы поехали на место, отмерили всё, до захода оставалось, где-то полчаса, я начал выкашивать бурьян, а отец подбирать камни на фундамент, прикидывая хватит ли уже заготовленного. Подошёл сосед, дом которого был почти, напротив. Высокий, худощавый, красивый болгарин по фамилии Радованов. Оказывается, они уже были знакомы с отцом. Радованов осмотрел сделанную мной работу и сказал отцу:

– Твой сын, за которым я наблюдаю уже почти неделю, работает как трактор, и я думаю, когда же он устанет? А он с каждым днём делает все больше! – отец засмеялся:

– Так он работает ни в одну смену, а в две!

– Понятно, дело молодое! – сказал Радованов и стал приглашать нас на ужин. Отец согласился. И мы пошли к ним. Их большой каменный дом был покрыт красивой оцинкованной крышей. Их двор казался маленьким потому, что весь дом обвивала виноградная лоза, на которой, свисали крупные грозны винограда разных сортов, а весь двор был усажен фруктовыми деревьями. Через открытую калитку на огород было видно, что половина огорода усажена непривычными для нас кустами винограда, а ближняя половина пестрела помидорами различных цветов и там росли другие диковинные для нас овощи и зелень. Женщины поста-

вили стол на свободном месте напротив входной двери, накрыли белой скатертью и уставили весь стол, приготовленными заранее яствами, посредине стола стоял большой пяти литровый бутыль с домашним светло-розовым виноградным вином, на каждого стояли большие глиняные более чем полулитровые кружки для вина, лежали пучки различной зелени укроп, петрушка и другие незнакомые мне травы. Сверху этих пучков лежали длинные стручки красного и зеленого горчайшего перца. А дальше всё по-русски. Радованов поднял тост за доброе отношение с будущими соседями, и мы начали свою застольную трапезу. Что отец, что я любили всё горькое, но то, что стояло на столе превзошло наше ожидание. Мясные и картофельные блюда были до того наперчены, что рот не мог закрываться, и чтобы утолить этот жар, приходилось раз за разом запивать еду вином, а попробовав по примеру Радованова красного перца, я чуть не поперхнулся. Перец был настолько жгучим, что в горле у меня свело, но, чтоб не показаться смешным, я приглушил его несколькими глотками вина из кружки. Но отец с Радовановым ели этот перец с наслаждением и обменивались впечатлениями о его качестве. Я больше не рисковал его откусить. Вместе со всей не многочисленной семьёй Радованова, мы опорожнили пяти литровый плетёный графин прекрасного вина, причем пили все поровну, что мужчины, что женщины. Из женщин там была Радованова жена, его и её мать, и тётка. Стало темнеть, мы поблагодарили хозяев и уехали домой, а утром в субботу до рассвета, я помчался опять работать, надеясь к вечеру справиться со своей траншеей. Проработав часа два, я откопал примерно две траншеи, но дальше дело застопорилось, я наткнулся на глубине в девяносто сантиметров на сплошной дикий камень, который не поддавался лопате и уступал только кирке. До десяти часов я продвинулся всего лишь на полметра, ожидая, что наконец-то, появится Серёжка, но он не появился, и до часа дня, я продвинулся ещё сантиметров на пятьдесят. От непрерывных ударов киркой о камень начали болеть плечи и руки, прикинув, что если так будет продолжаться, то мне здесь ковыряться надо будет ещё два или три дня. Перекусив маминной снедью, поплевал на руки и принялся за работу. В пять часов подъехали три мотоцикла, на которых сидело пять человек в том числе Толя Немченко, Миша Белоус, Коля Руснак, Ваня Короленко и Витя Мурга. Оказывается, они уже были у нас дома в Марьяновке, не зная, что я работаю здесь. Мать им рассказала, как добраться до меня, и вот они передо мной. С собой привезли они в деревянном бочонке литра четыре вина, но о закуске, конечно же забыли. Двумя металлическими кружками, мы распили это вино, закусили оставшейся у меня снедью, и ребята стали манить меня в поездку по родным деревням. Я сказал:

– Ребята, у меня на шее висит эта чёртова траншея и покинуть её я не могу, так-как дал слово отцу в воскресенье её закончить, а мне, как назло внизу оказался камень дикарь, он очень плохо поддаётся даже кирке! Подвыпившие ребята загудели:

– А мы то для чего здесь? Давай инструмент, мы осилим этот дикарь! – но из инструментов у меня была одна штыковая и одна совковая лопаты, лом и кирка. Вооружившись этим инструментом сразу три человека приступили к работе, а я пошёл к Радованову, он оказался дома. Попросил у него пару лопат и кирку. Он оказался человеком запасливым и в сарае у него целым штабелем у стены стоял и лежал инструмент для обработки и копки земли, и он любезно предложил мне выбрать понравившиеся. Я принес инструмент к месту работы, сам взял лопату, Витя Мурга взял кирку и все шесть человек включились в работу. К восьми часам наша злосчастная траншея была полностью закончена не столько сколько выкопанная, сколько выдолбленная. После мы все сели на траву, закурили, а самый хозяйственный из нас Ваня Короленко сказал:

– Ребята, всю землю с лицевой стороны надо убрать, а сюда наносить камень для фундамента! – передохнув, накурившись и, прикончив остатки вина в бочонке, мы приступили к задуманному. Всем скопом работалось легко, очистив землю мы наносили туда камня дикаря. Будучи под изрядным хмельком Толя Немченко предложил переночевать здесь. Скошенный мною бурьян уже подсох, мы загребли его, расстелили и приготовили место для ночёвки.

На танцплощадке заиграла музыка, которую было слышно на весь посёлок. Ребята встрепенулись:

- Борис, что это свадьба? – я им объяснил:
- Нет не свадьба, а танцы на танцплощадке!
- А далеко это?
- Да нет! – ответил я, – Всего полкилометра!
- А там девочки есть?
- Да там есть, но их впускают туда только со своими кавалерами!
- А где же их взять? – завопили ребята.

– А вот в этом, я могу вам помочь, давайте поедem к моему другу Серёжке, у него аж три красивых сестры, а рядом живут их подруги одна другой краше, так что хватит на всех! – ребята обрадовались. Зарычали наши мотоциклы, и мы поехали к Серёжке. Увидев нас, находившиеся во дворе сёстры мигom метнулись в хату прихорашиваться. Во дворе были Серёжина мать и отец. Серёжка был где-то в загуле.

– Знаю, что он поехал в Кучурган и там познакомился с очередной подругой, я не вижу его уже второй день! – сказал отец. Я познакомил родителей Серёжи с моими друзьями и сказал матери:

- Мы приехали пригласить ваших девочек на танцы! – мать заулыбалась и сказала:

– Боря, так они же каждый день торчат мне в уши, найти способ пригласить тебя к нам, чтобы ты сводил их на танцы! – я ответил:

– Их просьбы Богу в уши! Вот привез им кавалеров! – а сам в глубине души подумал: «Пронеси от меня эту участь с ихними танцами». В доме окна были раскрыты и девки слышали все наши разговоры, и младшая раньше всех, прихорошившись побежала за подругами. Меня охватило разочарование, вместо трех подруг, она привела всех четырех, а далее всё повторилось, как и в те разы, мы прошли по всей улице, каждый под руки с девочками под удивлённые взгляды и приветственные возгласы доброжелательных, молодых и старых жителей. Мне выпало танцевать с Серёжиной старшей сестрой Галей и в танцах у нас всё получалось. Мне хотелось отдохнуть после насыщенного трудового дня, но Галина с каждым танцем тащила меня в круг. Я отдавал должное, в душе, ругая себя за свою инициативу. Но мои друзья в отличие от меня были настроены восторженно, танцуя на ровной танцплощадке без пыли и дыма с красивыми девочками и такую же красивую музыку. По окончании танцев мы провели их домой, затем, грохоча мотоциклами поехали к нашему будущему дому, зарылись в сухой хорошо пахнущий бурьян и, как убитые заснули. Утром в воскресенье, пока ребята ещё спали, я завел мотоцикл и съездил домой, предупредив мать и отца:

– Дорогие родители, мы с ребятами едем в Еремеевку, и когда я вернусь точно не знаю. Траншея полностью готова, камень под фундамент перенесён, и всё готово к закладке фундамента! Мать сказала:

– Хорошо, что приехал и предупредил. Я так и думала, что уедешь с ребятами, они же приезжали сюда! – она наложила мне в торбу еды, чтобы мы позавтракали, а отец из погреба принес трёх литровую бутылку с вином и наказал мне её вернуть обратно. Приехав в наш, обозначившийся уже двор, я увидел заспанных и зевающих ребят, которые обменивались впечатлениями во вчерашних танцах и незнакомыми им девочками. Я взял ведро с колонки, которая была в недалёке, принес воды, мы все обмыли холодной водой свои хари, и приняв Божеский вид уселись за трапезу, запивая вином, каждому хватило всего по неполной кружке. На душе повеселело, и мы поехали в Еремеевку.

До вечера в Еремеевке посещали всех друзей и знакомых, а вечером уехали в Будёновку, там намечался какой-то праздник и организовывались танцы. Там и заночевали. А утром рано уехали в Понятовку и так четыре дня, я с ребятами, которые выпросили на эти дни для себя

отпуск посетили всех друзей и знакомых, живших в окрестных деревнях и сёлах нашего района. В пятницу я вернулся домой. Отец сказал:

– Сынок, я был в Раздельном, смотрел траншею под фундамент и был у отца Серёжи Огородникова и договаривался с ним о строительстве дома, пока он утвердительно ничего не сказал. А сказал, чтоб подъехал к нему через три четыре дня. Ты постарайся заехать к ним и попробуй его уговорить! – на следующий день после обеда я поехал в Раздельное к Серёжке, но дома его не застал, он опять уехал в Кучурган, но отец и девчонки были дома. Встретили меня очень хорошо тепло и приветливо, и стали уговаривать меня остаться у них до приезда Сергея, а вечером опять сводить их на танцы. Я, выбрав момент, завёл разговор с дядей Сашей, так звали отца Сергея о строительстве. Он мне объяснил:

– Борис, работу в Кучургане я закончил, но у меня по Раздельной ещё есть три заказа! – я стал его уговаривать. Услышав наш разговор, девчонки и Мать Клавдия Васильевна неожиданно для меня стали уговаривать дядю Сашу дать согласие на постройку нашего дома. И дядя Саша согласился. Я тотчас съездил в магазин, привёз бутылку доброго коньяку, и мы все дружно скрепили наш договор. Но девчонки поставили мне ультиматум:

– Боря, в связи с тем, что дом будет строиться уже с завтрашнего дня, то ты должен поселиться у нас и каждый вечер водить нас на танцы! – причем Клавдия Васильевна заняла их сторону и нажала на дядю Сашу, который сказал:

– Долг платежом красен! Они помогли тебе, ты помогай им! – я согласился и поехал домой предупредить отца.

– Папа, с завтрашнего дня начинается стройка дома, так сказал дядя Саша! -отец обрадовался, пошёл в МТС брать отпуск. У меня оставалась последняя неделя отпуска, которую я потратил в основном: днём на строительство, а по вечерам приевшиеся мне танцы. Мой друг Серёжа появился только один раз, Последние два дня своего отпуска, я поехал к Татьяне в Одессу. Там мы сговорились, что зимой на её зимние каникулы, она ко мне приедет в Хмельницкий и мы порешим, как нам быть дальше. Приехав из Одессы, стал собираться уезжать. В это время во вторую половину нашего дома поселили двух девочек Валентину и Людмилу. Валентина была из Кировограда и её направили работать в нашу МТС электриком, а Людмила тоже из Кировограда, закончила медицинский техникум и её направили в Марьяновку на должность сельской фельдшерицы. Последний день моего отпуска было воскресенье, я сводил этих девочек в клуб на танцы, а утром к восьми часам съехались мои друзья и всем скопом проводили меня на станцию, посадили в поезд, и я поехал опять в училище. Опять привёз своим наставникам отцовы вина и его наказ:

– Драть пуще прежнего для его же пользы!

ЧАСТЬ 2

РЕСПУБЛИКАНСКИЕ СПОРТИВНЫЕ СОРЕВНОВАНИЯ

Начинать третий год учебы в училище, а четвертый год службы для меня было почему-то тяжело. Вот недавно мы проводили выпускников с третьего курса, а теперь сами стали выпускниками и этот, начавшийся учебный год казался будет беспросветным. Хрущёвские нововведения в отношении Сталина и Армии не сулили нам ничего доброго. Но постепенно учёба и спорт поставили меня в нужное русло, я перестал думать о будущем и занимался будничной работой, стараясь постичь на занятиях преподаваемую военную науку, а на ежедневных тренировках искусству, спорту тем более, что в начале мая ожидалось Республиканские соревнования по классической борьбе в Киеве, но для этого надо было победить на областных соревнованиях, которые ожидалось в феврале месяце. В январе месяце наш курс стрелял из Т-54А штатным снарядам на Житомирском полигоне. Наш экипаж был это Коля Хорохорин, Леша Созаненок и я отстреляли на отлично, умудрившись поразить первые цели тремя попадани-

ями, за что по приезду командир роты нам дал по двое суток отпуска, и мы его прекрасно провели, празднуя субботу и воскресенье у моей двоюродной сестры Зины и её мужа Саши.

Приближался приезд ко мне Татьяны. До её приезда оставалась всего неделя. Внезапно меня вызвали к зам начальнику политотдела училища. Прибыв к нему, он усадил меня и стал меня расспрашивать о моих взаимоотношениях с Татьяной. Из его вопросов я понял, что они читают наши письма друг другу, а из писем знают о нас почти всё. Расспросив меня, он мне заявил:

– Борис, ты делаешь большую глупость, раз решил свою судьбу связать с дочерью врага народа! – в ответ я ему сказал:

– Во-первых дети не отвечают за своих родителей и, что это сказал сам И. В. Сталин! А во-вторых, что вина её отца ничем не доказана и его по-видимому скоро реабилитируют!

– Ну раз ты так упорствуешь и не прислушиваешься к моим советам, то полит отдел училища будет ставить вопрос о твоём отчислении и направлении тебя в войска! А чтобы ты подумал, даю тебе три дня. Через три дня я тебя вызову! – обдумывая всё это, мне конечно не хотелось отчисляться, и я написал Татьяне, чтобы она в этот раз не приезжала, а сам решил, что после окончания училища меня отчислять уже никто не будет и мы вольны будем с ней распоряжаться своей судьбой. Вызвавшему меня через три дня к полковнику Калиничеву, я сказал, что отчисляться не буду и жениться курсантом тоже не буду.

– Вот и добре! – сказал Калиничев, – Иди учиись! – однако моё письмо Татьяне пришло позже, чем она уехала ко мне. Приехав в Хмельницкий, она устроилась в гостинице, позвонила на КПП, сообщив свой телефон. Я отпросился в увольнение и встретился с ней. Объяснив ей, как всё было и заверил, что после окончания училища мы оформим наши взаимоотношения. Татьяна всё это восприняла относительно спокойно, возмущившись только тем, что мне угрожали отчислением. А через два дня меня вызвали опять в полит отдел, но уже к начальнику полит отдела к полковнику Долбенко. Оказывается, Татьяна была у него на приёме и высказала своё возмущение, что они вмешиваются в нашу личную жизнь. Они же в свою очередь, свою вину спихнули на меня и заявили, что это я не хочу связывать свою жизнь с ней, как с дочерью врага народа и преподнесли ей так искусно, что Татьяна поверила им. Встретившись с ней на следующий день, она обвинила меня во всех моих незаслуженных грехах. Разобиженная на меня, она уехала, заявив:

– Борис, не переписываться, не встречаться с тобой никогда не буду, чтобы не портить тебе жизнь! Прости!

Подлость велеречивых политработников обожгла меня на всю оставшуюся жизнь, в течение которой я убеждался, что эта свора и каста под красивыми словами скрывает подлые и чёрные поступки людей этой профессии. Потрясшие меня эти события с вопиющей несправедливостью ко мне по сути дела выбили меня надолго из своей колеи. Но устранившейся в училище давно заведенный порядок и полная загрузка всех физических и моральных сил, обучаемых делала свое дело. Учеба продолжалась, жизнь продолжалась насущные проблемы решались. Мало-помалу все стало на свои места.

Наступил февраль месяц, настала пора областных соревнований по борьбе и другим видам тяжёлой атлетики. На этот раз в соревнованиях было очень мало мастеров спорта, а в моем весе ни одного. Зато перворазрядников, претендующих на призовые места, было предостаточно и мне на этих соревнованиях пришлось изрядно потрудиться над ними на ковре при поддержке меня городскими и училищными болельщиками. Эти соревнования я выиграл и стал членом сборной Области, представляемой на Республиканские соревнования. Для подготовки меня к этим соревнованиям спортивный комитет Области выделил мне для ежедневных тренировок двух моих соперников, занявших на этих соревнованиях второе и третье место. Один из них был с тридцать первой танковой дивизии сержант третьего года службы танкист, здоровенный парень чуть выше моего роста, звали его Коля, а вторым был сверхсроч-

ник тоже Николай Сильвестров двадцати семи лет отроду, бывший три года назад мастером спорта, тогда это звание надо было подтверждать ежегодно. Начальник училища в целях моей подготовки к соревнованиям освободил меня от всех нарядов и полевых занятий, которые продолжались более суток. Для тренировок со мной ребята приходили через день, один сегодня второй завтра. Как-то, когда вся рота была на полевых недельных занятиях, а в роте оставалось только три человека в том числе и я. Я решил подменить дежурного по роте, целую ночь не спал, а утром в десять часов пришёл Николай на тренировку. Спортзал был у нас на первом этаже. Я спустился туда, Николай в ожидании меня уже разогрелся на спортивных снарядах и бегал по спортзалу весь потный и готовый к работе. Извинившись за свое невольное опоздание, я почему-то не стал разогреваться и сказал:

– Пошли на ковёр! – где стали разучивать и совершенствовать приемы, которые были у нас в плане тренировки. При проведении одного из бросков Николаем, я почему-то расслабился и правым плечом ударился об ковер, почувствовал адскую боль и три дня после этого не мог заниматься. Сходил в санчасть, там врач посмотрел, пощупал, покачал головой и сказал:

– Ты повредил плечевую связку, болеть будет долго, если не всю жизнь. О травме я сразу же сообщил в спорткомитет, чтобы мне сделали замену. Но вместо замены меня повезли к Областному хирургу, который осмотрел меня, сделал рентгеновские снимки и сказал:

– Ничего страшного нет! – и прописал мне прибывать к нему через каждые три дня, и колол мне какие-то обезболивающие уколы, что позволяло мне безболезненно тренироваться. По моему настоянию за неделю перед выездом спортивный комитет провел между нами троими соревнования в Областном драмтеатре, объявив, что идет в неконкурсная борьба на поездку в Киев. На своё же удивление без особых проблем я уложил на ковер обоих своих конкурентов и стал, не смотря на травмы кандидатом на Республиканские соревнования. Спорткомитет заранее давал нам сведения о конкурентах, которые будут представлены в Киеве. Мы прибыли в Киев за два дня до начала соревнований. Соревнования проводились в спортзале спортивного комплекса Динамо. Так как соревнования были открытыми то из Ташкента прибыл Олимпийский чемпион Гриша Гамарник, и он был заявлен как раз на мой вес. Эти два дня перед соревнованиями мы посветили тренировкам, тренировался там и Гриша конечно все мы за ним наблюдали, рассматривая его загорелое тело и особенно шею, которая начиналась от ушей. Его рельефные мышцы ничего хорошего для меня не сулили и еще в этой когорте был чемпион Киева Ткаченко. Не знаю почему, но, когда я тренировался Гриша подходил и наблюдал за мной. На соревнованиях все пошло своим чередом. Я выиграл две победы подряд над чем пионом Черниговской области и Сумской, мне предстояло встретиться с чемпионом Киева Ткаченко. Встреча началась драматично для меня, со стойки он дважды перевел меня в партер, и я чуть не попался на бросок через пояс, в результате которого судья поставил меня в партер. До конца встречи оставалось секунд двадцать, и я проигрывал начистую, но Ткаченко уверовав в своей победе расслабился и допустил большую оплошность, он обе свои руки запустил мне под мышки, желая провести нельсон. Для меня его желание было подарком, ибо контрприём у меня был отработан с блеском. Мгновенно сжав предплечьями его руки и крутанувшись всем телом направо дело было сделано. Ничего не понявший Ткаченко лежал на лопатках, а я с трудом разжимал свои замлевшие руки. А на следующий день предстояла схватка с Гришей Гамарником. Наша схватка в этот день была первой. На все встречи Гамарника собиралась масса болельщиков. Для меня встреча началась почему-то спокойно. Мы долго не могли никак захватить друг друга, но где-то на второй минуте Гриша перевёл меня в партер, во второй трехминутке мне пришлось его поставить в партер, да так и закончилась наша встреча, как я считал каждый из нас заработал по одному очку. Но судьи посчитали почему-то иначе. Присудив Грише два очка, а мне одно, обосновав тем что мол Гриша перевёл меня в партер первым. Да и так было понятно, что олимпийский чемпион должен был выиграть. Таким образом я занял только второе место на Республикан-

ских соревнованиях. Команды борцов классического и вольного стиля, а также штангисты Хмельницкой области в общей сложности заняли, как никогда раньше четвертое место Республики. Встречали всех нас на вокзале с оркестром, руководил нами председатель спорткомитета области. Здесь же присутствовали представители местных властей и командования воинских частей и нашего училища от которых были представители в областных командах. На перроне было полно народу студенты, наши болельщики, вручали нам букеты с цветами. Заставили нас надеть регалии типа лент, наши спортивные номера, которые мы прихватили на память, потом нас повезли в драмтеатр, где было полно народу, которые нас приветствовали, там была торжественная часть встречи. Речь держал сам первый секретарь Обкома партии. Выступал начальник нашего училища, командир тридцать первой дивизии, председатель спорткомитета Области. Выступали тренеры, которые нас готовили и в конце дали слово старшему борцу Позднякову, ему было лет восемьдесят пять, но выглядел он бодро. Он коротко и понятно для всех борцов высказал свои мысли, а мы все хлопали ему больше всех, а за нами аплодировал весь зал. Здесь же нам вручили от спорткомитета памятные подарки, памятные грамоты, после чего нас повели в Обкомовскую столовую, где были накрыты торжественные столы и налиты каждому в большой фужер шампанского. После торжественного ужина и застольных речей нас развели по местам службы. А утром на обще училищном построении начальник училища вывел нас всех шестерых из строя и от лица службы за отличные результаты на Республиканских соревнованиях объявил благодарность, а в субботу вечером нас заставили выступать перед курсантами и рассказывать, как там всё было. Так в основном закончились мои спортивные достижения в этом 1956 году.

Настала пора экзаменов и мы усердно корпели над учебниками, готовясь к их сдаче. К концу июня мы сдали все текущие экзамены и зачёты, впереди маячили Государственные экзамены. На госэкзамены выносилось токсическая подготовка два экзамена теория и практика, огневая подготовка два экзамена теория и практика, стрельба на танковой директрисе вкладным стволом на новых тогда танках Т-54А, по оружию массового поражения тоже было два экзамена теория и практика (марш бросок на семь километров в средствах химзащиты) и история партии ВКПБ и физическая подготовка (все положенные на третьем курсе упражнения и кросс три километра в поле по целине).

Восемнадцатого июля в училище прибыла Государственная экзаменационная комиссия, нам её представили на обще училищном построении. Экзамены начались двадцать пятого числа. Перед каждым экзаменом очередного взвода выступал председатель комиссии и в присутствии всех членов комиссии объявлял требования к нашим знаниям, которые мы должны показать, а в составе экзаменационной комиссии были представители основных родов войск. Там были офицеры, мотострелки, танкисты, химики, инженеры, ремонтники и другие специалисты.

За три года учёбы мы поднаторели в военных науках, как отче наш, знали боевой устав и практику работы командира в организации боя. Несмотря на напряжённую обстановку первых дней экзаменов, по словам председателя комиссии мы показали твердые знания, как теории, так и на практике. Для меня сдача экзаменов сложностей никаких не было. Голова варила хорошо, а памяти было не занимать, однако на экзамене по истории ВКПБ, я чуть не погорел. В феврале месяце прошёл двадцатый съезд КПСС, на котором Н. С. Хрущёв развенчивал культ личности Сталина, и до нас курсантов не очень-то доводились эти материалы, а мне на экзаменах этим вопросом спрашивалось о борьбе партии с троцкизмом. Этот вопрос я знал на зубок и поэтому выпалил его, как из пулемёта, зная, что основную роль в борьбе с троцкизмом сыграл И. В. Сталин. Глядя на лица членов комиссии, я удивился, что у членов комиссии от моего ответа перекошились физиономии и старший из них, заикаясь мне сказал:

- А вы, что не читали материал двадцатого съезда КПСС? – я доложил:
- Читал! – тогда он напрямик сказал:

– А вы, что не знаете развенчание культа личности Сталина? – я сказал:

– Знаю!

– А почему же вы восхваляете Сталина? – уверенный в своей правоте, я ответил:

– Всё это написано и в истории ВКПБ и Большой Советской энциклопедии. А я не настолько силен в истории и литературе, чтоб вымарать исторические факты! – глянул влево к окну, где сидел мой взводный Василий Васильевич, увидел его скривившуюся физиономию и здоровенный кулак, который он показывал мне, меня с миром отпустили, не объявив мне оценки и долго потом совещались, как мне рассказывал Василий Васильевич, какую оценку мне поставить. От тройки меня спас наш преподаватель полковник Коровин, доказав, что у меня за все три года были одни пятерки по истории партии. Мне поставили четыре балла. После истории партии мы сдавали физическую подготовку. Из двадцати четырех курсантов нашего взвода самым проблемным был Слава Бурмистров. По итогам сдаваемых экзаменов наш взвод выходил на первое место, а по физической подготовке Славка мог потянуть нас назад, поэтому всё своё свободное время поочередно мы гоняли Славку на спортивных снарядах и по кроссу на три километра. Но Славка был тяжёл и ленив. Его и пинали, и пригрозили, что если завалит физо, то по выпуску сделаем ему больно. Если на снарядах мы его подготовили более-менее сносно, то на кроссе на половине дистанции Славка сдыхал.

Наступил день сдачи изо. Двадцать три человека на снарядах показали отличные результаты, а Славка порадовал нас хорошей оценкой. На следующий день к одиннадцати часам нас вывезли в поле, показали направление куда бежать и пустили вперед. Со Славкой мы порешили сделать так: два лучших бегуна будут до половины дистанции бежать сзади Бурмистрова и подгонять его вплоть до пинков по заднему месту, а с половины дистанции назначили пять самых выносливых в том числе и меня, которые по двое хватали Славку за руки и волокли четыреста метров, на последнем этапе пришлось Славку волокти мне одному. Оставалось метров двадцать, глянув на секундомер, висевший у меня на шее, увидел, что на отлично остается всего секунд десять, последний раз пнул пинком в Славкин толстый зад прорычал ему:

– Сука, попробуй не уложись! – и что было силы рванул на финиш, уложился на отлично, остановился и стал наблюдать за приближающимся Славкой. Тот, шатаясь из стороны в сторону медленно приближался. Все мы орали ему:

– Ну давай же давай! – на наше удивление Славка на последней секунде все же уложился на хорошо. Не знаю, как эта дистанция далась Славке, но мы выложились на него по полной. Таким образом по результатам всех Госэкзаменов наш взвод занял первое место во всём батальоне. На следующий день на всеобщем построении, начальник училища предоставил слово председателю Государственной экзаменационной комиссии. Перед строем выстроилась вся экзаменационная комиссия и её председатель подвел итоги Государственных экзаменов. Начальник училища поздравил нас с завершением Госэкзаменов и заявил:

– Товарищи курсанты, завтра я уезжаю в Москву к Министру обороны для подписания приказа о присвоении вам офицерских званий! – из опыта прошлых лет все знали, что на это дело уходит не более одной недели.

Свободные от экзаменов, получившие право на увольнение в город, и незанятые ничем мы не знали куда себя деть. В город приехала группа артистов московского малого театра, училище пригласили на постановку. В театр шли обще училищным строем под оркестр и назад так же. Больше половины нашего взвода в этот день были в увольнении, и мы должны были идти замыкающимися в училище. Наш Василий Васильевич был с нами на концерте в театральном буфете заложил несколько сот грамм за воротник и был немного навеселе. Когда он был в таком состоянии то был покладистым и добрым. Мы подкатились к нему и спросили разрешение идти не в строю, а просто пеша. Василий Васильевич раздобрился, махнул рукой и сказал:

– Идите! – строй училища шёл по дороге, а мы человек шесть со взвода по сути дела с ним по тротуару. Нас сопровождала целая кавалькада студентов, которые шли в училище

на танцы. Не доходя до ворот училища на максимальной скорости в хвост колонны на наших глазах врзается ГАЗ-51, который влетел на людей и на них повис. Мы кинулись туда. Я первым подскочил к машине и открыл дверцу, за рулем сидел водитель вусмерть пьяный. Выкинул его из машины на Венку Текутьева, который тотчас его нокаутировал. Курсанты нашего взвода и других взводов, которые были в строю прибежали, на руках приподняли машину и вытащили оттуда всех попавших под неё. Там было восемь человек, все были живы, но двое были в тяжёлом состоянии, всех их увезли в госпиталь, водителя забрали в милицию, а мы с тяжёлым сердцем пошли в казарму, а ещё через день мы хоронили умершего в госпитале курсанта единственного сына у престарелых родителей.

Прошла неделя, началась вторая, но начальника училища и сообщения из Москвы по подписанию приказа не было. Чтобы нас как-то занять, нам предписали заняться подгонкой и во второй раз примеркой давно уже пошитого нам офицерского обмундирования, но как не растягивали время, за два дня мы завершили эту процедуру. Появились слухи, что Министр обороны не подписывает приказ потому что идёт сокращение Армии и нас могут выпустить, как офицеров запаса. В целом меня не пугало такое положение дел потому, что в любом случае я получал диплом техника-механика по ремонту бронетанковой и авто тракторной техникой. С таким дипломом у себя на Родине я работой был обеспечен до конца своей жизни. Эти слухи подтвердились ещё тем что в училище приехали представители из Харьковского авиационного штурманского училища и стали предлагать перейти к ним для переучивания на штурманов самолётов, с условием немедленного присвоения офицерского звания, назначения офицерских окладов на период времени переучивания. После них приехали представители из артиллерийских училищ и тоже агитировали, на эти предложения откликнулось не так уж много наших выпускников, но все же человек тридцать или тридцать пять покинули училище, уехав на переучивание. А мы ждали весь август и сентябрь месяц, стали проситься, чтобы нас ставили в наряды, и чтобы привлекали на какие-то работы. Навстречу нам пошёл новый начальник политотдела, прибывший в училище вместо полковника Довбенко. В начале, он договорился в двух близлежащих совхозах об оказании им помощи в уборке яблок. Изголодавшись без работы, мы с удовольствием исполняли эту миссию и за два дня убрали, перебрали и погрузили на хранение все убранные яблоки. Затем нас направили в другие совхозы на уборку свёклы и то, что они убрали несколько недель, мы убрали за одну неделю. А начальника училища всё не было, не было и приказа и нас направили убирать картофель. Проработав неделю, работа для нас закончилась, мы вернулись в училище, где потянулись наши дни в ожидании неизвестности. В город идти не хотелось. В училище заняться было нечем. Слухи ходили разные. В основном лежали на койках и ждали с моря погоды.

Двадцать седьмого сентября в казарму зашёл начальник вещевого службы и тихо сказал дежурному по роте:

– Передай ротному, чтобы курсанты шли переодеваться! – кто-то лёжа громко спросил:

– Товарищ майор, а во что, в гражданское что ли? – майор обернулся и громко сказал:

– Почему в гражданское? В военное! Позвонил начальник училища, сейчас он садится в поезд и везёт приказ Министра обороны о присвоении вам воинских званий! Завтра утром построение в десять часов для зачитки приказа Министра обороны и вручения вам офицерских пагон и дипломов, и предписаний для направления вас в войска! – все, кто был в казарме молча вскочили с коек, подбежали к майору и под крики ура начали подбрасывать под потолок его грузное тело. Переворачиваясь в воздухе, он кряхтел и говорил:

– Ребята если вы меня упустите, то я рассыплюсь! – почти до утра мы переодевались.

Утром пошли уже в офицерской форме, а в десять часов, неузнаваемые, преобразившиеся в парадной форме стояли в строю. Василий Васильевич меня инструктировал, говоря:

– Борис, когда начальник училища тебе протянет руку, не забудь, что она у него раненая и Бога упаси, не жми, ты понял?

– Понял! – сказал я. Но, когда мне начальник училища вручал пагоны, диплом, предписание и поздравил меня с окончанием училища, протянул мне свою руку, я, забыв за все наставления, от души пожал руку генералу, спохватился, когда увидел его побледневшее лицо, то у меня от этого чуть не померк свет в глазах, я вспомнил наставление взводного и все понял. А вечером был торжественный ужин и балл, а утром мы все уже разъезжались по домам и далее по частям, распрощавшись со многими на всю жизнь.

У меня в предписании прибыть шестого октября в распоряжение начальника Управления кадров группы Советских Войск в Германии город Вьонсдорф. Прибыв на свою станцию Раздельное, загруженный приданным выданным в училище у меня насчитывалось три здоровенных рюкзака, в которых было два одеяла летнее и зимнее, два комплекта постельного белья и даже перьевая подушка, две шанели повседневной и парадной, сапоги яловые и хромовые, ботинки, четыре комплекта обмундирования, которые составляли: полевое ХБ, полевое ПШ, повседневное для строя выходное и парадное обмундирование. Кроме того, полевая сумка, портупья и парадный ремень. Всё это составляло большой объём и солидный вес, разместившийся в трёх больших рюкзаках.

Узнав по телефону нет ли машин с Марьяновки в РТС, их там не оказалось и сегодня сюда их приезд не планировался. Отнес свои вещички к Любе Картавой в привокзальный ресторан, пошёл искать транспорт, идущий в Марьяновку. Но такого не наблюдалось. Люба посоветовала мне позвонить в Марьяновскую МТС, и отец приедет. Но мне хотелось прибыть неожиданно. В это время в ресторан вошел какой-то дядька и сел за столик. Увидев его, Люба толкнула меня в бок и сказала:

– Это наш единственный в Раздельной таксист частник, подойди к нему, он тебя отвезёт! – я подошёл к нему, поздоровался, пожелал приятного аппетита и спросил:

– Не отвезете ли вы меня в Марьяновку? – он утвердительно кивнул головой и сказал:

– Это будет дорого, за каждый километр рубль! – я согласился. Мы с ним забрали мои вещи и пошли к машине. Это был трофейный Хорьх с откинутым кожаном верхом, на котором, когда-то видимо ездили высокие чины Вермахта. Не смотря на свой, весьма почтенный возраст автомобиль выглядел презентабельно, благодаря уходу за ним хозяина. Мы загрузили вещи, я уселся рядом с водителем, и мы поехали по разухабистой Раздельнянской дороге. Несмотря на ухабы, рытвины и колеи амортизация машины работала безукоризненно, и за полчаса мы добрались до родительского дома. Заехали во двор, во дворе мать привязывала коз. Увидев заехавшую машину, она удивленно повернулась в нашу сторону, потом увидела меня в офицерской форме, всплеснула руками и села возле козы, глядя на меня причитала:

– Да ты ли это, Боря? – потом пришла в себя, я её поднял, вытер ей слезы и мы пошли в дом. Я рассчитался с водителем, поблагодарил его, и мы расстались. В селе новости расходятся моментально, я не успел умыться, как в хату зашёл отец и директор МТС. В течение часа собрались все друзья моих родителей и началось застолье в честь моего приезда и моего звания. О моем приезде уже знали и в других селах мои друзья и товарищи, с которыми я учился и работал в свое время. Со второго дня моего приезда чуть ли не каждый день приезжали мои друзья и товарищи. Интересовались, как я закончил училище, куда направляюсь и сколько мне служить в Армии? Узнавая, что теперь мне служить придется лет двадцать-двадцать пять, они спрашивали меня:

– И зачем тебе, Борис, это было надо? – почти каждый из них просил показать мой диплом, и читая его одобрительно кивали и говорили:

– Вот это да, вот эта специальность! Увольняйся из Армии, тебя везде примут! – но уже привыкший к военной службе, я отрицательно крутил головой и мне не хотелось увольняться из Армии. С Серёжкой мы поехали в Кишинёв на мотоцикле к его дядьке, там мы встретились с нашими товарищами по училищу и провели четыре дня, наслаждаясь молдавским ещё жарким солнцем, искристым вином, виноградом, брынзой и красивым девичьим окружением.

Шестнадцатого октября мы приехали в Марьяновку, из нашего двора выходил в сопровождении матери капитан, увидев меня он спросил:

– Вы, Каганский? – я ответил:

– Да!

– Вот вам предписание и проездные билет до Хмельницкого, вам сегодня в девятнадцать тридцать надлежит поездом отправиться в своё училище для дальнейшей отправки вас к своему месту службы! – я удивился и спросил:

– А что случилось?

– Ничего, я выполняю распоряжение! – и добавил:

– На вокзале я буду ждать вас у вагона! – по-быстрому собрались отцовы друзья, мать организовала небольшое застолье. Вещи собирать было, они так и лежали запакованные. Всем скопом проводили меня до вагона, где ожидал меня капитан и убедившись, что я отправляюсь, пожелал мне доброго пути. В одиннадцать часов, подъезжая к вокзалу я видел, что на погрузочных площадках грузятся танки тридцать первой дивизии и в них прямо на платформах загружаются боеприпасы. Прибыв в училище, там уже было тридцать два человека, из сорока двух направляемых для службы за границей. Нас собрали всех вместе, и начальник отдела кадров училища объявил нам:

– Сегодня в двадцать три часа со станции Гречанной номерным воинским эшелоном вы будете отправлены к местам службы через Брест. В семнадцать часов на складе артвооружения вам надлежит получить пистолеты и боеприпасы! – к вечеру прибыли все сорок два выпускника. На ужин мы собрались в привокзальном ресторане, пригласив туда своих командиров. По окончании вечера, где мы изрядно загрузились спиртным, закусывая прелестными маринованными грибочками, которые тогда мне показались эталоном закуси, и до сих пор кажется, что после тех грибочков мне ни разу не попадались такие вкусные и аппетитные закуси. После мы проводили своих командиров в их квартиры. Дальше всех жил командир роты Вячеслав Захарович. Провожая его, проходя возле парка, где у входной аллеи на трехметровой высоте стояли громадные каменные резные клумбы, на которых ещё виднелись цветы. Дойдя до этих клумб все невольно посмотрели наверх, а Вячеслав Захарович, глядя туда смехом произнес:

– Каждый день хожу здесь и мечтаю, вот бы туда забраться и оттуда побрызгать! – нас было человек двенадцать и у всех одновременно возникла мысль, что эту мечту нашего любимого ротного надо исполнить сейчас же. Мы образовали две пирамиды по четыре человека, внизу стали самые здоровые в том числе и я, подхватив за руки Вячеслава Захаровича мигом водрузили его на трехметровую высоту. Он с удовольствием из клумбы побрызгал на все стороны, и таким же порядком мы сняли его оттуда.

– Ну вот! О чем теперь я буду мечтать, проходя мимо? – а мне и теперь приятно вспомнить, что удалось исполнить хоть одну мечту, безмерно уважаемого нами человека, которого не стало через полтора года, он умер от рака лёгких. Нас отвезли на станцию Гречаны, где в ожидании нас стоял эшелон в составе восьми купейных вагонов. В каждом тамбуре стояли пулеметчики с пулеметами, а в вагонах находилось уже много офицеров отпускников, вызванных из отпуска и выпускников из других училищ, направляемых для службы за границу. Нас предупредили, что в Бресте после перестановки вагонов на другую колею, мы перейдем Государственную границу с Польшей, по пути через Польшу окна держать закрытыми и к окнам не подходить. Перед утро мы тронулись из Бреста и за сто или двести километров перед границей с Германией, действительно нас обстреляли из пулемётов, но на наше счастье никто в эшелоне не пострадал. Перейдя границу с Германией нам разрешили поднять шторы с окон и к шестнадцати часам, мы выгрузились в Вюнсдорфе, где нас ожидали три армейских автобуса. С вокзала нас повезли в штаб группы Советских войск в Германии прямо в Управление кадров, где каждого из нас принимал зам начальника Управления кадров. Из шестерых человек с нашего взвода меня вызвали первым. Я зашёл в кабинет доложил и с удивлением уви-

дел, что передо мной сидит полковник с очень знакомым мне лицом, который в свою очередь улыбался, смотрел на меня и спросил:

– Так ты, Борис, из Еремеевки?

– Так точно! – ответил я.

– А кто такой Юлий Мельник? – я ответил: – Мой друг!

– А меня ты что не помнишь? Ты же пять лет назад целый месяц возил меня на Виллисе, когда я был в отпуску у сестры Люды Мельник! – я тоже разлился в улыбке и сказал:

– Я вас вспомнил, товарищ полковник!

– Вот и хорошо! – сказал он.

– Давай я тебя оставлю здесь при штабе группы, у нас через месяц освобождается должность командира комендантской роты, так как я тебя знаю и ещё тогда изучил, что ты займешь это место! – комендантскую службу я представлял смутно и менять свою профессию на комендантские заботы у меня желания не было и я стал отрицательно крутить головой.

– Нет, не хочу в коменданты!

– А что бы ты хотел?

– А я бы хотел, товарищ полковник, попасть в линейный танковый полк вместе со своими друзьями, которые стоят за дверью, мы все с одного взвода и одного отделения, все имеют отличные характеристики и хорошо окончили училище!

– Ну что ж пусть будет по-твоему! – он открыл дверь и зазвал в кабинет всех моих друзей. Перекинувшись с ними несколькими словами, он вызвал подполковника и сказал ему:

– Всех направить в двадцать восьмой танкосамоходный полк, отправление сегодня же. – а отправлявший нас подполковник отвез нас на вокзал, назначил меня старшим команды, вручил билеты до города Галле и сказал:

– Там вас на вокзале будут встречать! – через два с половиной часа мы прибыли в Галле. На вокзале нас ожидали два офицера майор и подполковник. Майор первым подошёл к нам, представился, заявив, что он начальник Управления кадров полка, а идущий вдали к нам подполковник начальник штаба полка. Я выстроил всю нашу команду и по его приближению доложил:

– Товарищ подполковник, офицеры выпускники Хмельницкого танкового училища для дальнейшего прохождения службы в вашем полку прибыли! – подполковник поздоровался с каждым из нас, посмотрел на кучу наших вещей и сказал майору:

– Распорядись чтоб вещи погрузили в грузовую машину, а вы, офицеры, за мной шагом марш! – и вывел нас на привокзальную площадь. Там стояла грузовая и легковая машина ГАЗ-69. Несколько солдат грузили наши вещи на машину.

– А теперь! – сказал подполковник, – Я вас развезу по городу и буду высаживать, где по-боевому предназначению взвод каждого из вас будет выходить для охраны объектов! – мы скопом втиснулись в машину и нас повезли по большому и незнакомому городу. Первого высадил Яшу Семенюка. Раскрыл карту города, показал на карте место, где мы находимся, указал на городскую ратушу и сказал:

– В этой ратуше находится городская власть, и тебе Семенюк в случае чего придется охранять! – показал на карте, где находится военный городок и сказал:

– Мы поехали дальше, а ты, лейтенант Семенюк, должен самостоятельно пешком добраться до военного городка, представиться дежурному по полку, тот зафиксирует время твоего прибытия и отправит тебя на ужин, ваши ужины будут в горячем состоянии держаться до утра! – он каждого из нас развез на свои охраняемые объекты, везде дал сориентироваться по карте и дал первое указание, что и Яше Семенюку. Кроме того, он предупредил, что независимо от того, когда мы появимся в части, он завтра утром в десять часов будет нас всех ждать в своем кабинете для представления нас командиру полка.

ЧАСТЬ 3 СЛУЖБА В ГЕРМАНИИ

Свои указания подполковник Красильников пересыпал такой красочной нецензурщиной, которую мы в училище могли слышать только из уст знаменитого преподавателя по вождению Силаева, но у того все это выражалось доброжелательно, а у этого напрочь сквозило неумолимостью и строгостью. Последним высадили меня у окружной тюрьмы, находящейся в старинном каменном замке, обнесённым по периметру широким рвом заполненным водой.

– Здесь содержатся военные преступники, осужденные за преступления ещё на Нюренбергском процессе, а также Государственные преступники ГДР! – дал мне сориентироваться по карте, он спросил меня:

– Остальное тебе понятно? – я ответил:

– Так точно!

– Тогда вперед! – сказал он, сел в машину и уехал. Особого труда в ориентировании мне не представлялось, единственным препятствием в моём движении к городку представляло то, что уже темнело, а наружный свет от фонарей и реклам мешал выдерживать направление, пересекая улицы. Я выбрал самый короткий путь, который определил по карте и знал, что, где-то мне придётся пересекать реку через мост, которых в этом направлении, как я заметил было три или четыре. Выйдя к реке, я увидел, что в этом месте моста нет и решил идти вправо до очередного моста. Через полкилометра я вышел на металлический мост, он оказался пешеходным, я прошел по нему и вдоль какой-то улицы по направлению, как мне казалось к военному городку, и минут через двадцать, я вышел напрямиком к освещённым воротам и КПБ военного городка. Увидел освещённое белое здание с воротами и надписями КПП, понял, что прибыл к месту назначения. Открыл дверь и вошёл. Там стоял помощник дежурного и протянул мне руку за пропуском. Пропуска у меня не было, и он показал мне рукой в направление окошка, на котором висела табличка с надписью: «Дежурный по КПП». Там сидел старшина сверхсрочной службы, я ему сказал, что у меня нет пропуска и, что только прибыл. Он попросил предъявить удостоверение. Я ему показал. Он сверился с каким-то списком и сказал, что из вас шестерых вы прибыли вторым. Выйдя из КПП, он показал мне, как пройти в двадцать восьмой полк:

– Идите прямо по улице никуда не сворачивай километр выйдете на плац своего полка, в конце плаца увидите здание с освещённым входом, это будет штаб полка, там же находится дежурный по части! – поблагодарив его за подсказку я пошёл, без проблем нашёл штаб полка, представился дежурному. Дежурным по части был старший лейтенант Джура. Я ему представился, он заулыбался и сказал:

– Один из вас уже прибыл! – я поинтересовался:

– А кто прибыл? – Джура посмотрел в лежащий перед ним список и сказал:

– Прибыл с полчасика назад лейтенант Выскварко! – я про себя удивился его прыти, так как его объект, где его высадили на мой взгляд, был самым отдалённым. Старший лейтенант отвел меня в офицерскую столовую, где меня ожидала дежурная официантка, накормившая меня горячим вкусным и сытным ужином. Затем Джура отвел меня в гостиницу и завел в комнату, выделенную для всех нас вновь прибывших. Комната была большая и в ней стояло семь больших кроватей, аккуратно застеленных белоснежным бельём, на одной из коек уже спал капитан медицинской службы. Я понял это, когда увидел его принадлежность по аккуратно сложенному на стуле его обмундированию. Коля Выскварко сидел в одних трусах на разобранной кровати и улыбался мне. Я спросил его:

– Как ты смог так быстро прийти? – Коля приложил палец к губам и головой кивнул в сторону спящего капитана и показал на дверь и дал знак «Пойдем покурим». Мы вышли во двор и сели в курилке. Я повторил свой вопрос:

– Как же ты, Коля, так быстро пришёл?

– А я не пришёл, я приехал!

– Как?

– Я шёл по улице, дошёл до какой-то трамвайной остановки, на ней ожидая трамвая стоял капитан медик, я спросил у него, как мне добраться до военного городка Хайде? Он спросил зачем? Я ему рассказал. Он сказал, что он едет туда же. И без проблем я приехал. Меня накормили и поселили сюда. Капитана зовут Володя, фамилия его Хиладзе, ему тридцать восемь лет, он очень строгий, но очень добрый! – третьим в двенадцать часов ночи появился Коля Хорохорин. Ещё через час Лёша Созанёнок и Вася Скрипис, Яша Семенюк появился в шестом часу утра. Проснулся я рано, где-то полседьмого, умылся, побрился и оделся. В это время проснулся капитан. Лёжа на койке, он пошарил рукой под кроватью и оттуда достал здоровенный немецкий тесак, служивший штыком к немецкой винтовке. По середине выходной двери из комнаты была прибита толстая деревянная дощечка, к которой на кнопках был закреплён бубновый туз. Капитан прищурил свои монголоподобные глаза, и лёжа метнул тесак. Тесак с грохотом вонзился в дерево ровно по середине игровой карты, рассеча бубнушку, как раз по середине. Капитан удовлетворённо хмыкнул, встал, из тумбочки достал сверток, в котором каждая в своем кармашке лежало штук двадцать пять или тридцать опасных бритв, производство самых разных известных фирм. Натянув правочный ремень, он медленно, не обращая ни на что внимание с явным наслаждением правил, выбранные им бритвы, проверяя их на волосках, выдранных у себя на висках, так-как на остальной части головы волос не было. Всё это он проделывал молча в полнейшей тишине. Все мы также молча с интересом наблюдали за этим его действием. Окончив правку, капитан развёл из мыльного порошка пену, поставил на стол зеркало, нанёс пену на лицо и, не глядя в зеркало четырьмя взмахами руки сбрил со своего лица всю растительность, после чего придирчиво и внимательно осмотрел лицо и чуть-чуть уголками губ улыбнулся довольный собой и своей бритвой. Любовно и аккуратно, он промыл её в мисочке с горячей водой, специальной салфеткой вытер её и положил обе бритвы в их кармашки, свернул с вёрток и положил его в тумбочку, затем взял полотенце и пошёл в умывальник. Идя оттуда, он выдернул тесак из двери и опять положил его под кровать. Одевшись, он произнёс за всё утро первые два слова:

– Садитесь всем за стол! – мы молча сели.

– Будем знакомиться! – сказал он.

– Моя фамилия Хиладзе, а зовут меня Володя! – кто-то из наших произнес:

– Владимир! – но он поправил:

– Не Владимир, а Володя! А теперь представляйтесь вы! – каждый из нас, как и он назвал свою фамилию и имя.

– Всё, идём в столовую! – сказал он, и всех нас шесть человек капитан повел в столовую. Всем нам шестерым стояли два стола, на них таблички с нашими фамилиями. Сразу же подошёл дежурный по столовой и сказал:

– Товарищи офицеры, теперь вы будете здесь питаться на этом месте, пока не женитесь и не привезёте семью! – так оно и получилось. Когда мы находились в части в военном городке мы всегда питались на этих, выделенных нам местах. Плотно позавтракав, мы пошли к штабу. Дежурный по полку, теперь уже нам знакомый старший лейтенант Джура отвел нас к начальнику штаба. До десяти часов оставался целый час. В течении этого часа подполковник Красильников рассказал нам о боевом пути полка, его заслугах, орденах и знамени о составе его подразделений и их командирах. Полк был в составе трёх батальонов, из них два были танковыми и один танкосамоходный. В каждом батальоне было по три танковых роты, в каждой роте было три взвода, в которых было по пять танков, таким образом в роте было по шестнадцать танков, а в батальоне было пятьдесят, так как кроме ротных машин было ещё два танка. Танк командира батальона и танк начальника штаба, а в полку было сто два танка, танкосамоход-

ный батальон был также трехбатарейного состава, в каждой батарее было по десять самоходок СУ-100. Также кратко рассказал биографию командира полка. Мы узнали, что командиром полка у нас является подполковник Лапыгин Николай Иванович, который прошёл всю Великую Отечественную войну на фронтах сражений, в войну был командиром танковой роты, трижды ранен, два года назад окончил бронетанковую академию. Затем начальник штаба ввел нас в курс задач, решаемых полком. В полку объявлена повышенная боевая готовность, по которой надлежит в танки загрузить боеприпасы, которые в настоящее время находятся на артскладе. Загрузить боеприпасы необходимо в течении двух суток, не вызывая никаких подозрений у местного населения, танк на артсклады не выводить, а возить боеприпасы на автомашинах с брезентовыми тентами. Ранее, заявил он:

– Такого не бывало, раньше танки загружались на складах при боевой тревоге. Затем повел нас в кабинет командира полка. Командир полка нам сразу понравился. Это был симпатичный, моложавый, простой и с первых же его слов мы поняли, что он душевный, но очень умный человек. Познакомившись с нами, командир зачитал нам приказ по полку о назначении нас командирами взводов. Я и Коля Хорохорин попали в первый батальон. Коля в первую танковую роту, а я во вторую. К этому времени в кабинет вошли два подполковника, это были командиры первого батальона подполковник Яновский Николай Иванович и подполковник Володин Виктор Сергеевич. Командир полка сказал им:

– С приказом о назначении на должности вновь прибывших офицеров вы ознакомлены. Забирайте их и представляйте личному составу подразделений! – командиры забрали нас, и мы с Колей пошли за подполковником Яновским, а остальные за Володиным. Как раз был перерыв между занятиями и подразделения, находящиеся в расположении части в основном находились в курилках. В одной из курилок сидели офицеры батальона, и комбат сказал:

– Товарищи офицеры, идите курите и знакомьтесь! А после перекура прибыть ко мне в кабинет!

Прибыв к комбату доложили ему о прибытии, он усадил нас к столу и начал подробно расспрашивать нас о наших семьях, учебе, работе и незаметно и ненавязчиво, как бы мимоходом проверял наши военные знания, что говорило о его общей и военной грамотности, как потом мы узнали, что до войны он был учителем физики и математики, а шрамы на его лице и голове говорили о трудном боевом пути во время войны. Он с нами занимался часа два. Ничего не записывал, но после этой беседы, как мы поняли, он знал всю нашу подноготную, память у него была исключительна. Внешне и внутренне, он был спокоен и строг и при первом с ним знакомстве нам казалось, что мы разговариваем не с живым человеком, а с ходячим уставом. Он не улыбался, не возмущался и не выдавал никаких эмоций, воспринимал все спокойно, как должное. После этой беседы, мы так и не поняли, остался ли он доволен нами или нет. Прозвучал сигнал на обед, и мы пошли вслед за ним, выйдя из подъезда мы увидели, что весь батальон стоит в строю, начальник штаба батальона майор Хрыкин подал команду:

– Батальон, смирно! Равнение на середину! – и доложил комбату:

– Товарищ подполковник, батальон по случаю представления вновь прибывших офицеров построен! – комбат поздоровался с личным составом, батальон ответил громогласным:

– Здравия желаем, товарищ подполковник! – в этом громогласном ответе чувствовалось огромное уважение к своему командиру. Комбат подал команду:

– Вольно! – эту команду продублировал начальник штаба. Комбат кратко охарактеризовал нас по нашей учебе в училище и объявил, что лейтенант Хорохорин прибыл на должность командира первого взвода в первую роту, а лейтенант Каганский прибыл на должность командира второго взвода во вторую танковую роту. После чего дал команду батальону следовать на обед. Офицеры холостяки пошли в офицерскую столовую, и мы с ними на ходу, знакомясь и общаясь. Большинство офицеров были намного старше нас, многие из них прошли войну, но какого-либо возрастного отчуждения ни сразу, ни потом мы не ощущали. Вернув-

шлись из столовой, мы сидели в курилке и курили вместе с офицерами батальона. Мимо нас в свой кабинет проходил комбат. Все встали, отдавая ему честь, а когда он прошёл, самый старый командир взвода старший лейтенант Пупышев, сказал нам с Колей:

– Ребята, ловите каждое слово этого дяди, он самый мудрый и самый опытный, и пройдя всю войну остался жив не потому, что ему повезло, а потому, что у него голова работает лучше, чем у нас. Пока он есть, слушайте его и набирайтесь опыта даже в том случае, когда вам кажется, что он не прав! – эти слова старшего товарища, уже отслужившего и повоевавшего ни один год, в одинаковой со мной должности запомнились мне навсегда, такое услышать от такого же, как ты командира взвода стоит очень дорого, и мне захотелось, чтобы и обо мне кто-нибудь и когда-нибудь однажды сказал своему товарищу. В последствии, я убедился, что это так и, что благодаря своему комбату, я до сих пор жив и с благодарностью вспоминаю его строгости и его науку.

Сменившийся с дежурства командир второй роты старший лейтенант Джура представил меня взводу, повел в парк боевых машин, показал мне танки взвода, которые стояли на кратковременном хранении, как раз подвезли к парку боеприпасы, и мы начали загружать боеприпасы в танки. Все танки Т-34 с восьмидесятиметровой пушкой были модернизированы на Выюндорском танкоремонтном заводе, на всех танках были установлены подогреватели с электроприводом, система ТДА и установлены радиостанции 10-НТ, а также электрические топливо и масло, закачивающие насосы. Загружаемые боеприпасы было приказано снять с консервации, то есть удалить с них смазку и герметик.

В этот же день из Бреста вернулись на кануне уволенные в запас старослужащие солдаты и сержанты, как они рассказывали, что, прибыв в Брест их построили на перроне и объявили, что Родина в опасности и кто желает вернуться в часть два шага вперед. Шагнули все и их вернули в свои части. Таким образом у нас появился личный состав сверх комплекта, но толком, что и почему мы пока ничего не знали. На четвертый день моего пребывания в части поступил приказ. Полку сформировать сводный отряд для отправки на Магдебургский полигон для проведения каких-то опытных тактических учений с боевой стрельбой. Командирам этого отряда был назначен наш комбат подполковник Яновский Николай Иванович. В состав отряда вошли: Полковой разведвзвод, вторая и пятая танковые роты, вторая батарея САУ, мотострелковая рота семьдесят шестого полка, полковой инженерно-саперный взвод и Эвако взвод полка с двумя тяжёлыми тягачами и тремя летучками МТО, а также хозвзвод батальона с кухнями и автомашинами подвоза боеприпасов. Вместо, как мы ожидали команды разгрузить боеприпасы, поступила команда загрузить на танки дополнительно ящики с боеприпасами, как к пушкам, так и к пулемётам. Станцию погрузки на железнодорожный транспорт объявили Амendorф. Погрузка ожидалась после завтра. В течение дня мы подготовили всё и гадали, какие такие учения с нами будут проводить на Магдебургском полигоне. На наши вопросы командир отвечал:

– Прибудем на полигон там нам объявят, а раз берем дополнительные боеприпасы, то настреляетесь вы, мальчики, вдоволь! – перед утром двадцать восьмого октября, в день погрузки в шесть часов утра прибежал ко мне посыльный и сказал:

– Тов. лейтенант, тебя срочно вызывает комбат! – быстро собравшись, я прибежал к нему и доложил о прибытии. Он мне сказал:

– Тов. лейтенант, старший лейтенант Джура срочно увезен в госпиталь, у него перитонит и ему сейчас делают операцию, а ты пойдешь вместо него командиром роты, о чем будет отдано приказом по полку. Поэтому собирай ротную документацию и забирай её с собой. – в роте большой документации не было, были две книги: Книга учета личного состава, книга учета техники вооружения и боеприпасов, а также амбарная книга учета всего имущества, формуляры боевых машин хранились на танках. Личное оружие было записано в удостоверения личности и военные билеты личного состава.

После обеда командир батальона объявил построение личного состава у парка боевых машин, где были выстроены все машины сводного отряда. Начальник штаба батальона майор Хрыкин построил нас и доложил комбату. Комбат поздоровался с личным составом, посмотрел на часы и сказал:

– Вам десять минут осмотреть машины, проверить экипировку и опять на построение, к вашей отправке придёт командир полка! – мы быстро осмотрели машины и вернулись на свои места, ожидая появления командира полка. Вскоре он показался в сопровождении своего зама и замполита. Командир батальона подал команду: – Смирно! Равнение на середину! – и доложил командиру полка о готовности сводного отряда к погрузке. Командир полка поздоровался с личным составом. На его приветствие отряд гаркнул громко и красиво:

– Здравия желаем, товарищ подполковник! – командир полка попросил ком бата построить перед ним отряд в каре, то есть загнуть фланги к середине. Когда всё это было проделано, командир полка почему-то взволнованным голосом обратился к личному составу отряда и сказал:

– Вы, товарищи, отправляетесь для выполнения особо важного Государственного задания, и я надеюсь, что вы не посрамите чести нашего славного полка! – пожелал нам удачи и скомандовал:

– По местам! – пожал руку командиру батальона и махнул рукой.

– Вперед! – и мы двинулись через тыльные ворота по периметру немецкого спортивного аэродрома на станцию Амендорф. Станция была недалеко в километрах пяти, но на повороте к погрузочной площадке стоял посреди дороги БРДМ и какой-то подполковник с флажком, который остановил машину комбата и вручил ему карты и запечатанный пакет, после чего комбат сел в машину и флажками показал нам следовать за ним. Его машина быстро набрала скорость, и мы также последовали всей колонной за ним, минуя Амендорф вышли в боевой район сосредоточения полка. Здесь командир батальона остановил свою машину и подал сигнал: – Командиры ко мне. При нас, он вскрыл пакет, прочитал его, немного подумал и объявил нам:

– В Венгрии произошёл фашистский путч, наша задача совершить более чем восьмисот километровый марш по маршруту, указанному на карте, который я сейчас вам выдам. Беспрепятственный проход по маршруту через территорию ГДР и Чехословакию нам обеспечит их национальная дорожная полиция. На территории Венгрии кроме маршрута, обозначенного на карте его направление будет указывать вертолет, заправка машин будет осуществляться два раза на территории Чехословакии силами тыловых подразделений Чешской Армии. Скорость колонны сообразно головной машины на весь марш нам отводится всего двое с половиной суток. Государственную границу ГДР и Чехословакии пересечь западней Карл-Маркс штата тридцать километров у населенного пункта Хомутов и далее следовать по маршруту обеспеченному дорожной полицией. Границу Венгрии пересечь у населенного пункта Дьёр. Наш пункт назначения в Венгрии Секешфехервар мы должны поступить на усиление, расположенного там танкового полка. Слева у нас соседей нет, справа по параллельному нам маршруту в том же направлении выдвигается такой же сводный отряд тридцать девятой Одруфской дивизии с такой же задачей. В головной дозор назначается разведвзвод и танковый взвод четвертой танковой роты. Связь держать только на приеме, на передачу ни в коем случае не выходить. Очередная задача будет поставлена перед пересечением Венгерской границы. А сейчас по местам, кратко озадачить личный состав и по моей команде вперед! – до постановки комбатом задачи мы не знали куда идем и зачем, теперь стало всё ясно. Но каким – то звериным чутьём мы офицеры и солдаты ощущали, что где-то, что-то не так, теперь же понял и каждый ощутил своё назначение. Внезапно всё изменилось, люди почувствовав важность наступивших событий и ответственность за свои действия, как по команде преобразились, они подтянулись, во все глаза смотрели на командиров в готовности выполнить любую команду. Подали команду «Вперед». Взревели машины и понеслись в след за головной на максимальной скорости, выби-

вая траками гусениц искры из мостовой. На всех поворотах стояли полицейские на мотоциклах, и мы как по зелёной улице до самой границы за два часа прошли более чем пятьдесят километров, не встретив на своём пути ни одной встречной и тем более попутной немецкой машины. Подошли к границе, у которой стоял домик и шлагбаум, пограничников не было. На ГДР стороне стояло несколько полицейских, которые сопровождали нас, а за шлагбаумом стояли три чешских полицейских с мотоциклами, готовые сопровождать нас, они открыли шлагбаум, первыми за шлагбаум ушли машины походного дозора, а когда за шлагбаум зашла машина комбата, он остановил её и вышел. К нему подбежали полицейские, представились ему. Он каждому пожал руку и что-то сказал. Они быстро сели на мотоциклы и помчались в направлении нашего движения. Комбат сходу набрал скорость, и мы помчались по маршруту по таким же брусчатым дорогам как в Германии. Было далеко уже за полдень и комбат стремился в светлое время покрыть, как можно большее расстояние. До темноты мы прошли более двухсот километров, потом увидели за поворотом, что комбат подает желтым фонарем сигнал уменьшить скорость, и вскоре увидели освещенные прожектором громадные бензовозы, которые стояли на обочине, их было более десяти и на каждом из них было по шесть шлангов. На трех из них было написано по-русски – бензин. Мы быстро дозаправили танки, бронетранспортеры и колесные машины. Кроме того, чехи нам выдали на каждого ихние сухие пайки, несмотря на то, что у нас были свои. Здесь же мы заполнили свои фляги и бачки свежей питьевой водой. Комбат подал команду вперед, и мы понеслись в ночь при свете танковых и автомобильных фар. В связи с тем, что обеспеченный полицейскими маршрут, проходил вне населённых пунктов и отсутствия случайного встречного транспорта, мы скорость держали несколько ни меньше чем в светлое время, и за четыре часа прошли ещё двести километров. Комбат остановил колонну, приказал осмотреть машины и дать отдохнуть водителям в течение получаса. Несмотря на то, скорость была большая, и мы прошли более чем пятьсот километров, ни одна машина в пути следования не вышла из строя. Командиров опять собрал комбат и предупредил, что водители довольно сильно устали, поэтому командирам быть до предела внимательными и еще через сто километров, то есть через два часа будет очередная заправка. Подойдя к заправке, мы заправили машины, осмотрели их, подкрепились чешским сухим пайком и горячим чаем, который нам приготовил наш хозяйственный взвод, мы определили, что чешский паёк хоть и обширный, но хуже нашего привычного, в котором всегда была вкуснейшая говяжья тушёнка. До границы оставалось около двухсот километров. Рассветало, чувствовалось, что люди устали, но надо было выполнять задачу, впереди было меньше чем пройденного пути. Двинулись вперед. Наступило утро, над нами пролетел вертолет в направлении нашего движения, а затем он приземлился прямо на дорогу. Колонна остановилась. Из вертолётки вышел офицер, представился комбату и объяснил, что до границы осталось немного и теперь он будет на высоте тысячу метров идти по нашему маршруту в течение часа. После этого, он уйдёт на заправку, а через час вернётся и будет висеть над нашим маршрутом потому что, перейдя венгерскую границу нас никто сопровождать не будет, а вот встречать могут только ни с хлебом и солью. Этот офицер пожелал комбату счастливого пути, а комбат ответил ему взаимностью. Вертолёт взлетел, а мы двинулись по своему маршруту. Через полчаса движения от усталости механиков танки стали рыскать по дороге. Ещё пол часа мы двигались к границе, а затем вертолет ушёл на заправку. Комбат остановил колонну и приказал

– Всем отдохнуть, механикам спать два часа! – оставив на танках по наблюдателю, все, как убиты послули. Прилетевший с заправки вертолет приземлился у камбатовой машины, и пилоты тоже послули на своих местах. Ровно через два часа всех подняли, чтобы не спалось, комбат приказал:

– Всем умыться, осмотреть машины, перекусить сухим пайком и всем по машинам и ждать мою команду вперед! – было уже одиннадцать часов дня. Взлетел вертолет, затем прошла команда:

– Заводи! – а за ней вперед, и как вчера с ревом, дымом и гарью помчались танки, высекая искры и разбрызгивая лужицы от прошедшего перед утром дождя. В три часа дня мы подошли к границе с Венгрией, комбат остановил колонну. Собрал всех командиров, к этому времени подъехали сопровождавшие нас полицейские, комбат поблагодарил их за прекрасно проделанную работу, пожелал им доброго здоровья и отпустил. Впереди нас бала граница с Венгрией, где стоял такой же домик, как на чешской границе и открытый пограничный шлагбаум, но пограничников там не было. Комбат обратился к нам и сказал:

– Товарищи командиры, спокойная жизнь кончилась, за этим шлагбаумом вражеская территория и на каждом шагу может быть затаившийся враг, поэтому танковые люки не открывать, из люков не высовываться, танковые люки на замки не закрывать, наблюдение вести круговое через смотровые приборы, мотострелкам следующих на бронетранспортёрах кроме пулемётчиков головы не высовывать, а водителям и командирам смотровые окна прикрыть броневыми щитками. В случае открытия огня противником из стрелкового или другого оружия, танкистам отвечать не из пулемётов, а сразу из пушек, если будут стрелять из домов, то в дом стрелять не по стене, а в окна! – кто-то из нас спросил:

– А почему в окна? – комбат подумал и объяснил:

– Если снаряд ударит в стенку, самое большое что он сделает, пробьёт дыру. А если он влетит в окно, то за окном всегда есть стенка, ударившись в неё он взорвется внутри и строение рухнет! Понятно? – все закивали головами. Кто-то ещё спросил:

– А почему люки не закрывать на замки и защёлки? – комбат опять ответил:

– Потому что тебе в лоб и в борт влупит Фауст или снаряд с ручного гранатомёта, он прожжёт броню и искрами, и давлением убьёт экипаж, а когда люки не на защёлках и замках, то избыточное давление их откроет и выйдет наружу, и вы хоть и оглушённые, и обожженные все же останетесь живы. К нам приземлился ещё один вертолет, из него выскочил офицер и побежал к танку комбата, и что-то ему громко говорил, стараясь перекричать рёв вертолёта и танков. Комбат опять собрал нас и объявил:

– Та часть, к которой мы идем на усиление блокирована венграми, и нам необходимо её деблокировать, поэтому, не снижая бдительности, нам необходимо ускорить выдвижение, чтобы выручить попавших в окружение наших братьев. Особо внимательным быть по прохождению населенных пунктов, возможности обойти их у нас нет, так-как местность вокруг болотистая и дорог этих мы не знаем! – а мы с комбатом, уточнив маршрут по карте двинулись в направлении к нашему злосчастному Секешфехервару. Километров через сорок головной дозор сообщил, что навстречу нам в полутора километре от нас идут танки Т-34. В это время наш отряд выдвигался в долине по двум дорогам по правому и левому склону. По правому маршруту шли танки и колесные машины, а по левому, так-как он был более ровный шли самоходки со своими длинными торчащими вперед пушками, мешающими разворотам в узких местах. Комбат остановил колонну, приказал:

– По – возможности рассредоточиться, но в болото не влезать и приготовиться к встрече с танками противника. Мы не знали чьи эти танки, откуда они и чего следует ожидать. Мы знали одно, что у венгров такие же, как и у нас тридцать четверки, и шли они, со своей стороны. Вскоре впереди нас лежащей рощи мы увидели подымающуюся гарь и пыль от танков. Комбат послал вперед к этим танкам начальника разведки полка, который был с нами, и тот на плавающем танке помчался им навстречу. Комбат ему сказал:

– Если это противник, то мы увидим, что с тобой будет, а если это наши, снимай шлемофон и размахивай им! – а мы все, зарядив танковые орудия выбирали цели, выходящие из рощи. В прицелах было видно, как мчится туда плавающий танк. Я сдвинул вниз наводчика, и согнувшись смотрел в прицел, нащупывая рукой кнопку электроспуска. Страху не было, но зубы невольно клацали чечётку. И вдруг все увидели, что остановился плавающий танк, остановилась идущая в нашу сторону колонна танков, а начальник разведки стоя на корме пла-

вуна размахивает танкошлёмом. Напряжение упало. Не только я, но и весь экипаж вытирает вспотевшие от напряжения лица. Комбат вышел на связь и по радиации прогремело:

Разрядить орудия! – эта колонна оказалась походной заставой следовавшей параллельным маршрутом сводного отряда тридцать девятой дивизии. Так-как вертолёт в это время улетел на заправку, а командир походной заставы на каком-то повороте не заметил отклонение от маршрута и постепенно вышел нам навстречу. Пока мы разбирались случившимся, вертолёт вернулся с заправки и повисли в направлении нашего движения. Увеличив скорость нам не удавалось потому, что среди заболоченной местности разного рода речушек и их пойм дороги были извилистыми и узкими, а у входов в населенные пункты были сооружены примитивные баррикады, которые для танков особого препятствия не чинили, но комбат приказал через них не проходить. так-как за ними могли быть мины, поэтому их обходить, не взирая на заборы, огороды и клумбы. Он предупредил нас, чтобы мы, следуя по населенному пункту внимательно смотрели на дорогу, чтобы под гусеницы не подсунули доску с минами. Два населенных пункта мы прошли без всяких проблем, в них не было видно не только людей, но и собак и скота. При подходе к третьему населенному пункту с крыши предпоследнего дома по танкам ударила спаренная двадцати трехмиллиметровая зенитная установка. Так-как танки по рельефу местности были несколько выше зенитки то по крышам танков она не достала, а ударила по башням и лобовой броне. Для нас это было, как горохом об стенку, два последних танка, которые были на развороте, как раз оказались в створе с этой зениткой, и они почти одновременно ударили из пушек в окна этого дома. Этот дом на глазах осел и сложился, похоронив в этих обломках зенитку с её расчетом. Так был открыт счет в нашем походе. В следующем населённом пункте без происшествия не обошлось. Я не увидел, как под мой танк подсунули доску с противотанковой миной, которую высунули из подвального окна и веревкой потянули в подвальное окно на противоположной стороне улицы. Раздался оглушающий взрыв под правой гусеницей. Танк лёг на левую сторону, а сзади нас прогремело несколько пушечных выстрелов, это следовавшие за мной танки расстреляли эти оба дома, которые обдали наш танк горами глины, бетона, дерева и стекла. Оглушённые мы выбрались из танка, в экипаже раненых не было. Правый ленивец и первый каток, как корова языком слизала, второй каток был тоже покорёжен. Прибежал зампотехом Витя Юрков, тут же подогнал танк, зацепил тросами за торчащую ось ленивца и поставил танк на гусеницы. В радиации комбат гремел:

– Не останавливаться, танк бросить и двигаться вперед!

ЧАСТЬ 4 ПОД ОБСТРЕЛОМ

Я пересел в другой танк, оставив свой на попечение Вити Юркова и помчались дальше. Почти в каждом населенном пункте мы ощущали нарастающее сопротивление. В очередном населенном пункте нас обстреляли из пулемётов, не причинив нам никакого вреда, зато в последующих подбили из гранатомёта РПГ-4 самоходку, а в следующем такой же РПГ вцепил в мой танк, как раз под левый ленивец, который по-видимому нас и спас, заряд прожёл ленивец и на исходе броню, сноп искр и раскаленный окалина ворвался в боевое отделение танка. Кажется, что эти искры пронзают всех нас и вращается внутри башни. Дышать враз стало невозможно не только от дыма, но от раскаленного воздуха. Все люки открылись сами собой и стали на защелки в открытом положении. Хотелось моментально выскочить из танка, но понимая, что там могут по тебе ударить из пулемёта, каждый из нас нащупывал свой пистолет, заряжающий на ощупь доставал из ниши башни экипажный автомат, после чего мы вывалились на трансмиссию и осмотрели себя. Все были чёрные и у всех ноги были в крови. Несмотря на то, что мы были в сапогах в толстых зимних танковых комбинезонах, эта раскаленная окалина и брызги расплавленного металла изрешетили все что могли достать. Но в радиации гремело:

– Вперед и вперед! – пришлось опять менять танк и выполнять задачу. До цели нашего предназначения оставалось километров пятьдесят. Впереди открывалась широкая, хорошо оборудованная дорога, которая нам позволяла быстро достичь нашей цели. Комбат остановил нас, и по карте определил каждому задачу, куда и как подойти к военному городку, чтобы уничтожить противника и не поразить наших солдат, находящихся там. Он запретил нам стрелять из пушек, а все цели уничтожать из пулемётов, а самоходную батарею определил стать вокруг городка и не допускать приближения к нему танков и бронетранспортеров противника. Мы, конечно смутно понимали расположение этого военного городка и подхода к нему, но по мере приближения к нему всё стало ясно. Венгры не большими силами окружили этот городок и держали под прицелом выходы из казарм и подходы к паркам боевых машин. Всё решилось буквально в течение полутора двух часов, все эти группы автоматчиков и пулемётчиков мы преспокойно перебили из танковых пулемётов, а солдаты мотострелковой роты зачистили оставшихся в живых, сдающихся фашистов в плен не брали и такой команды не поступало. В полку оказалось только два офицера дежурный по полку капитан Кошевой и зампотехом танковой роты старший лейтенант Володя Стременко. Где остальные офицеры дежурный не знал. Объявивши тревогу, когда венгры напали на склад боеприпасов, он за офицерами, которые жили на квартирах у венгров отправил посыльных, но не те ни другие в части не появились. Откуда-то прилетел вертолёт, с него высадилось несколько офицеров танкистов, которые занялись этим полком. Мне же комбат приказал по периметру военного городка осуществить охрану его, а сам он переместился в другой военный городок, находящийся в двадцати километрах от этого и приказал постоянно держать с ним связь. Так же, он распорядился выделить три танка и мотострелковый взвод для охраны большого моста и ни в коем случае не допустить его подрыва.

Выполняя указания комбата, а также возникающие задачи некогда было осмотреть свои ноги, которые начинало жечь. Находящиеся с нами батальонный фельдшер старший лейтенант Незабудько, увидев меня, доложил, что у моего заряжающего и наводчика сильно обожжены и посечены мелкими осколками ноги и, что он оказал им необходимую помощь перебинтовал их, и они готовы выполнять свои обязанности.

– И тебя, Борис, надо осмотреть потому, что может быть зарядение, у тебя вон комбинезон внизу весь в крови! – он повел меня к санитарной машине, стал стаскивать с меня сапоги, но голенища приварились к комбинезону, пришлось комбинезон разрезать снизу и с тащить сапоги. Портянки были красными с черными краплениями, а когда их размотали, ноги были сплошь покрыты кровью и ещё чем-то коричневым. Фельдшер вместе с медбратом не пожалели спирту обмывали мои ноги, отчего я взвыл не своим голосом.

– Ничего-ничего, сейчас перестанет! – сказал старший лейтенант. После промывания он посыпал каким-то порошком помазал мазью и сказал:

– Надо каждый день делать перевязку. Из портянок и из икр ног, он собрал целую пригоршню круглых, как маленькие шарики брызг от расплавленной брони. После перевязки намотать на ноги портянки не удавалось потому, что они не влезали в сапоги. Медик не пожалел ещё одного комплекта бинта и намотал его поверх уже намотанного вместо портянок. Одев сапоги прямо на бинты, я пошёл выполнять свои задачи, которых с каждой минутой становилось все больше и больше. Наступала ночь, надо было организовать охрану людьми, которые за эти трое суток были смертельно усталыми. В полку, который мы деблокировали велись работы по проведению его в полную боевую готовность. В танки загружались боеприпасы. Из сержантов назначались командиры взводов даже командиры рот, так-как офицеров не было, и ещё никто не знал куда подевались офицеры полка. Ночью в нашем гарнизоне никаких происшествий не случилось, а со стороны другого военного городка, где был комбат, довольно долго слышались пулемётные очереди и выстрелы из гранатометов. По радиации комбат предупредил, чтобы усилили бдительность и были готовы отразить внезапное нападение противника. Но нас

пронесло. Утром ко мне пришёл капитан, который был дежурным по полку и старший лейтенант Стременко Володя. Он остался живым после нападения венгров на караульное помещение. Венгры сняли часового у входа, застрелили начальника караула, расстреляли бодрствующую и отдыхающую смену, открыли замки в камере, где находились сидевшие на гауптвахте солдаты и сержанты и расстреляли их. Володя Стременко был доставлен на гауптвахту в высшей степени опьянения и был помещён в офицерскую камеру. В камере стояли три топчана, два у окна, а один в углу за печкой. Офицерские камеры по уставу на замок не закрываются, венгры заглянули туда, увидев открытую дверь и пустующие два топчана, за печь не заглядывали и решили, что там никого нет. Забрав все автоматы караульных, они покинули помещение. К утру Володя очухался, проснулся вышел из камеры и увидел, что в караулке все мертвы, оружия нет и он понял всё. Выглянул из двери и увидел, что несколько венгров с автоматами лежат в сторону полка, где слышались выстрелы. Осмотрев всех убитых, он не нашёл оружия, но вспомнил, что под столом начальника караула должен стоять ящик с боеприпасами для автоматов и ручные осколочные гранаты. С противопожарного щита, он взял багор, сорвал с ящика замок, достал несколько гранат, вернул в них взрыватели и стал выглядывать из двери. Увидев, что кроме одного венгра спешащего в направлении полка на дороге никого нет, он вырвал кольцо и бросил ему под ноги гранату и быстро выскочил на дорогу, забрал у него автомат и подсумок с магазинами. Краем глаза он увидел, что со стороны КПП на звук взрыва бегут несколько венгров, дав очередь из автомата в их сторону, он скрылся в караульном помещении, закрыв на окнах металлические шторы и входные двери. Это караульное помещение было построено немецким гарнизоном по немецким стандартам и представляло собой миниатюрную крепость, которую можно было пробить только из пушки среднего калибра. Три дня до нашего прихода, Володя отстреливался от пытающихся захватить помещение венгров. Об этом я узнал в личной беседе с Володей. Подошедший капитан обратился ко мне с просьбой:

– Борис, я дома не был уже четыре дня, квартирный телефон не отвечает, и я не знаю, что там с моей семьей. Офицеры, которые прибыли из дивизии меня не отпускали, прошу тебя, давай съездим хотя бы на пять минут, это не так долго километра полтора отсюда! – поняв его беспокойство, я согласился, взял с собой три танка и бронетранспортёр с мотострелками. Подъехали к дому, где квартировал капитан. Дорогой я заметил, что город, как вымер ни одного жителя по пути следования нам не встретилось, все окна были закрыты. Подъехав к трехэтажному дому, где квартировал капитан, мы высадились из танка, я дал команду отделению мотострелков следовать за нами, и мы стали подниматься на второй этаж. В доме царил тишина. Дверь квартиры капитана была открыта, я первым туда зашел и остолбенел. Поперек прихожей лицом вверх лежала молодая красивая женщина с перерезанным горлом и воткнутым кухонным ножом в левую грудь. Рядом с нею лежал мальчишка лет шести с отрезанной головой, которая лежала в двух шагах от него, а в углу по выходу из прихожей лежал грудничок месяцев шести отроду с разбитой об угол головкой. Шедший со мной капитан, увидев всё это взревел не своим голосом, и когда я вернулся к нему то увидел, как на моих глазах его чёрные, как смоль волосы становятся белыми, чтобы не упасть, он схватился за притолоку двери и шатаясь выл. Солдаты подхватили его под руки и едва увели к бронетранспортеру, в бронетранспортере его уложили на сидение, а он выл и не приходил в себя. Я на всякий случай забрал у него пистолет вместе с кобурой, а затем всех своих солдат завел в квартиру и показал, что там произошло. Солдаты одни плакали, другие скрипели зубами, а третьи дико озираясь в готовности порвать голыми руками и зубами, сотворивших это. Выйдя оттуда, я скомандовал командиру мотострелкового взвода сводить туда, не побывавших там, а в целом я не знал, что делать, как оставить во враждебном доме тела, я не мог забрать их оттуда на свое разумение, я не имел права потому, что всякое убийство надо расследовать, я вышел на связь по радио с комбатом, и он мне сказал:

– Это ни единичный случай, в моем гарнизоне со всеми поднятыми по тревоге офицерами и их семьями сотворено то же самое, по-видимому и остальные семьи! – я спросил комбата:

– Что мне делать?

– С погибшими пока ничего, часа через полтора два к тебе подъедут офицеры с особых отделов и три венгерских полицейских! Старший из полицейских Иоганн Рислинг, ему можешь полностью доверять, а ты с сегодняшнего дня назначаешься комендантом в городе, а я со своим войском по заданию командования иду в направлении Пешки, это правобережный пригород Будапешта. – я чуть не взвыл потому, что не знал, что же должен делать комендант. Тем временем вертолетом в полк доставили четырнадцать офицеров во главе со штатным командиром полка, которые до этого находились в отпусках в Советском союзе. Прибыли особисты и венгерские полицейские. Старшим из особистов был майор, он сразу опросил меня о создавшемся положении, и он знал, что меня назначили комендантом и посоветовал мне охрану моста возложить на местный полк, а свою роту и мотострелковый полк содержать при себе на случай выступления на стороне салюшистов. Кроме того, он рекомендовал мне капитана полицейского Иоганна, как коммуниста и преданного и верного человека. По простоте душевной, я спросил у майора:

– А что мне делать как коменданту? – он засмеялся и ответил:

– Ты что, сынок, думаешь я знаю? Комендант он и в Африке комендант! Отвечает за порядок и снабжение войск и населения всем необходимым, регулирует движение, как воинских подразделений, так и гражданского населения! – и ещё он мне сообщил:

– С сегодняшнего дня на всей территории Венгрии запрещено нашим войскам применение оружия со стрельбой! – я познакомился с прибывшим командиром полка, и довел до него:

– По настоянию представителя КГБ, я снимаю охрану с городского моста и передаю мост под охрану вашей части! – командир тотчас отдал распоряжение на выделение туда двух танковых взводов, а я отправил туда командира взвода для передачи охраны и возвращения танкового личного состава в мое распоряжение. Обязанности коменданта пришли сами собой. Так-как в обоих военных городках не было воды, электричества и не работала городская телефонная связь, командир полка подсказал мне:

– Раз ты комендант то разбирайся с этим вопросом с местным начальством, а главное начальство в городе бургомистр, он всегда находится в городской ратуше! – я спросил у Иоганна:

– Знаешь ли ты, как найти бургомистра, чтобы решить вопросы с водой, электричеством и связью? – Иоганн заулыбался и сказал:

– Борис, всё найдем! – я взял бронетранспортер БТР-152, отделение мотострелков и вместе с Иоганном поехали искать бургомистра. За нами на мотоцикле последовали двое полицейских, которые были с капитаном. Проезжая по городу, мы не видели людей на улицах, но во многих домах в окна выглядывали любопытные физиономии венгров. Прибыв в ратушу, ни на первом, ни на втором, а только на третьем этаже мы нашли старую уборщицу, которая мыла там лестницу. Иоганн, что-то спросил у неё, и она ему ответила, а он мне перевёл, что бургомистра и всех работников уже нет четыре дня. И где они, она не знает. Капитан что-то ещё спросил, она взяла его за руку и повела в низ на первый этаж. Там на стене под стеклом были напечатаны какие-то списки и по-видимому адреса. Первой строкой было написано бургомистр, его фамилия и имя, и далее шёл его адрес. Капитан что-то сказал своим полицейским и те быстро куда-то укатили, а через пятнадцать минут к ратуше подъехал старенький Опель, а за ним полицейские. Из машины вышел маленький, круглый, с козлиной бородкой человек, на груди у него красовалась большая медная бляха, на которой было отчеканено «бургомистр» и название города. Капитан представил меня ему, мы поздоровались и пошли в ратушу в его кабинет. Перед его приездом меня капитан проинструктировал, что если бургомистр начнет

сопротивляться, его указаниям то по его знаку мне надлежит, рывкнуть на этого старикашку, стукнуть кулаком по столу и рывкнуть: «Введу комендантский час». Капитан довольно долго втолковывал бургомистру, что от него требуется, но тот крутил головой, разводил руками и всем своим видом говорил, что у него никого нет и он не знает, где его помощники и начальники хозяйств. Устав объяснять бургомистру необходимость действий, капитан моргнул мне и, я на лице изобразил гнев, грохнул кулаком по столу и рывкнул:

– Введу комендантский час! – такой реакции от бургомистра я не ожидал. Он бедный весь сжался, побледнел, руки его конвульсивно бегали от карандаша к графину и от графина опять к карандашу, а затем положил руки на голову залепетал:

– Найн-найн! – и ещё что-то. А Иоганн перевёл мне: Ненадо-ненадо, только не комендантский час!». Затем схватил колокольчик и позвонил им. Прибежала та же самая уборщица. Оказывается, что она служила ещё и курьером. Он что-то ей сказал, и она чуть ли не в прыжку выбежала из ратуши и побежала за кем-то. А Иоганн сказал мне, что бургомистр обещал в течение двух часов дать воду и электричество, а тепло и связь подключит к завтрашнему утру.

– Я оставляю здесь своих полицейских, а мы можем заниматься своими делами! – сказал капитан и мы уехали в распоряжение полка.

Прибыв в полк, я встретился с майором из особого отдела, и он мне сообщил:

– Борис, все офицеры полка и их семьи и посыльные, которые вызывали их по тревоге убиты. Хоронить их будут по месту жительства в союзе. Для того, чтобы их отправить необходимо сколотить гробы, для чего нужны доски, оцинкованное железо и паяльные материалы, которых в полку нету, а ты, комендант, добывай их, срок тебе до завтрашнего обеда! – всех убитых свозили на территорию полка и несмотря на прохладную погоду, трупный смрад стоял на всей территории. Вечерело, мы опять с Иоганном поехали к бургомистру и стали решать вопрос по пиломатериалам, оцинковки и всё остальное прочее. В кабинете бургомистра горели свечи, но, когда мы уже порешили вопросы с пиломатериалами, внезапно зажглась электрическая люстра у него в кабинете. Бургомистр что-то сказал, а Иоганн мне перевел, что электричество в городе и в военных городках и промышленных объектах работают. Решив вопрос с оцинковкой и другими материалами стал вопрос, а кто же будет их оплачивать? На что я ответа не имел. Иоганн тоже пожимал плечами. Подумал, что в части есть начфин и, он оказался живым, решил поехать к командиру полка и с ним порешить этот вопрос. Прибыв в полк, сообщил командиру полка о необходимости оплачивать венграм стоимость материалов. Тот вызвал начфина. Начфин сказал, что у них есть счет в венгерском Банке, но там средств очень мало. Командир полка приказал ему выходить на связь и требовать деньги на оплату материалов для наших скорбных дел. Но в это время не только финорганы не выходили на связь, но и командование. Легче было выйти на органы КГБ, что мы и сделали, и они по своим каналам оказали нам помощь. В общей сложности мы сколотили более шестисот оцинкованных грузов – 200 и отправили их в Советский союз специальным эшеленом через станцию Чоп Постепенно венгры, видя, что мы не принимаем в отношении их никаких репрессивных мер, подогреваемые солошистами начали выказывать своё неудовольствие наличием в Венгрии наших войск. А нам по-прежнему не разрешали вмешиваться в беспорядки, чинимые организованно населением. А они с каждым днем нагнали всё больше и больше. С комбатом у меня была постоянная связь и я держал его в курсе всех событий, происходящих в городе. В начале лояльный ко мне бургомистр стал меняться к худшему, очевидно на него тоже кто-то воздействовал и запугивал. У комбата там в Пешки примерно дела обстояли также, как и здесь. По настоянию офицеров особого отдела мне пришлось организовать дополнительную охрану водозабора и насосной станции, телефонной станции, почтамта и железнодорожного вокзала. Для охраны этих объектов были привлечены солдаты, сержанты и офицеры танкового полка. Из мелких выстулений местного населения они начали превращаться в ежедневные

массовые выступления с нарушением порядка. Мне рекомендовали вывести свою роту на привокзальную площадь, где в основном собирались митинги недовольных венгров. Охрану моста и других объектов усилили за счет полка. О состоянии дел я докладывал комбату, он утверждал мои действия и предупреждал, чтобы я ни в коем случае не отвечал на любые провокации огнем, а также он предупреждал, чтобы танкисты, будучи на площади не высовывались из люков во избежание провокаций. Первые сутки стояния на этой площади венгры сначала боязливо осматривали из дали танки, потом поближе, к исходу дня наиболее смелые из них пытались залезть на танки, на танковые башни и оттуда там что-то провозглашать. К ночи всё рассосалось, а следующее утро началось опять с митингов, какого-то их национального пения, размахивания плакатами, а к полудню они не только залазили на танки, а и пытались в любые щели всунуть тряпки или бумагу и поджечь их. Я заметил у некоторых из них стеклянные бутылки и понял, что там в них бензин или, какая-нибудь другая горючая жидкость. Они настырно сразу по несколько человек залезали на танки, стучали по люкам, пользуясь нашей лояльностью и бездействием. Однако, увидев эти бутылки я понял, чем это может кончиться и для начала дал всем команду:

– Как только на танке появятся венгры, пушки поставить в горизонтальное положение, включать мотор поворота башни на максимальную скорость и делать минимум два оборота башни! – увидев, что на всех танках полно венгров, я по радио дал команду:

– Опустить пушки и по моей команде повернуть башни! – всё удалось на славу. Венгры с танков полетали, как побитые воробьи с крыши. Они долго орали, прыгали от боли, получив по разным местам пушечным стальным стволом так, что запомнится на всю жизнь, но этого хватило ненадолго. Получившие по заслугам растворились в общей толпе, а остальные ещё пуще распоясавшиеся с горючими материалами лезли к танкам, совали их между катков, в выхлопные трубы, на топливные бачки и жалюзи и поджигали их. Пришлось дать команду:

– Приготовить к спуску ТДА, двигателя перед этим не прогревать, действовать по моей команде! – выждав минуту-другую подал команду:

– Внимание! Приготовиться, всем заводите! – двигателя взревели и тут же дал команду:

– Включить ТДА! – моментально клубами белого дыма несгоревшей солянки накрыло всю площадь. Мы все надели противогазы и могли представить себе, как чувствуют себя находящиеся на площади. Поработав минут пять, дал команду:

– Выключить ТДА! – а ещё через минуту:

– Заглушить двигатели! – ветра почти не было, и дым, наполнивший площадь покидал её очень неохотно, но, когда он рассеялся на площади кроме танков никого не было и даже на улицах, которые выходили на площадь не просматривался никто. Ночь прошла спокойно. Утро, как и прошлое началось с наводнения площади митингующими, и всё начало повторяться как вчера. Я уже хотел было повторить испытанный вчера способ с применением ТДА, но в этот момент на связь вышел комбат и запросил обстановку. Я ему доложил.

– Что будешь делать? – спросил он. Я доложил:

– Так же как вчера применю ТДА!

– Ни в коем случае! – сказал он.

– К тебе сейчас минут через сорок подъедет колонна полицейских автомобилей с венгерской полицией. Полицейских там около двухсот пятидесяти человек, здесь они у меня уже порядок навели. Сделай так, чтобы площадь у тебя была полная! – я заверил его:

– Сделаю как надо! – и дал команду:

– Венгров с танков пушками не сгонять! – действительно через полчаса одновременно из всех четырех улиц, выходящих на привокзальную площадь, выехали армейские грузовики, с которых быстро выгрузились полицейские и быстро окружили всю площадь. Человек пятьдесят из них заходили, окружая большую группу людей, снимали свои длинные резиновые дубинки и начинали обрабатывать ими окружённых. Колотили они их без разбора, не взирая

на возраст и пол. Тех, кто пытался как-то защититься или вырваться, моментально надевали наручники и несколько полицейских с собаками затаскивали их к грузовикам, и открыв борта бросали их в кузов, где восседало два полицейских с огромными волкодавами. До сих пор не знаю сколько там тысяч было людей, могу сказать лишь одно, что там их было очень много. В течение полутора часов полицейские обработали всех находящихся там, а тех, кто не сопротивлялся после обработки отпускали на все четыре стороны. Площадь после обработки опустела точно также, как после обработки ТДА. Подполковник полицейский подошёл к моему танку, мы поздоровались. По-русски он говорил также как Иоганн, почти без акцента. Он мне сообщил:

– Отныне городской отдел полиции будет укомплектован в полном составе, и с сегодняшнего дня включится в работе по наведению порядка в городе и, что сегодня же они протянут к тебе телефонную связь. Всем этим и информацией о работе полиции займётся знакомый вам Иоганн! – доложив комбату о состоянии дел и спросил у него разрешения на возвращение танков на территорию полка, но комбат не разрешил и оставил меня на площади на следующий день, а там он сказал:

– Посмотрим! – утром на рассвете на площадь заехала полицейская машина, на которой сидели двадцать полицейских с собаками, они разошлись к выходам улиц на площади и установились там, но до самого вечера на площади кроме рейсовых автобусов и редких такси никто не появлялся. К вечеру я доложил комбату обстановку и тот разрешил мне вернуться в расположение танкового полка, где мы первым делом с удовольствием поели горячей пищи в столовой за все эти трое суток в течение, которых питались сухим пайком. Ротный зам потех Витя Юрков занялся с личным составом регламентными работами на танках, а меня, как коменданта продолжали терзать с трех сторон, озадачивал комбат, находящийся в тридцати километрах от меня, командир местного полка, которому необходимо было связываться с местной властью, офицеры особого отдела, которым требовалась связь с полицией, а также местная полиция, которой иногда требовалась наша вооружённая помощь. На всё это уходило уйма времени, обязанности коменданта мне пришлось исполнять почти целый месяц и в этом вопросе я во многом поднаторел, однако найти, где-либо изложенные обязанности коменданта, я так и не нашёл, и сделал вывод, что всякие обязанности сопряжены с работой, которые необходимо исполнять и хорошо исполнять её, когда научен этому или стараешься сделать её как необходимо. Слава Богу, что начальство прислало вместо погибшего коменданта майора с Германии из города Гота Зацепина Ивана Арсеньевича, который тоже никогда не был комендантом и по простоте душевной спрашивал меня что ему делать. Я как мог ему разъяснял, хотя и понимал, что, несмотря на загруженность этой работы я далеко не полностью исполнял обязанности коменданта потому, что не знал объема этих обязанностей. По прибытии штатного коменданта, с меня снялось более половины моих повседневных работ и стало легче существовать, несмотря на то, что днем и ночью приходилось с ротой и мотострелковым взводом выходить на задания, которые возникали в процессе установления в Венгрии порядка. Во второй половине декабря месяца с отрядом прибыл комбат и поставил задачу подготовить всё для погрузки в эшелон. Грузились мы на железнодорожный транспорт на погрузочной площадке в этом городе. Убыли к месту расположения двумя эшелонами. Эшелон комбата ушёл первым, мой эшелон ушёл через два часа после комбатова, станция разгрузки была определена город Галле станция Амendorф. Через тридцать часов мой эшелон прибыл на конечную станцию, там стояли разгруженные танки, бронетранспортёры и автомобили комбатова эшелона, а также стояли несколько больших брезентовок палаток. Я доложил комбату о прибытии и начал разгрузку. Командиров взвода послал на вокзал раскредитовать эшелон. Докладывая комбату, я понял, что комбат чем-то встревожен, толи огорчён. Разгрузив всю технику и зачистив платформы, мы сдали их немцам. Комбат подошёл ко мне и сказал:

– Постройте личный состав, проверьте наличие личного состава и доложите мне! – я построил личный состав, проверил по списку и пошёл докладывать. Возле него стояло несколько офицеров в синих фуражках, я понял, что это офицеры из особых отделов. Комбат приказал мне:

– Постройте отдельно рядовых, сержантов и офицеров! – я построил. К каждой группе подошёл офицер особист в том числе и ко мне и повёл меня в палатку, там стоял стол и две лавки.

– Садись! – сказал майор. Я сел, он сел напротив меня и улыбаясь спросил:

– Борис, ты где был? – я удивился и ответил:

– Как где? В Венгрии! – майор заулыбался ещё больше и сказал:

– Борис, запомни на всю жизнь ты был на Магдебургском полигоне с комбатом на опытных учениях, которые проводила Москва! – я удивлённо спросил:

– Так то, что мы были в Венгрии, знает личный состав, который был со мной и с комбатом! – майор доброжелательно и миролюбиво сказал мне:

– Борис, это не твоя забота, забудь минимум на двадцать пять лет, что ты там был, об этом не только твои друзья не должны знать, но и твои родные, ты выполнил Государственное задание и Родина тебя не забудет, но при одном условии, что ты будешь молчать, а, чтобы ты не забывал об этом, поставь вот здесь свою подпись, и положил передо мной бланк с отпечатанным на машинке текстом, что я, Каганский Борис Алексеевич, 1933 года рождения, обязуюсь хранить Государственную тайну в чем и расписываюсь. Я расписался, майор заставил меня кроме подписи поставить число, время и написать разборчиво мою фамилию, имя и отчество. Затем, забрав у меня бланк, положил его в папку, опять заулыбался и сказал:

– Продумай, что будешь говорить своим друзьям об учениях на полигоне! – я вышел из палатки, а в неё уже вели Витю Юркова, а командиры взводов стояли и ожидали своей очереди. Я подошел к ним. Командир второго взвода Дорофеев Вася, улыбаясь пошутил:

– А мы думали, что вы оттуда выйдете с орденом на груди! – в тон ему я ответил:

– Подожди, и ты оттуда вернёшься с орденами и медалями! – у других палатах стояли, переминаясь с ноги на ногу мои солдаты и сержанты. Комбат рукой показал мне зайти к нему в летучку. Я зашёл. Ничего не говоря комбат достал два граненых стакана, из сумки достал бутылку столичной и налил по пол стакану. Взяв стакан, он сказал:

– Бери, заслужил! – стукнул своим стаканом об мой и одним глотком выпил содержимое. Я последовал за ним. Ни слова, не говоря, он положил бутылку в рюкзак и сказал:

– Иди, управляй, как они закончат обработку, пойдем в расположение колонной! – через полтора или два часа особисты закончили свои работы с личным составом, состояние у всех в том числе и у меня было, как опущенные в воду. Мне стыдно было глядеть людям в их глаза, и они чувствовали себя также, как и я. Молча и сосредоточенно заняли свои места в танках и БТР и по команде комбата двинулись в расположение. Сразу же под завязку подзаправились и на двух полковых мойках стали мыть танки БТР и автомашины. Подгонять никого не приходилось все сосредоточенно и отрешённо делали свое дело. Так продолжалось два или три дня. Но постепенно люди обвыклись и напряжение упало, а меня продолжало терзать недоумение почему надо скрывать то, что мы были там? Мы же там себя не опозорили, не бесчинствовали, не были трусами, я отважился об этом спросить комбата. Выбрав момент, когда он был в кабинете один, я зашёл к нему и прямо спросил:

– Почему с нами так поступили? – по выражению лица комбата, я понял, что этот вопрос гложет его не менее чем меня, но тем не менее, он знает больше моего. Нахмурившись, он сказал:

– Перестань думать об этом для своей же пользы, все это сделано правильно потому, что между оккупационными войсками и странами существует договор, в случае при таких катаклизмах в государствах войска можно вводить только с метрополии, и ни в коем случае

не использовать оккупационные войска соседних стран! Теперь ты понял? – спросил комбат. Конечно же я не сразу понял смысл сказанного им, а он продолжал:

– Чтобы вопросов на эту тему я больше не слышал! Ты меня понял? – спросил он. Глядя в его глаза, я ответил:

– Так точно! – и больше к этому вопросу я не возвращался.

Жизнь шла своим чередом. После продолжительной болезни в роту вернулся старший лейтенант Джура. Контактный, грамотный и опытный командир, с которым можно было с удовольствием решать и выполнять стоящие перед подразделением задачи, как по боевой готовности, боевой учебе, повседневной жизни и ротным хозяйственным вопросам. Мне стало значительно легче и у меня появилось время для занятий спортом и другими вопросами. Повышенная боевая готовность в части ограничивала нас только тем, что не разрешалось ходить в город, но наслаждаться долго мне не пришлось, зам командира полка герой Советского союза подполковник Кияшко собрал, как-то командиров взводов и начал пытаться нас по поводу занятий танкострелковой тренировкой на огневом городке, каждый из нас выкладывал ему всё, что знали и думали про наш полковой огневой городок, который был приспособлен для стрельбы на сто метров, там находилось всего четыре танка и несколько тренажёров с прицелами для наводчиков, мишенная обстановка была примитивной, обратной связи от мишеней не было, рам качания не было, танки выставлялись на бревно, наводчик садился за прицел, а весь экипаж подсовывая под гусеницы вагу и качали танк. Высказав подполковнику свои мысли о нашем огневом городке, в ответ подполковник сказал:

– По окончании нашего совещания зайди в мой кабинет! – зайдя к нему он сразу усадил меня за стол, положил несколько листов бумаги, карандаш, командирскую линейку и сказал:

– Ну-ка изобрази на бумаге, какие бы ты хотел видеть рамы качания танков! – я быстро набросал, он подсчитал что для этого надо.

– Из какого материала надо делать раму? – спросил он. Я ему ответил:

– Лучше всего делать рамы из швеллера сечением двести восемьдесят на сто пятьдесят или из тяжёлых рельсов!

– А чем рамы приводить в движение? – на этот вопрос у меня был готовый ответ потому, что я, будучи на стажировке в Тученских лагерях под Ровно видел такие рамы, которые приводились в движение электромотором через редуктор бортовой передачи тяжёлого танка ИС-2 на выходной вал, которому вместо ведущего колеса одевался фигурный копир. Рядом с нашим полком располагался семнадцатый тяжёло – танкосамоходный полк, в котором на вооружении были танки ИС-2 и самоходки СУ-152, на которых стояли такие редуктора, а возле них в ремонтной мастерской лежало штук восемь бортовых передач, замененных с танков и самоходок, и я был уверен, что они запросто смогут качать рамы.

Кишко сказал:

– Срок тебе три дня, в субботу утром ты должен принести мне расчет сколько и какого нам потребуется металла на пять рам, что кроме металла нам надо, сколько электродов, сколько кислорода, сколько карбида, цемента, песка, гравия и других материалов, и раму разрисуй во всех стихах и красках, чтобы не только ты, но и я и командир полка мог понять, как это будет работать и сможет ли оно выдержать длительную работу, качая тридцати шести тонный танк! Понял?

– Понял? – сказал я.

– Иди и работай! – делать все это пришлось по вечерам и ночью, так-как проведение занятий с личным составом, с меня никто не снимал и времени на это никто не выделял. Вместе с тем всё это, я расписал в стихах и красках и нарисовал так, что мне самому понравилось. Принес всё к подполковнику Кияшко, на шести стандартных листах были расписаны до мелочи необходимые материалы и инструменты, а на большом ватманском листе была нарисована рама качания вместе с приводом, боковыми пружинами и шаровой опорой по центру, к ватманскому

листу, я прибил рейки и повесил его на вешалку, на которой висела шинель подполковника. Всё это оформление Кияшко понравилось, он полистал перечень, крикнул и сказал:

– Добудем! А ты не рассчитывай, что за тебя кто-то будет всё это делать, изготовлением рам и гнезд к ним руководить будешь ты, завтра я посоветуюсь с командиром полка и скажу тебе сроки начала и окончания работ! – после он отпустил меня. Прибыв в роту, я поделился этой новостью с командиром роты, тот засмеялся и сказал:

– Борис, запомни, в Армии нельзя высовываться, как высунешься, так обязательно будешь работать по выполнению своей задумки! – и он, как накаркал. Не высовываться я не умел и поэтому всю службу выполнял обнародованные мной задумки. Кияшко заставил меня составить список солдат и сержантов полка из числа мастеровых, которых необходимо будет привлечь к перестройке огневого городка и изготовлению необходимого оборудования, а сам он вместе с начальником тыла занялся закупкой материалов у немцев. Когда все было заготовлено, Кияшко вызвал меня, усадил и стал заслушивать меня, как я мыслю все это делать. Я ему честно признался, что об этом не думал и не рассчитывал, что буду руководить всем этим. Кияшко расхохотался в голос.

– Ты что, сынок, подумал, что всем этим до старости лет буду заниматься я? Ты горько ошибся! Я тебе всё достал и буду помогать только в организационных вопросах, а всем этим будешь руководить ты, а поэтому иди и до вечера думай, как и где чего делать, кто будет старшим на объектах! А после ужина приходи ко мне будем вместе думать и писать приказ командира полка о выделении личного состава на эти работы! – до вечера я обдумывал все эти вопросы, а после ужина, как на расстрел пошёл к подполковнику. Посмотрев на мою кислую физиономию Кияшко сказал:

– Борис, я тебя не узнаю, всё будет как надо, тебе самому понравится! – сказал он. Он из ящика достал списки мастеровых солдат и сержантов, который я ему составил загодя, и мы начали с ним обговаривать, сколько сделать бригад и, что эти бригады будут делать.

– Ты на эту тему думал, давай выкладывай свои соображения! – сказал он. Я ему предложил: одной бригадой в ремонтной мастерской варить рамы качания и постаменты для копиров и двигателей, а также шаровых опор и пружин. Туда назначить восемь механиков водителей и четверых сварщиков от ремонтной мастерской. Ответственным за работы там назначить старшего лейтенанта Гармошкина Юру. Откапать пять ям под рамы и забетонировать их, выделить двадцать пять солдат и сержантов, имеющих профессию каменщиков или способных к этой работе. В третью бригаду на мешенное поле выделить восемь человек в том составе одного сварщика, четырёх связистов, одного электрика и двух дюжих бойцов для капания траншеи. Выслушав меня, Кияшко достал пачку стандартных листов бумаги и сказал:

– Пиши приказ командира полка на по фамильное выделение личного состава, названные тобой бригады и освобождение их от занятий других работ и нарядов! – пытаюсь уклониться от ненавистной мне писанины, осторожно намекнул Кияшко:

– Я никогда не писал приказов по полку! – он прищурившись с усмешкой посмотрел на меня и сказал:

– Когда-то надо начинать, не ропщи, можешь перекурить, садись и пиши! – в это время позвонила его жена и я понял, что она спрашивает его, почему его долго нет дома? Он сказал:

– Сейчас приду. – вынув из кармана ключ от кабинета сказал мне:

– Пиши, когда напишешь, закроешь кабинет на ключ и отдашь его дежурному! – почти до утра я карябал этот приказ пока он не понравился мне. Закрыв кабинет, я бегом побежал в гостиницу. Брякнулся на койку, моментально уснул. Ребята меня подняли и сказали:

– Борис, пора! – я вместе с ними пошёл в столовую, а оттуда в роту проводить занятия. Зайдя в канцелярию, я увидел, что мой командир роты старший лейтенант Джюра сияет, как новая копейка.

– Что случилось? – спросил я.

– Борис, мне замена прибыла! Через четыре дня уезжаю в Союз в Одесский военный округ!

Я пошёл проводить занятие, а когда к обеду вернулся, в канцелярии вместе с Джурой сидел капитан значительно старше Джуры татарин Гафаров. Мы познакомились с ним и по разговору было видно, что он опытный и знающий свое дело командир. Он рассказал нам, что прибыл из Чирчика, где у него осталась семья жена и шестеро дочерей, а кроме того они ожидают прибавление семейства. Услышав о таком количестве детей, мы покачали головами, а он сказал:

– Пока сын не родится, не остановимся! – и по его выражению лица было видно, что так и будет. Прибежал посыльный от Кияшко и сказал, что подполковник меня вызывает срочно. Я думал, что там в приказе я не так написал и готовился к головомойке. Но Кияшко был в хорошем расположении духа, вслух зачитал мной написанный приказ и показал мне. Он был уже отпечатан на машинке, зарегистрирован и на нем стояли подписи командира полка и начальника штаба.

– Я же тебе говорил, что не слепые горшки лепят. Красильников спросил кто писал. Я ему ответил, что ты. Смотри, он на тебя лапу протянет, ему писчие всегда нужны. Тебя спасти от этого может только одно, он же непревзойденный матерщинник, и ты ему составляешь конкуренцию, а он конкурентов не терпит!

На следующий день я собирал и организовывал работу бригад на огневой городок, мои бригады со склада перевозили материалы, трассировали ямы начинали их откапывать, готовили две бетономешалки, подвозили цемент, песок, доски для опалубки. На каждую яму я выдал чертёж с полной разметкой, где чего и как должно быть. Организовал работу бригады мишенного поля, показал, где копать траншеи под кабель и, где прокладывать рельсы под фронтальные дороги для движущихся целей. Организовав здесь работы, я побежал в ремонтную мастерскую, где механики-водители и сварщики размечали и автогенном резали швеера для рамы. Мне пришлось остановить эти работы и распорядиться, чтобы в первую очередь делали постаменты для пружин шаровых опор потому, что их минимум после завтра придется ставить на место и бетонировать, с таким расчетом, чтобы бетон высох и устоялся к моменту постановки на место готовых рам. Целую неделю я занимался огневым городком, дело шло замечательно, ямы были откопаны, забетонированы, рамы были завезены на огневой городок, я не спешил их ставить на место, давая цементу устояться и по совету немцев ежедневно поливал цемент водой. А тем временем подошёл день отъезда в Советский союз командира роты.

ЧАСТЬ 5

ТАНКОСТРЕЛКОВЫЕ ЗАНЯТИЯ

Мы душевно его проводили до самого поезда и расстались на очень долгое время. Ровно через три дня, как уехал Джюра, я шёл с огневого городка в роту, возле батальона САУ мне повстречался полковой почтальон и спросил меня:

– Вы в роту тов. лейтенант?

– Да в роту!

– Вашему ротному телеграмма, может отдадите! – я взял телеграмму повертел её в руках, она была сложена вдвое и с торцов склеена. Я принес телеграмму в канцелярию и отдал её ротному. Гафаров вскрыл телеграмму, глянул в неё, радостно вскочил и восхищённо выкрикнул:

– Борис, у меня сын родился! – я тотчас его поздравил и сказал:

– Вечером обмоем! – он заулыбался:

– Конечно обмоем! – вечером в столовой мы подняли чарки за сына Гафарова, пожелали всем им здоровья, и пошли по своим делам, желая его семейству процветания и здоровья, а рано утром, ещё до подъема ко мне прибежал посыльный и сказал:

– Вас срочно требует комбат! – я прибежал к комбату, а он объявил мне:

– Гафарова за двадцать четыре часа отправляют в Советский союз. Он вчера как истинный татарин отметил рождение сына стрельбой из ружья. Домой он взял ружьё, вышел на балкон и выпустил двадцать один выстрел в честь рождения сына. Балкон его квартиры выходил на немецкую улицу, услышав стрельбу подъехала полиция, которая вызвала комендатуру, комендатура доложила по команде, и ночью созрело решение отправить Гафарова в Советский союз к прежнему месту службы. А тебе, Борис надлежит теперь принять роту и управлять ею. Сегодня в роте вождение, и ты должен руководить им. Командовать ротой будешь до прибытия вновь назначенного командира! – и все завертелось по-прежнему. Конечно, быть командиром роты было куда легче в силу меньшей ответственности, во всем остальном нагрузка распределялась между офицерами равномерно. Занятия проводились по категориям, механики водители отдельно, командиры танков отдельно, наводчики орудия отдельно, и соответственно им заряжающие. На занятия по вождению, стрельбе, тактике и специальной подготовке привлекался весь личный состав, независимо от специальностей. Занятия по политической подготовке проводились со всем личным составом повзводно, с командирами танков проводились занятия отдельно командиром роты. На еженедельные парковые дни привлекался весь личный состав. В течение недели, как правило выделялся и проводился один день и ночь на вождение боевых машин, как правило в этом участвовал весь личный состав, хотя водили только механики и командиры. В течение недели в роте, как правило проводились три-четыре танка-стрелковых тренировки на огневом городке. В течение месяца, рота выезжала на дивизионный полигон, где проводились занятия по тактической подготовке, стрельбы из танкового вооружения, вождения в колоннах в составе подразделений, а также другие занятия, требующие полевых условий. В войсках, как и в военном училище весь распорядок дня был распisan до минуты и неукоснительно исполнялся, а постоянные проверки занятий выше стоящими командирами не допускали нарушения распорядка дня срыва или некачественного проведения занятий. Материальное обеспечение занятий было достаточно хорошим. На зимних квартирах были хорошо оборудованы и материально обеспеченными классы по огневой, технической, тактической и специальной подготовки. В части было четыре теплых спортивных зала, каждый из которых позволял одновременную тренировку на спортивных снарядах до ста человек. Летние спортивные городки и полосы препятствий позволяли занять на них весь личный состав часы физзарядки занятий и личного времени. Регулярно с офицерами и сержантами проводились методические и инструкторско-методические занятия перед особо важными или новыми занятиями. Всем этим в роте руководил и организовывал командир роты. Ещё на первых шагах службы, я вкусил и понял значение ротного командира на своем лбу и его шишках в боевых условиях так, что теперь повседневной жизни мне эта работа казалась не такой уж трудной. Свою работу по руководству работы на огневом городке мне пришлось прекратить, а вместо меня Кияшко вместе с комбатом назначили туда моего зам потеха роты Витю Юркова, которому оставалось там только покрасить, побелить, отрегулировать и поставить на рамы танк. За два дня перед пуском обновленного огневого городка меня внезапно вызвал подполковник Кияшко. Зайдя к нему в кабинет, я услышал от него:

– Борис, что мы натворили?

– А что мы натворили кроме того, что обновили огневой городок?

– Так мы же с тобой не учли, мы скоро получим новые танки Т-54, а они же шире тридцать четверки! Это же надо всё переделывать!

– Успокойтесь, товарищ подполковник! – сказал я.

– Разметку рам я провёл не только по Т-34, но и по Т-54, когда они придут к нам мы их запросто поставим и приварим серьги для крепления гусениц крамом! – Кияшко успокоился, заулыбался и сказал:

– А я уж думал, как мы с тобой будем смотреть в глаза командиру полка, который доверил нам такое дело! – и добавил:

– Теперь надо разработать новую методику танка-стрелковых тренировок и предложить, и внедрить в подразделения! Искать кто будет составлять эту методику я не буду, будешь составлять ты! Бери программу обучения, ищи в журнале Военное обозрение и других журналах, составляй, через неделю представишь мне! – и дело закрутилось. Мало того, что ротных забот был полон рот и проводимых мною занятий никто, не отменял, как никто не отменял забот о постоянной жизни и деятельности подразделения, на меня навалилась дополнительная обязанность составлять довольно сложную, хотя и понятную для меня методику. В указанный срок я представил методику танка-стрелковой тренировки предварительно, согласовав ее с командиром батальона, который подсказал мне дополнительно несколько важных элементов. Подполковнику понравилась методичка и он спросил меня:

– Когда у тебя очередная танка-стрелковая тренировка? – я ему ответил:

– Сегодня ночью!

– А ты готов испытать на ней эту методику?

– Конечно же нет, я её только написал!

– А когда будешь готов?

– Не раньше следующей недели! – сказал я. В течение этой и следующей недели, мы с командирами взводов досконально разобрались в этой методике, которой составляла не общие черты её проведения, а сам смысл тренировки, который позволял тренировать стреляющих в соответствии дальности устанавливая прицел, изменять его при стрельбе и корректировать огонь, для чего применялись особые мишени, которые представляли собой листы из фанеры раскрашенные под цвет мишенного поля и выделенное на нём в соответствии с масштабом выраженного контура цели с вынесенными спереди и сзади контура прямоугольниками в соответствии размерам цели, кроме того с вынесенными от цели вверх и вниз контурами, соответствовавшими изменению прицела. Потренировав по этой методике роту дважды, я доложил комбату, что тренирую роту уже вторую неделю и получаются неплохие результаты. На третью танка-стрелковую тренировку комбат пригласил подполковника Кияшко и привел на неё командиров первой и третьей роты. Тренировка понравилась всем и больше всего, она понравилась личному составу потому, что было видно куда, почему и как попадаешь в отличие от того как было раньше. Подполковник Кияшко сказал, что о результатах доложит командиру полка и с его позволения на моей же роте проведет для всех командиров рот и батальонов показательное занятие. Показное занятие прошло хорошо, большинству командиров рот оно понравилось, но были и такие, которые ничего не поняли и заявили мне потом в кулуарах:

– На хрен, парень, ты все это придумал? – на следующую танка-стрелковую тренировку приехал командир полка. Я ему все доложил, он внимательно вникал во все тонкости тренировки и, уезжая сказал:

– Ты откуда взял эту методику? – я ему доложил:

– Перевернул все журналы и методические пособия, но там ничего толкового не нашёл и сам на свой риск придумал то, что вы видите! – провожая командира полка к машине, он обнял меня за плечо и сказал:

– Ты, Борис, молодец, так держать! Впереди у нас много дел, скоро придут новые танки и нам придётся много чего строить! – я впервые почувствовал, как много для меня значит похвала такого человека, как командир полка.

В апреле в этих местах на юге Германии, особенно в районе Лосовского дивизионного полигона всегда царит сырая промозглая погода. Подошла очередь выезда на полигон и нашему батальону для выполнения задач по тактике, стрельбе, вождению и специальной подготовки. Кроме того, в связи с тем, что в конце апреля все войска гарнизона переселялись сюда на полигон в лагерь до октября месяца и надо было подготовить места для палаточного лагеря. Работы

и задач было много, поэтому трудиться приходилось днем и ночью, а тут еще министр обороны Г.К. Жуков, ввёл для войск усиленную физическую подготовку и кроме того один для всех обязательный час под руководством непосредственных командиров. Этот час должен был проводиться и проводился во время физической зарядки. Руководителями групп приказом по полку назначались, как правило командиры подразделений или наиболее подготовленные офицеры. Конечно же, меня назначили руководителем этих занятий с сержантами и солдатами роты. Поэтому приходилось прибегать в роту до подъема, вести её на спортивный городок или кроссовую трассу, или на полосы препятствий. Как правило этот час заканчивался на ротном спортивном городке, где каждый сержант и солдат должны были выполнить зачетное упражнение на перекладине, брусках и спортивном коне. И только после этого все бежали принимать водные процедуры, столовую и на занятия. Здесь на полигоне классных занятий не было, все проводилось в поле на учебно-боевых машинах с оружием и принадлежностями. Здесь же на полигонной танковой директрисе проводились стрельбы вкладным стволом и штатными боеприпасами, а так-как всё оборудование полигона эксплуатировалось днем и ночью и его терзали много тонные танки зачастую ещё в необученных руках, поэтому оборудование быстро изнашивалось и ломалось и его приходилось ремонтировать после каждого занятия. Особенно часто ломались препятствия на танкодроме, на танковой директрисе расстреливались насыпи и брускованные укрывающие железные дороги, по которым движутся цели, а также подъёмники и другое оборудование. По курсу стрельб кроме двух упражнений выполнялись сходу, только для механиков водителей было одно упражнение по стрельбе с мест, а заряжающим с коротких остановок. Т-34-85 стабилизатора вооружения не имела и научить наводчиков и командиров этой стрельбе удавалось только длительными ежедневно проводимыми танка-стрелковыми тренировками и довольно частыми практическими стрельбами. Как правило командиры и наводчики третьего года службы были ассами в своем деле и из любых положений независимо от качества полигонных дорожек попадали, стреляя сходу по неподвижным появляющимся и движущимся целям, как правило с первого выстрела. Солдаты и сержанты второго года службы стреляли менее уверенно, но, к исходу второго года службы по своему мастерству, почти ровнялись к солдатам третьего года службы. Менее подготовленными были наводчики и командиры первого года службы, прибывшие из дивизионного учебного батальона, основные навыки по стрельбе у них уже были, но той мастерской виртуозности в работе подъёмным и поворотным механизмом, как у старослужащих у них ещё не было и приходилось всей повседневной учебной прививать им эти навыки, обучая их мастерству в составе подразделения и лично каждого. Как правило цыплят считали по осени потому, что осенью в зависимости от того, кому что выпадет будет проводиться проверка боевой готовности и мастерства. Обязательно проверять будет Москва или группа войск, или командарм или в лучшем случае командир дивизии. На этих проверках спуску никому не давали и каждый предстал перед проверяющими, как он есть, независимо от должности, звания и положения, каждый отчитывался, показывая, что он знает, может и умеет. Все офицеры, старшины, сержанты и рядовые к проверке готовились тщательно, особенно старались солдаты и сержанты третьего года службы. В первую очередь, чтобы показать молодым солдатам чего они стоят, чего они постигли за три года службы и к чему надо стремиться им молодым, и кроме того они знали, что за их успехи их парадный мундир украсится знаками воинской славы и классности. Никакого ажиотажа в процессе обучения не происходило. Каждый офицер и сержант готовил свое подразделение и экипажи планомерно согласно программы обучения, и особо никто не вмешивался в его деятельность за исключением случаев, когда командир нарушал или не соблюдал общепринятую методику обучения или допускал срывы занятий. Но в этом 1957 году случилось для боевой подготовки войск страшное, Жуков ввел в войсках социалистическое соревнование, которое на мой взгляд нанесло войскам непоправимый вред. В целом если не извращать сам смысл соревнования, то оно могло быть стимулом для лучшего обучения и повышения боевой

готовности, но алчная человеческая натура всегда и во всех случаях ищет лазейки, которые позволяют, как меньше вкладывать и, как больше получать. Вскоре после введения положения в соцсоревновании стали появляться директивы, приказы, которые определяли сроки подведения соревнования в подразделениях, частях и даже соединениях. Эти разработки спускались в войсках из главного политического Управления Советский Армии и Военно-морского флота. Дошло до абсурда, ежедневно итоги соцсоревнования должен был проводить командир взвода. Командир роты еженедельно, командир батальона два раза в месяц, командир части ежемесячно, все эти промежуточные итоги подразделений суммировались в частях и соединениях и по ним делались выводы о состоянии дел в подразделениях и частях. И, как правило при ежемесячном проведении итогов по этим результатам оценивали состояние дел в подразделениях и деятельность командиров. Многие командиры поняли, что надо подавать приукрашенные результаты, чтобы не быть мишенью для упрёков и выволочек на ежемесячных подведениях итогов в части. И многие это делали. Кроме того, постепенно это переросло в откровенное очковтирательство. Ещё неиспорченный длительной службой, я смотрел круглыми глазами на эти аспекты воинской жизни. Уверенный в том, что в Армии должна быть исключительная честность и прямолинейность, я в силу своего характера не мог отступить или раздвоиться и всегда показывал в результатах то что есть, за что был неоднократно на различные рода совещаниях и подведениях итогов пожеван, обруган и не справедливо обижен. Однако, все это не смогло заставить меня двурушничать и втирать очки. Сложное дело обучения военнослужащих военному мастерству никогда не предполагало снижения требовательности и бескомпромиссности, как говорил мой комбат: «Выпущенный снаряд или пуля, попавшая в цель сослагательного выражения не имеют». Я знал одно: Осень покажет свои результаты и для этих результатов не жалел своих сил и способностей. Солдаты и сержанты роты всегда понимали меня, прислушивались и все мои указания, и требования выполнялись безукоризненно, вот и теперь здесь на полигоне, несмотря на загруженность, не лёгкие полевые условия, я чувствовал себя уверенно, как может чувствовать себя командир, которому подвластно уверенное в нём подразделение. Закончив выполнение всей программы запланированные на полевой выход, на завтра собирались убыть на зимние квартиры. Утром командир батальона вызвал меня к себе и представил, прибывшего взамен Гафарова командира роты капитана Артёменко. Охарактеризовав ему меня, он сказал мне:

– Ты эти три дня, пока Артеменко будет оформляться и принимать роту, командуй ротой сам.

Уйдя от комбата, я представил Артеменко зам потеха, командиров взводов и старшину роты. В общении Артёменко был контактный, его речь была грамотной, а его вопросы выдавали его опытность и знание танкового дела, чувствовалось, что он строг и бескомпромиссен, мне всегда эти качества нравились в офицерах, которые командуют подразделениями. К вечеру мы погрузились на автотранспорт и уехали в свой городской гарнизон. Хотя в роте я ничего не принимал у Гафарова, то Артеменко, как положено передал всё по акту. При штатном командире роты служить было значительно легче, да и появилось время для занятий спортом, а тут ещё объявили спортивные соревнования в дивизии в честь закрытия зимней спартакиады. Пришлось готовиться самому и готовить спортсменов, которые будут выступать на дивизионных соревнованиях от полка. Мало того, что я сделал огневой городок, я решил переделать огневой класс. В большом классе огневой подготовки стоял большой ящик с песком, на котором мастерски была оборудована местность с дорогами, водоёмами, холмами и поселениями, в которых выделялись не только отдельные дома, но и ряды окон и дверей, перед этим ящиком стояло две турельные установки, закреплёнными на них танковыми прицелами ТШ-22. При помощи этих прицелов можно было решать огневые задачи. Этот класс был оборудован так, что ни в коей мере не уступал классу огневой подготовке в военном училище, этот класс был любимым детищем командира батальона. Рассказывали, что он принимал личное участие

в его оборудовании. Мне этот план тоже понравился, но мне в глаза сразу бросилось, что он не позволяет в полной мере научить обучаемых решению огневых задач сразу по нескольким пунктам. Прицельный выстрел производился условно и производить точку наводки возможности не было. Положение попадания тоже не отображалось, появляющихся и движущихся целей не было, а для полного счастья не хватало ещё одного станка с прицелом. Я стал наведываться в свободное время в этот класс и составлять план чертёж на его переоборудование. Как-то вечером, когда я выбрал время и прихватил с собой командира танка сержанта Тищенко, который хорошо умел чертить, работали в классе, я измерял размеры ящика, размеры ящичного оборудования, а Тищенко составлял таблицы со всеми этими данными. Увлеченные своей работой мы не заметили, как вошел комбат и рявкнул:

– Вы что здесь делаете? – пришлось рассказывать ему всю мою задумку. Выслушав меня с явно обиженным лицом и неудовольствием всего происходящего, он спросил:

– А, что это вы описываете? – я ему объяснил:

– Существующее оборудование ящика сделано хоть и красиво и мастерски не соответствует масштабу и условной дальности ящика, надо все пересчитать так, чтобы обучаемый, наводя дальномерной шкалой на любой предмет или здание мог определить до него условную дальность. А кроме того намечаю места установки появляющихся и движущихся целей, а также места попаданий условных выстрелов! – комбат задумался, и я чувствовал, что в нем горит основное желание запретить мои поползновения на его детище. Он долго молчал, обдумывая, потом махнул рукой и сказал:

– Ладно, давай измеряй, записывай, придумывай и, когда сам всё осмыслишь доложишь мне, тогда мы вместе подумаем, как это сделать!

Открылись соревнования, на которых я легко выиграл все встречи, на которые всеми правдами и неправдами прибегала вся наша вторая рота, также хорошо выступили все представляемые мной борцы и штангисты полка. Мои легкие победы над внушительными по виду соперниками радовали моих подчиненных, и они с гордостью всем говорили:

– Это наш командир! – не скрою, для меня это было лестью, правда внутренний голос говорил мне:

– А не слишком ли высоко, Борис, ты задрал свой нос? – в то время большинство любителей спорта уважали тяжёлую атлетику, борьбу, бокс и штангистов, к тому же, так-как в полковой команде не было штангиста моего веса, пришлось выступать мне и на свое удивление, я выполнил норматив на второй спортивный разряд, в результате чего в военном городке с незнакомыми мне офицерами, они первыми здоровались со мной, как с давно знакомым им человеком.

Тридцатого апреля мы погрузили свои танки и имущество в эшелон и убыли на свой Лосовский полигон в лагерь до октября месяца. Оборудовали палаточный лагерь, столовые, парки боевых и учебных машин, и уже на третий день после прибытия начали заниматься боевой подготовкой.

В группу войск приехал Министр обороны СССР маршал Жуков Г. К. Через неделю он обещал посетить наш лагерь. Все наши войска были брошены на оборудование внешнего марафета, всё вычищалось, все красилось в зелёный цвет, все дорожки посыпались песком, все кюветы и кюветики равняли по буссоли. Доходило до идиотизма в лесу, где был разбит наш лагерь выгребалась вся опавшая листва, накопившая за несколько лет. Приезд его намечался на первое воскресенье мая. Работу закончили поздно вечером в пятницу, легли спать, а ночью по всей округе прошёл ураганный ветер с проливным дождём. Все наши выравненные кюветы, все покрашенные заборы, штакетники, шлагбаумы и другое оборудование были смыты ливнем и повсеместно утром текли ручьи с зелёной водой от смытой с них краски. Деревья из-под корней, которых выгреблены листва и земля были повалены, и всю субботу до поздней ночи, мы восстанавливали всё разрушенное и смытое. Приезд Жукова намечался к десяти часам.

Личный состав войсковых частей в парадной форме был выстроен к девяти часам. Командовал этим парадом заместитель командира дивизии полковник Харина, а командир дивизии полковник Иванов поехал к Жукову, который в это время находился в штабе Армии в Веймаре. Этот день, как никогда выдался солнечным, а испарение от мокрой земли создавали ощущение как в парной. В 10 часов на горизонте никто не появлялся. Харина вышел на середину строя в ожидании высокого начальства, но пока горизонт был чист. В 11 часов тоже никого не было. От солнечного удара в строю начали падать солдатики первого года службы, которых тотчас подбирали санитары и увозили в медсанбат в санитарных машинах. Ровно в 12 часов показалась Победа командира дивизии и остановилась по среди строя. Харина командовал:

– Дивизия, смирно! Равнение на середину! – и пошёл к машине. Дверца открылась, из машины вышел комдив, и обращаясь к Харине с досадой махнул рукой, что означало «Вольно». Последовала команда:

– Командирам частей прибыть к командиру дивизии! – получив задачу от комдива, командиры частей начали вводить свои войска в места расположения. Для нас офицеров довели, что министр обороны в этом году не посетит, и его приезд будет ожидаться только в следующем году.

ЧАСТЬ 6 НЕЗАПЛАНИРОВАННЫЙ ОТПУСК

Занятия шли своим чередом в связи с тем, что на месте был командир роты, нагрузка с меня на довольно много снизилась, и несмотря на то, что было много полевых занятий, все же много оставалось личного времени, которое, мы молодые офицеры использовали не всегда во благо себе. На лагерном сборе был объявлен сухой закон, спиртное не продавалось в буфете офицерской столовой ни в магазине военторга. Дороги в немецкие населенные пункты были перекрыты постами и патрулями, и многим казалось, что спиртного здесь не раздобыть, а для нас это казалось смешным потому, что работающие в офицерских столовых девушки, официантки и поварихи ежедневно по утрам ходили в ближайший поселок, называемый Лоссой за зеленью и другими свежими овощами. Жили они все рядом с нашим бараком, в котором жили молодые офицеры холостяки. По нашей просьбе они могли принести вся и всё потому, что их ни патрули, ни на постах никто не проверял, да и кто из офицеров осмелится проверить официантку или повариху, которые ежедневно кормят его? К празднику девятое мая все жильцы нашего барака заготовили необходимое для встречи праздника поило. Как всегда, праздник начался с построения, торжественных речей, прохождением войск торжественным маршем и с песнями, а затем начались спортивные соревнования, выступления художественной самодеятельности, а вечером в 28 раз показали фильм «Чапаев». Уложив спать личный состав в первом часу ночи, мы все собрались в своем бараке, поздравили с праздником друг друга и продолжили в своих комнатах коморках, в которых жили по четыре человека. В нашей коморке жили я, Коля Хорохорин, Лёша Созанёнок и Женя Кондауров. Мы заготовили много пития и закуси, и почти до утра почивали друг друга и, как было расставлено на столе и на лавках, все так и осталось, а мы поснули на своих койках. Перед подъёмом, я услышал злой бас подполковника Красильникова, который зашёл в барак и открыл первую дверь в комнату. Оттуда по-видимому повалил перегар, его взору открылась неприглядная картина, стоящей и валяющейся закуси, пустые бутылки и граненые стаканы. Почти в каждой в комнате, как я полагаю была точная картина, как эта состоялась у нас. Я вскочил с койки, свернул простынь, покрывающую стол вместе с посудой, оставшейся закусью, свернул её в узел и запихал глубоко под койку, так же я поступил с простынёю, которая закрывала лавку и всё что на ней стояло, также завернул в узел и засунул под другую койку. Схватив, стоявшую в углу метлу, я промел ею пол. В пустой графин с крана налил воды, вымыл четыре стакана и поставил их возле гра-

фина и мгновенно брякнулся в койку. Едва успев укрыться, открылась наша дверь, и приоткрыв глаза, я увидел в дверях разъярённого подполковника Красильникова, у которого при виде нашей комнаты в горле застряло матерщинное слово, и он произнес:

– Тьфу, твою мать! В одной только комнате порядок! – повернулся, хлопнул дверью и ушёл. Через стену было слышно, как он идет в штаб, матерится и кому-то рассказывает, что творится в общежитии. После подъёма и водных процедур, офицерам холостякам, живущим в нашем бараке надлежит собраться в курилке, которая стояла между нашим баракком и штабом полка, с нами будет беседовать командир полка. В назначенное время пришёл командир полка в сопровождении начальника штаба и замполита.

– Что же мне с вами холостяками делать? Женить бы вас надо! Жёны ума бы вам поставляли! – и неожиданно сказал: вот если кто скажет мне, что в отпуске женится, я прямо сейчас отпущу! – все притихли, а я в голове перебирал свои возможности, честно, говоря мне уже стала надоедать эта вольница, эти не планированные пьянки и сборища, и отважившись, я сказал:

– Я поеду и женюсь! – не моргнув глазом командир полка сказал:

– Иди к Пашутину (это был зам начальника штаба) и выписывай отпускные документы! – и я пошёл. Окошко к Пашутину открывалось в сторону курилки. Я подошёл к нему и постучал, оно открылось, я не успел ещё слово сказать, как Пашутин заявил мне:

– Я все слышал и уже выписываю тебе документы, приходи через час и всё получишь! – я пошёл в роту, доложил командиру, что командир полка отправляет меня в отпуск. Для него и всех остальных было непривычным, что командир взвода в мае месяце едет в отпуск, как всегда эта категория, как обычно проводила свои отпуска в последние осенние и зимние месяцы. Получив документы, я успел на дивизионный автобус, который уходил в Галле на зимние квартиры. Прибыв туда, я успел в Банке оформить расчетную книжку и получить на неё отпускные в советских рублях получить положенную мне очередную получку в немецких марках, на которую я на следующий день накупил целых два чемодана подарков для своих родных и знакомых. Оформив проездные документы, утром следующего дня, я убыл в Эрфурт, где определился в наш советский поезд, который прямым через Польшу шёл в Брест. Без проблем на следующие сутки добрался до Бреста, вышел с поезда и ощутил своими лёгкими знакомый воздух Родины. В Банке получил, причитающиеся мне деньги, которых оказалось много большими сотенными бумагами. За восемь месяцев, я получил более десяти тысяч рублей. В то время это были очень большие деньги. С вокзала я поспешил на Брестский аэродром, где взял билет на самолёт, идущий до Одессы. Через два с половиной часа я был в Одессе и успел на очередной поезд, идущий на Москву. Эти все поезда могли проходить только через мою станцию Раздельное. Выйдя с поезда в Раздельной, я занёс чемоданы в привокзальный ресторан к Любе, подарил ей какую-то немецкую кофточку и платочек, чему она была очень рада. От неё позвонил в МТС, узнать нет ли там кого с Марьяновки. Но там никого не оказалось. Люба сказала:

– Выходи, там на площади стоит мой знакомый таксист. – я пошёл туда, встретились мы с ним, как со старым знакомым и, он отвез меня в Марьяновку, но мы специально сделали с ним круг и подъехали к строящемуся отцову дому. Внешне дом и летняя кухня были уже готовы, но дверь была на замке. Я заглянул в окошко и увидел, что в большой комнате клеятся обои потому, что они лежали на столе и половина стены было уже оклеено. По пути заехал в военкомат, встал на учет, сдал на хранение оружие (тогда офицеры, служившие за границей в отпуск, уходили с оружием). Заехал во двор, увидел, что дверь в хату открыта, зашёл в неё, но дома никого не оказалось. Двери в комнаты в которых жили девочки были закрыты на замки, подошедшая к калитке соседка сказала, что мать пошла в магазин. Я рассчитался с таксистом, занёс в хату чемоданы, разделся, налил воды в уличный умывальник, разделся и стал мыться. Вскоре подошла мать, расплакалась и упрекала меня, что я так редко пишу, а тут ещё приезжал Шурка Назаренко, он такого на тебя наплёл, что мы и похоронку на тебя уже

ожидали, хорошо, что письмо твое последнее пришло. (Шурка Назаренко был другом моего брата, а старший его брат Васька был моим другом), Шурка поступил в военное училище, окончив его и сразу же по окончании его тоже направили в Венгрию, где мы с ним встретились, когда уже вошли в Венгрию. Он меня видел там с забинтованными поверх комбинезона ногами, а прибыв в отпуск, с пьяна нагородил такой чуши, что якобы он видел меня раненым, что я отбивался с ним от врагов, при нем я кинул гранату в противника, а его в это время контузило и, он меня больше не видел. Как мог, я успокоил мать, сказал ей:

– Мама, со мной нигде ничего не происходило! – но, когда я мылся, мать придирчиво высматривала меня, выскывая на моем теле отметины от ранения. А я специально не снимал брюки, чтобы вымыть ноги, на которых явно проступали следы от брызг металла и черной окалины. А на утро не знаю кем оповещённые о моём приезде приехали мои друзья целых двенадцать человек. Под впечатлением Шуркиных рассказов, они с пристрастием расспрашивали меня про Венгрию и, что там было потому, что из Шуркиных рассказов, перемешанных его воображением и винными парами, они составить целостной картины не могли. Я же не имел права рассказывать о моём участии в этом инциденте, поэтому я не отрицал, что встретился там с Шуркой, но что был я там просто в командировке и всего несколько дней. А дальше пошло, поехало. Ребята на перебой приглашали меня к себе, приглашали съездить в Одессу, Кишинев и другие знакомые и любимые наши места и конечно съездить на Лиман, где в это время начинается бычковая и рачковая путина. На третий день приехал отец, все это время он был в Одессе на каком-то областном мероприятии механизаторов. Он, как никогда обрадовался моему приезду, мы съездили с ним в Раздельную, осмотрели почти готовый дом определили, что надо сделать, отец сказал:

– Борис, ты на этом доме и так много потрудился, отдыхай, а мне надо положить полы в кухне и коридоре, делать лестницу на чердак и оборудовать летнюю кухню. Денег пока нет, поэтому буду всё делать после нового года! – я его спросил:

– Папа, так-сколько-денег- то надо? – он сказал:

– Для завершения строительства надо две-три тысячи рублей!

– Не волнуйся, папа, такие деньги у меня есть. Приедем домой, я тебе их отдам!

– Зачем, сынок, они тебе понадобятся! – но приехав домой, я достал деньги и отдал отцу пять тысяч рублей и пятьсот рублей маме, чтобы она накупила продуктов потому, что к нам часто будут приезжать ребята. А дальше начались мои поездки во все концы района и области с ребятами и без них. Побывал я в Первомайске, куда определили служить моего друга Серёжу Огородникова, побывал в Тирасполе, где служило пятеро моих однокашников, а затем с ними побывал в Кишинёве, где тоже служили наши ребята. Оттуда все вместе в выходной поехали в Одессу, где посетили своих ребят, которые служили под Одессой. Только через полторы недели я вернулся домой и заехав во двор, увидел обеих девчонок, которые жили в нашем же доме. Ещё с прошлого года мы были знакомы, поэтому они встретили меня, как старого знакомого и непременно объявить, что сегодня в клубе фильм «Кубанские казаки», а после фильма танцы и они надеются, что я их свожу потому, что они боятся туда ходить, так как там зачастую хулиганят пьяные парни. Я им это пообещал и действительно вечером сводил в кино и даже потанцевали там во дворе под звуки оглушающей радиолы на пыльном дворе. Прибыв домой, пришлось идти под умывальник и смывать с себя прилипшую пыль. А утром опять я уехал к ребятам. Ездили на Лиман, по старой привычке наловили пару мешков рачков и одарили ими родителей моих друзей. Проехал по всем тракторным бригадам Еремеевской МТС, где бригадиры и трактористы знали меня, как облупленного. И так в моих разъездах гулянках прошло почти полтора месяца, оставалось чуть больше двух недель до конца отпуска, и я вспомнил своё обещание командиру полка жениться. Стал вопрос на ком? Татьяна дала мне отлуп, а другой кандидатуры у меня не просматривалось, хотя знакомых и симпатизирующих мне девушек было много, но я впервые задумался над выбором, понимая, что жизнь

военного, это не пуховая дорожка и надо выбирать подругу, которая бы разделяла со мной всё и хорошее и плохое, а таких в своём окружении я не видел, мне приглянулась старшая сестра Серёжи Огородникова, но она уже давно встречалась с парнем, который дослуживал срочную службу, и осенью по приходу они должны были пожениться. Другая подруга из Буденовки Надя Дмитриенко, которая мне очень нравилась уехала в Еремеевку и там вышла замуж за моего друга Ваню Короленко. Там же в Еремеевке жила Женя Шидловская, и я был не прочь связать себя с ней. Но, поехав туда с самыми серьёзными намерениями, дома её не застал, а её брат Федя мой друг сказал: что приехала родная их тётка и забрала её к себе в Билки, где собралась выдать её замуж. Пока я метался вокруг да около, осталось чуть больше недели отпуска. На следующий день в обед меня мать попросила принести пару ведер с колодца, который был довольно далеко от нашего дома. Возле колодца я встретил Валю, которая шла с работы домой. Набравши воды, я остановил её, мы поздоровались, и я сказал ей:

– Валя, составь мне компанию пойдём вместе! – она сказала:

– Пойдём! – у меня мелькнула мысль:

– А чем она, Борис, тебе не пара? Красивая, умная, работающая! – и не откладывая в долгий ящик, я ей сказал:

– Валь, а давай сходим в сельсовет! – не поняв моего предложения, она мне в тон сказала:

– Давай! Только зачем? – я ей тоже в тон ответил:

– А зачем в сельсовет ходят молодые парни с девушками? – она покраснела и спросила:

– А зачем? – я ей ответил:

– Распишемся! – она остановилась, покрутила пальцем у своего виска и сказала:

– Ты что скозився? Я тебя за два года только вижу четвертый раз, два раза с тобой сходила в кино и на танцы, а ты уже говоришь, давай распишемся, это же не простое дело! И с родителями надо посоветоваться! – но я настаивал и объяснял ей:

– Валентина, у меня времени нет и осталась одна неделя, за которую я должен все оформить так как следующий очередной отпуск будет только через год или полтора, а сейчас я не имею права прибыть в свою часть не женатым потому, что пообещал! – в ответ она рассмеялась и заявила:

– А я-то тут причем? – на мои уговоры она только смеялась. Но когда подошли к дверям, я должен был зайти в свою дверь, а она в свою, я ей сказал:

– Завтра, когда будешь идти с МТС на обед, я тебя встречу и мы пойдём в сельсовет расписываться! – в ответ она хихикнула и закрыла дверь. Зайдя в дом, я поставил ведра на лавку, мать посмотрела на мое покрасневшее лицо и спросила меня:

– А что случилось, сынок? – и я ей выпалил на полном серьёзе.

– Да вот Вальке предлагаю пойти расписаться, а она надо мной хохочет!

– А что она тебе говорит?

– Она говорит, что я сумасшедший! – на полном серьёзе мать сказала:

– Тоже мне Америку открыла! Я всю жизнь знаю, что ты сумасшедший! – в это время кто-то приехал из ребят, я пошёл встречать, потом мы с ним до позднего просидели, а утром я вспомнил о разговоре с Валею и своей обещании встретить её с работы, но не зная, как она к этому отнесётся, с нетерпением ждал обеда и помаленьку пошел к колодцу, к которому от МТС была протоптана тропка и Валя всегда по ней ходила. Ровно в час пятнадцать я увидел, что по тропинке идёт Валентина, она была серьёзная и чем-то встревожена. Мы встретились, поздоровались, я спросил:

– Ты что такая встревоженная?

– Да там молодой тракторист на нефтебазу затаскивал цистерну и завалил столб. Вся МТСовская мастерская, токарка, сварочная и кузня остались без электричества, вот только что устранили!

– А ты не забыла, что я вчера сказал?

– А что ты сказал вчера умного?

– А то, что мы сейчас пойдём с тобой расписываться! – она посмотрела на меня, как на прокаженного, но я уже завёлся. Взял из её рук сумочку и посмотрел в неё, паспорт был на месте. Взяв её под руку и несмотря на то, что она пыталась упираться, я повёл её в сельсовет. А когда она начала сильно упираться я её приподнимал и нес, говоря:

– Будешь упираться, понесу на руках! – по подходу к сельсовету, она успокоилась и даже стала улыбаться. Мы зашли в кабинет к председателю, поздоровались с ним, и я серьёзно сказал:

– Вот мы пришли расписаться! – и подал ему наши паспорта. Он взял паспорта, раскрыл и стал в них что-то записывать и поставил печати, после чего он выписал накладную и сказал:

– Платите пошлину четырнадцать рублей! – я полез в карман и вспомнил что деньги оставил в кармане другой рубашки. Холодный пот покрыл мой лоб. Но Валя нашлась, ничего не говоря, открыла сумочку и отдала председателю деньги. А я долго ещё не мог от стыда открыть глаза и смотреть на людей. Мы вышли из сельсовета и, идя домой Валя спросила меня:

– Ну и, как ты теперь сообщишь родителям?

– Не бери в голову, Валентина, сейчас придём домой и всё образумится! – перед входом в дом Валя хотела юркнуть в свою дверь, но я крепко держал её за локоть, открыл свою дверь и впустил её вперед, закрыв спиной дверь, чтобы она не убежала. В кухне за столом сидели отец с матерью и обедали. Зайдя на кухню, я поставил Валу рядом с собой, обнял её за талию и сказал:

– Папа и мама, нас было четверо, теперь стало пятеро, только что мы с Валею расписались! – мать пустила слезу, отец растерянно молчал, а затем сказал:

– А что же вы раньше не сказали? – я честно ответил:

– Раньше в моих планах этого не было! План родился только вчера, и мама о нем знает! – мать всплеснула руками и заявила:

– Так я же подумала, что ты, как всегда шутишь!

– Всё, мама, шутки кончились! Я теперь у тебя женатый сын! – отец рассмеялся, усадил нас за стол, сбегал в погреб, принес праздничного розового вина, и мы в сласть выпили и закусили. Тут же они начали разговор насчет свадьбы, а до моего уезда оставалось всего лишь шесть дней. Так- как дом был маленький свадьбу играли в два этапа. Первый день – это друзья моих родителей, Валины родители, ну ясное дело и мы. А на второй день опять мы, мои друзья и несколько Валеных подруг. Как такового медового месяца не получилось. Получилось два медовых дня и-то полтора дня ушли на мои проводы.

По установившейся традиции, каждый кто приезжал из отпуска привозил с собой для угощения своих друзей редкие или экзотические напитки. Я обратился к отцу и спросил его:

– Папа, а чего бы привезти друзьям, чтобы их удивить и порадовать? – отец заулыбался и сказал:

– А у меня это есть!

– А что это? – спросил я.

– Так у нас же прошлой зимой было морозно, и я выкатил на мороз две бочки вина, и у меня есть больше чем два ведра выморозков! – я знал, что это такое, (это в бочке замораживается вино, вся вода замерзает, а внутри примерно из сорока ведерной бочки остается незамороженным полтора-два ведра выморозков, по сути дела, это чистый спирт и не заморозившиеся хмельные дрожжи). На вкус этот напиток весьма вкусный, легко пахнет виноградом, из которого сделано вино, но пить его, как вино или спирт нельзя, как правило наливают в маленькую рюмочку и целый вечер отхлебывают по маленькому глоточку, и пока ты его пьёшь, пожалуйста не смотри со стула или табуретки вниз потому, что тебе покажется, что ты сидишь высоко, а там далеко внизу просматривается пол, тут уж не вставай потому, что

немедленно грохнешься на пол и тут же заснёшь. Лучшее решение этого вопроса продолжай сидеть за столом, помаленьку пить и хорошо закусывать

.Настроение от этого напитка всегда прекрасное, а, проснувшись утром чувствуешь себя прекрасно и без похмельного синдрома.

– А, как же я его доведу?

– Придумаем! – ответил отец. Достал с чердака маленький дубовый бочоночек на пять литров, и ещё зачем-то старый небольшой телевизор и сказал:

– Борис, вытащи из него все внутренности! – я был в недоумении зачем отцу понадобились запчасти, но спрашивать не стал и вынул. Отец тут же приспособил бочоночек в образовавшейся прочной коробке, где он хорошо и плотно разместился. Обложив его старым одеялом, закрутили бинтами заднюю стенку, обшили мешковиной и приделали ручку, так и повезли его как телевизор. На таможне меня спросили:

– Что это? – я ответил:

– Телевизор!

– Какой?

– Белорус! – они ощупали его, махнули рукой и сказали:

– Вези!

ЧАСТЬ 7

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА СЛУЖБУ

В Германии я заехал в свой военный городок на зимние квартиры, затем взял билет и поехал в лагерь на свой знаменитый Лоссовский полигон. Не успел я появиться в расположение полка, как меня вызвали к комбату, который сообщил мне, что капитан Артёменко убыл к новому месту службы в город Ордруф, а тебе надлежит до прибытия нового командира роты командовать ротой. Дело привычное, я даже в душе не возмутился и не обиделся. Личный состав роты меня понимал, уважал точно так, как и я их. А вечером собрались в нашем бараке в нашей комнатке все холостяки, чтобы обмыть покидающего их женатика. Я достал бочоночек, с Колей Хорохориным мы отлили из него двух литровой графин, поставили на стол, и каждому поставили по маленькой немецкой рюмочки двадцатиграммовки, а для воды поставили стаканы. Все завозмущались, что вино разливают не в стаканы, а в маленькие рюмочки. Пришлось объяснять, что это за вино и, как его надо пить. Однако, мои друзья моим советам не вняли, они одним глотком выпивали содержимое в рюмке, хвалили его вкус и тут же подсовывали, чтобы налить повторно. Первым открыл счет Яша Семенюк, он почему-то встал со стула и тут же грохнулся на пол и сразу же уснул. Трое кинувшихся его поднимать, но стоячим остался только один. Яша Семенюк и двое его помощников безмятежно спали на полу, а остальные, увидев это дело хохотали, однако резких движений и попыток встать на ноги совершать не спешили. Мы ещё не распили и пол графинчика, как добрая половина из нас безмятежно спали на полу, а остальные продолжали баловаться и наслаждаться этим напитком. Но утром все проснулись в добром здравии, я пошёл на службу командовать ротой, но не успев зайти в канцелярию, как дневальный прибежал ко мне и сказал:

– Тов лейтенант, к нам идёт начальник штаба полка! – у входа в роту, я встретил его и доложил:

– Рота занимается по распорядку дня и расписанию, а на завтра готовится ехать на вождение боевых машин на Вёрметский танкодром. – подполковник Красильников, как никогда был в хорошем расположении духа пошёл со мной в канцелярию и там задал мне вопрос:

– Лейтенант, что ты там за напиток такой привез, что с ног сшибает? – я ему популярно объяснил. Он сказал:

– Я слышал о таких напитках, но не видел и не пробовал. И хочу узнать, что это такое, и никогданибудь, а прямо сейчас! – мы пошли в наш барак, я вытащил бочоночек из-под кровати и отлил ему полный литровый графинчик, проинструктировав, как его надо пить. Не успел дойти ещё до роты, меня остановил зам потех полка Борисов с тем же вопросом. Конечно же я пригласил его, но мы ещё не дошли с ним до барака, как нас перехватили начальник тыла и подполковник Кияшко, которые так же присоединились к нам. Видя, что в бочоночке уже меньше половины, я им отлил в 330 граммовые пивные бутылки, ведь ещё же надо было угостить комбата и командиров роты. На следующий день, мы уехали на танкодром, где водили танки по препятствиям днем и ночью.

В августе месяце все войска дивизии были перевезены на Магдебургский полигон, где командующий группы войск проводил двухсторонние дивизионные учения. Там на полигоне, я увидел, что части других дивизий вооружены новыми танками и бронетранспортерами. В большинстве из этих частей были танки Т-54Б, а у некоторых танки Т-10 на вооружении мотострелков появились БРДМ-1 и БТР-50П, технике, которой была вооружена наша дивизия, все мы понимали подходил конец, и мы ждали перевооружения, хотя к своим старым и заслуженным машинам мы уже привыкли, и они у нас ходили несколько не хуже, чем новые. С дивизионных учений мы в лагерь уже не поехали, а вернулись на зимние квартиры в свой городок.

Наступала осень, мы стали готовиться к осенней проверке. Я написал рапорт командиру полка на вызов и пропуск для Валентины. Выписка, проверка и прочие мытарства по этому вопросу заняли целых два месяца. Мне выделили в семейном общежитии комнатку на втором этаже. Там жило двенадцать семей. Этот этаж был длинным на 12 жилых комнат с большой общей кухней, двумя туалетами, большой душевой, кладовыми и другими помещениями. Кроме маленького столика, двух табуреток и кровати в этой комнате ничего не было. А мне было не досуг заняться её оборудованием и комплектацией, но выход я нашёл. Я пошёл к жене Яши Семенюка и дал ей ключ от квартиры и попросил:

– Женя купи все, что необходимо на первый случай для семейной жизни, а то Валя приезжает через две недели, а у меня ничего нет и не предвидится потому, что готовимся к проверке, а я все время занят на полевых занятиях!

– Хорошо, все сделаем! – сказала она. – Всё сделаем по своему разумению! – хотя она была такой же опытной хозяйкой, как и мы потому, что они также только недавно поженились.

Наконец, получил телеграмму от Вали, когда приезжали в Эрфурт, я отпросился у комбата и он на всё про всё выделил мне двенадцать часов потому, что рота в полном составе убывала на Лоссовский полигон для стрельб и вождения. Отпустив меня рано утром, я оценил свои возможности и решил перехватить Валю поездом в Вюнсдорфе. И это мне удалось. Правда, я долго искал её по вагонам потому, что поезд в Бресте комплектовался по-новому и Валю я нашёл ни в четвертом вагоне, а в двенадцатом, но так-как поезд здесь стоял долго целых полчаса, то мы успели одеться, забрать вещи и выйти из вагона. Тут же я взял билеты на поезд в Галле и через два с половиной часа мы были уже дома. В нашей комнате нас ждала Женя, которая постаралась сделать и даже накрыла стол, но у меня всего оставался один час до убытия на Лоссовский полигон, поэтому я попросил жену Яши, чтобы она познакомила Валю со всем укладом, а её муж, чтобы в полку выписал для Вали пропуск для выхода в город. Чмокнув Валю в щёчку, я убыл на целых полторы недели. Вернувшись с полигона в мазуте, пыли и копоты зашёл в нашу комнату и не узнал её. Она была полностью оборудована всем необходимым для жизни и быта, и я сразу оценил Валины способности. Но она меня огорошила своим сообщением, заявив:

– Не знаю, Боря, как ты на это посмотришь, но я определилась на работу в Дом офицеров! – я не знал, как на это реагировать, но знал одно, что устроиться жене офицера в Германии на работу было весьма и весьма проблематично, а она за каких-то полторы недели нашла работу.

– Какую ты там работу нашла?

– Приемщицей одежды в раздевалке! – среагировав на это сообщение, я сказал:

– Слава Богу не уборщицей! – но Валя возмутилась:

– Ничего -то ты не знаешь! Работа уборщицы оплачивается в два раза больше чем приемщице, но туда устроиться невозможно потому, что эти места предназначены для местных немок! – так быстро и просто завершились мои мечты о семейной идиллии, в которой бы жена ждала мужа к обеду и ужину и даже утром, когда он возвращается с наряда или командировки. До Дома офицеров от нашей гостиницы было больше чем полтора километра, поэтому всегда мы вставали рано, быстро завтракали и разбегались я на службу, а она на работу до вечера. Сразу же после моего прибытия с полигона на следующий день, мы справили новоселье, на котором я познакомил своих друзей и их жён с Валею, и Валя удивлялась сколько много мужики лакают водки, ведь у нас на родине водку почти никогда не пили, а пили только вино. Но мы были здоровые, молодые и немецкая водка «Корн» нас с ног не валила и пили мы её до не сходу. Но побыть долго дома служба не позволила, для стрельб штатным снарядами и тактических учений с боевой стрельбой днем и ночью пришлось ехать на Магдебургский полигон. Буквально за день перед уездом командир батальона вызвал меня и представил мне очередного командира роты Комарова Вадима, прибывшего из Вьонсдорфа на эту должность временно, так-как он уже назначен начальником штаба танкового батальона семьдесят второго мотострелкового полка, но там ещё начальник штаба не уволился, срок ему выходит через три месяца, поэтому на этот период, он назначен командиром второй роты. Это назначениенисколько меня не обрадовало, не обрадовало оно и командиров взводов, да и весь личный состав потому, что рота была на пороге проверки и все силы и помыслы всего личного состава были направлены, как можно лучше себя показать на этом ответственном этапе, о котором все будут говорить и вспоминать после него целый год, а прибывший новый командир, вклинившийся в этот процесс мог сбить установившийся ритм подготовки. Но новый командир роты показался опытным, грамотным и умным командиром. В течение нескольких дней, он пригляделся ко всему и заявил мне:

– Борис, я понял, что ты в роте главный генератор идей и порядка, тебя все слушают, правильно понимают, и я бы не хотел своим вмешательством сбивать установившийся разумный ритм подготовки к проверке.

Я прошу тебя продолжай командовать ротой, как ты командовал до меня, я не отменю ни одного твоего распоряжения и указания, сделаем так, для начальства командиром роты буду я, а для личного состава ты! – свою установку по этому поводу, он ловко и умело довел отдельно для сержантов и солдат, а затем и офицеров. Весь личный состав встретил эту его идею весьма одобрительно и даже заужавал его. Не каждый командир способен на такое, и это было оценено всеми в том числе и мной. Потому что на завершающем этапе подготовки личного состава всякое изменение ритма могло навредить.

Прибыли после тактических учений и стрельб в свой городок Хайде. До проверки оставалось двое суток. Через два дня по тревоге в пять часов утра дивизию подняли с выходом в районы боевого предназначения. Там в районах проверили полную пикировку танков и личного состава, а также знание каждого члена экипажа по оборудованию местности в инженерном отношении, там же проверили выполнение нормативов по специальной подготовке и марш бросок в средствах хим. защиты на семь с половиной километров. Все эти процедуры рота сдала без песка и пыли на сплошные отличные оценки, и это был пролог к дальнейшей сдаче проверки. Здесь же в районе рота получила задачу железнодорожным транспортом убыть на Ордруфский полигон для выполнения зачётных стрельб из танков и проведения ночных тактических учений боевой стрельбой, а также проведения там ночного зачётного марша в колонии роты на сто пятьдесят километров. Командир роты сдержал свое слово и ни

разу не вмешался в мои распоряжения и команды, и всё у нас получилось. Все мои офицеры, сержанты и солдаты были обучены в силу моих способностей и умений, и всё у них получалось, и непросто получалось, а получалось на отлично. После завершения тактических учений стрельб и вождения в Ордруфе мы вернулись в свой городок и последним экзаменом у нас была политическая подготовка. У меня в роте было много солдат из среднеазиатских республик, которые очень плохо говорили по-русски, а отдельные, которые говорили хорошо в силу своего воспитания сложить правильно свою речь не могли, и таких у меня было аж шесть человек! Среди них чего стоил только один Зулхашев, который мог произносить по-русски всего несколько слов. Понимая, что они все могут повлиять, снизив общую оценку, я их всех собрал вместе и объяснял тактику поведения их на контрольном занятии.

– Первое. Какой бы вопрос не задал проверяющий, все шестеро тяните руки вверх, знаете или не знаете ответ на вопрос, отвечайте так! «Я из такого -то колхоза и называй свою местность. До революции мой дед был дехканином и вкалывал на Бая. Он был безграмотным, а при Советской власти мы стали колхозниками, отец стал трактористом, я закончил семь классов, и мы в колхозе строим коммунизм!»

– Всё, что я сказал выучите на память! – все это продиктовал им под запись ещё раз. На следующий день утром все вымытые побритые в парадной форме одежде со всеми значками и регалиями сидели в Лен комнате, готовые постоять за себя на последнем экзамене. Проверяющий из группы войск полковник Сёмушкин, красивый и контактный человек легкой походкой зашёл в Лен комнату, я ему доложил о готовности группы, он звонким, почти мальчишеским голосом поздоровался с личным составом, который ему ответил так громко, что чуть стекла не повывлетали, а далее, как положено, он непринужденно стал задавать вопросы. Увидев лес рук на каждый вопрос, он начал вызывать всех без разбору. Солдаты отвечали очень хорошо, но надо ж, очередь дошла до моего Заухашева, который постоянно выше всех тянул руку и даже привставал. Полковник, обратился к нему:

– Вот вы, товарищ рядовой, тянете руку выше всех, по-видимому отлично знаете материал! – вопрос был задан довольно сложный и я опасался, что Заухашев сейчас поплывет. Заухашев встал и громким голосом выпалил заученное, написанное ему мной предложения. Полковник задумался и сказал:

– Ну вы не совсем по теме. Все, что вы сказали верно, но не по теме! – кровь прилила к лицу Заухашева, он пальцем показал на полковника, глухим и бесстрашным голосом произнес:

– «Ти, что против Советской власти? – полковник побледнел, он по-видимому никогда в своей жизни ни ощущал такого отпора, но совладав собою, он бесстрастным голосом ответил Заухашеву:

– Вы не волнуйтесь, я же не сказал, что вы ответили неправильно, я вам ставлю отличную оценку, садитесь! – гордо и медленно Заухашев, оглядывая всех победоносным взглядом сел и на каждый вопрос опять тянул руку. Остальные пятеро отвечали примерно также, как и он и все получили оценку отлично. В результате проверочного занятия рота по политической подготовке получила отличную оценку. На следующий день вечером в Доме офицеров были подведены итоги проверки, на которых особо была отмечена вторая рота танкового полка, которой командовал командир роты Комаров Вадим. По выходу из Дома офицеров меня подозвал к себе командир батальона и рядом, стоявший с ним командир полка. Командир полка взял меня за плечо и сказал:

– Ты, Борис, не обижайся, все мы прекрасно знаем чья заслуга в оценке твоей роты, командир роты есть командир роты, а командир взвода есть всегда командир взвода. Продолжай в том же духе и из тебя будет вскоре хороший командир роты! – я особо не переживал, я был доволен результатами своего труда и знал, что теперь в мою кухню ни один доброжелатель

не влезет со своими советами, я могу теперь твердо сказать каждому, что я и сам с усами, чему есть подтверждение в приказе командующего группой войск.

За отличную сдачу ротой проверки роте вручили переходящий дивизионный вымпел, тогда ещё не было такого названия, как отличная рота или взвод, а просто говорили подразделение сдало проверку на отлично. Кроме вымпела, наиболее отличившимся сержантам и солдатам было предоставлено двенадцать отпусков с выездом на родину и множество других поощрений. Мне тоже вручили наручные часы с вензелем самого командующего группы войск.

Подшло время демобилизации старослужащих солдат. Прибыло молодое пополнение две трети, которого тотчас же отправили в учебный батальон дивизии обучаться на механиков водителей, командиров танков и наводчиков, а с учебного батальона получили уже готовых обученных командиров танков, механиков водителей и наводчиков, заряжающих готовили у себя в роте. В наш городок из Москвы приехал какой-то знаменитый ансамбль песни и пляски и целую неделю, выступая в Доме офицеров поочередно давал концерты для всего личного состава, находящихся здесь в полку. После просмотра концерта в выходной день, мы привели личный состав в расположение полка и дали время всем перекурить. Наша ротная курилка была самая большая и над ней был большой навес и там можно было курить в непогоду, сидя на удобных лавках. В этот раз все офицеры во главе с комбатом уселись там на перекур, тут же были сержанты и солдаты, которые внимательно прислушивались к разговору комбата с нами. Большинство из нас, посмотрев и прослушав этот концерт были восхищены, как песнями, так и плясками. Было видно, что выступают профессионалы. Комбат видно разбирался в искусстве и на высказывание каждого давал свои замечания, которые говорили о его эрудиции, его кругозоре и знаниях, а в заключении неожиданно для нас, он как бы, не обращаясь к нам, а к кому-то сказал:

– Все понимают, что артисты, чтобы они красиво пели особенно в хоре музыкантов, чтоб красиво играли в оркестре, танцоры, которые танцуют на сцене, всем им надо большое время и отличных руководителей, которые сами делают того, что хотят увидеть от обучаемых! – и как бы, задавая кому-то вопрос произнес:

– Песни и пляски, это красиво и хорошо, но почему же некоторые думают, что обучить людей военному делу легче, чем научить танцора танцевать, а ведь умению воевать, куда нужнее людям, чем те же пляски и те же песни. Не обученный военному делу человек во всех странах называется двумя словами пушечное мясо! – я долго думал над словами комбата и не мог понять, на кого были направлены его мысли и его слова. Только потом через несколько лет, я понял, о чем он говорил, когда, благодаря волюнтаризму Хрущёва из рядов Армии были уволены сотни тысяч офицеров, фронтовиков, имеющих богатый фронтовой опыт. А сейчас, все это только начиналось. Армия сокращалась на семьсот сорок тысяч и, как мы поняли это сокращение проводилось за счет опытного офицерского состава. Только потом по истечении нескольких лет, когда было проведено еще одно сокращение Армии на миллион двести тысяч человек, мы офицеры поняли, как нарушилась в Армии связь времен. Ведь раньше основной костяк командного состава во всех его звеньях составляли опытные профессионалы фронтовики, имеющие за спиной огромный опыт боевых действий и умение руководить подчиненными в любых условиях, а их не стало. Молодежь, которая прибыла ещё при фронтовиках получила от них довольно весомый и ценный опыт, но того влияния, какое было раньше, уже никто не испытывает, а введенное извращённое соцсоревнование начало извращать саму основу боевой подготовки войск. Однако Армия всё же оставалась живучим механизмом с присущей ей верностью традициям и устоям.

ЧАСТЬ 8 ТАГИЛЬСКИЙ ТАНКОВЫЙ ЗАВОД

В дивизии заговорили о перевооружении. С мотострелковых полков на заводе промышленности были отправлены группы приемщиков для получения колёсных и гусеничных бронетранспортеров. Артиллерийские и зенитные полки также ожидали со дня на день прибытия новой техники. В нашем полку все ожидали, когда же мы поедем за техникой. Команду дали неожиданно, и каждую неделю группа приемщиков отправлялась в Тагил за новыми танками. Где-то через месяц, как уехали наши приемщики, меня вызвал командир полка и сказал:

– Нам ещё получать пять эшелонов танков потому, что в каждом эшелоне грузят по шестнадцать единиц. Начальником каждого эшелона должен быть старший офицер, командир подразделения, а у нас уже все командиры уехали на очередной эшелон, я вынужден назначить инженера полка майора Сторчак, ты его прекрасно знаешь, он не командир. Поэтому с ним поедешь ты. И все вопросы службы в эшелонах и по приемке танков, я возлагаю на тебя. С собой бери двух командиров взводов, одного командира танка и семнадцать механиков водителей. Выезд после завтра. До Бреста в эшелоне, а с Бреста до Тагила самолетом! – я скомплектовал команду, выписал документы, путевые деньги и аттестат. Пообщался с майором Сторчак и своевременно убыли в Брест. В Бресте через коменданта нам организовали по-быстрому билеты на самолет до Тагила, и мы на второй день утром приземлились на небольшом аэродроме города Тагил. Оттуда на автобусе добрались до городской комендатуры, встали у него на учет и спросили у коменданта:

– Подскажите, как добраться до танкового завода? – он нам сказал:

– Едьте по этой улице, через три километра увидите танк, покрашенный золотином и большие ворота, сверху которых будет написано «Урал вагон завод». Справа от ворот будет проходная, зайдете туда и предъявите свои предписания, дальше вам скажут, что делать! – мы сели в очередной рейсовый автобус и стали у кондукторши спрашивать и просить её, чтобы она нас высадила у танкового завода. Но кондукторша, глядя на нас умильными глазами, улыбаясь сказала:

– У нас танкового завода на этой улице нет! – мы стали спрашивать людей, едущих в автобусе, но они нам отвечали также, как кондуктор:

– Нет здесь танкового завода! – остановка перед танком, который стоял у ворот Урал вагон завода была в ста метрах от него, и мы танк не видели, а увидели его только когда проезжали мимо и проехали до очередной остановки примерно с километр. Вернулись к танку, зашли на проходную, подали свои предписания, но почему – то тётки, повертев эти предписания, в которых было написано Тагильский танковый завод, похихикали и вернули их нам, заявив:

– Ребята, здесь танкового завода никакого нет! – вспомнив коменданта грубым и не ласковым словом, мы сели в обратный автобус и поехали в комендатуру, зашли к коменданту и спросили его:

– Ты что издеваешься над нами?

– А в чём дело? – спросил комендант.

– Так на проходной сказали, что там танкового завода нет, и посоветовали обратиться к вам!

– А где ваши предписания?

– Так вот они! – я подал ему наши предписания, он внимательно посмотрел их, стукнул ладонью себя по лбу и сказал:

– Вышла промашка, у вас в части написали танковый завод, а когда вы здесь регистрировались, наш офицер должен был вам выдать другие предписания, которые значатся не танковый завод, а войсковая часть! – нам быстро переоформили предписание, предупредили нас, что они действуют только на территории завода. Получив предписание мы поехали туда. Зашли на проходную, предъявили предписание. Улыбающиеся контролерши заявили нам:

– Вот теперь все в порядке! – мы зашли на территорию завода. Для нашего сопровождения дежурная по проходной вызвала начальника сдаточного цеха. На автокаре подъехал высокий статный мужчина. Увидев нас, он подошёл, представился:

– Я, начальник сдаточного цеха, фамилия моя Куприянов, звать Иван Григорьевич! Сейчас я вас отведу в гостиницу потом в столовую, а потом пойдем в цех. – гостиница была в большом краснокирпичном здании на втором и третьем этаже. На втором этаже были комнаты для офицеров по два человека в комнате. На третьем этаже были комнаты для солдат и сержантов по шесть человек в комнате. В офицерских комнатах стоял стол, два стула две кровати, две тумбочки, все чисто и аккуратно заправлено, на полу и на стене были самотканые коврики. В солдатских комнатах было все также только отличалось тем, что там стояло по два стола. Определившись в гостинице, мы пошли в хозчасть завода, сдали свои продовольственные аттестаты, встав на довольствие в заводской столовой. Приближался ужин, и Куприянов повел нас в заводскую столовую. Это было огромное двухэтажное кирпичное здание. Залы на первом и втором этажа были длиной более ста метров и шириной метров пятьдесят. В залах была сверкающая кафелем чистота, все столы были застелены белоснежными скатертями, на столах стояли специи, а люди у турникетов выбирали себе понравившиеся блюда, ставили их на поднос и несли к столу. Стоимость ужина была смешная, несмотря на то, что мы все отменно наелись, этот ужин стоил тот раз 25—27 копеек, что было в два раза дешевле чем в любой рабочей столовой, это при том, что всё было сготовлено чисто, красиво и вкусно. Нам не приходилось платить, так-как мы туда сдали свои продовольственные аттестаты. После ужина из-за смены временного полиса, нас всех потянуло на сон, и мы благополучно убыли в гостиницу, и, не испытывая прегрешений улеглись спать. Ночью, примерно пол четвертого, где-то в низу под гостиницей раздался неимоверный грохот, три взрыва последовали друг за другом так, что гостиницу сотрясало. Не поняв в чем дело, мы вскочили обеспокоенные не случилось ли, где-либо какой-то аварии. Вышли в коридор, дежурная спокойно сидела за своим столом и что-то читала. Раздалось ещё три сотрясающих взрыва, дежурная спокойно посмотрела на нас, а мы удивленно смотрели на неё, она заулыбалась и сказала:

– Здесь под низом цех окончательной проверки стволов танковых орудий и перед постановкой на танк их проверяют гидр выстрелами так, что не беспокойтесь, у нас это происходит каждый день и каждую ночь. В последствии мы привыкли и не обращали внимание на эти регулярные ночные подземные стрельбы. Утром, позавтракав нас у столовой встретил Куприянов и повел в свой сдаточный цех. Это здание возвышалось над другими корпусами завода, которые были заглубленные в землю. Больше половины территории завода была устлана броневыми плитами в большинстве своем 45 мм. Я спросил Куприянова:

– А зачем такая роскошь? – он заулыбался и сказал:

– Это, когда наш завод осенью сорок первого года прибыл сюда, здесь были лужи и болото, которое подпитывалось непрекращающимися дождями. Прибывший сюда К.Е Ворошилов приказал уложить на землю броневые листы, приварить к ним станки, из штатных танковых брезентов сделать навесы и прямо здесь под открытым небом делать танки. Цеха давно переселились в здание, а плиты остались, и по ним хорошо отгонять на погрузку танки и пригонять танки, прибывшие с испытательного полигона. Пройдя по этому маршруту после испытаний, танки на нём теряют более шестидесяти процентов налипшей на них грязи, которую затем грузят на самосвалы и увозят опять на полигон! – мы зашли в цех. Цех по размеру соответствовал зданию, метров восемьдесят в длину и метров сорок в ширину. В этом громадном цеху в правом заднем углу одиноко стоял один танк, у задней стенки находилась эстакада танковой мойки, которая по-видимому отгораживалась толстой стеклянной гофрированной стенкой, которая опускалась сверху в низ, а над мойкой виднелся огромный вентилятор. С левой стороны цеха была отгорожена покрасочная, которая входной дверью стояла к мойке, а второй выходной дверью в цех. Я спросил Куприянова:

– А где же наши танки?

– Не спеши, Борис! – сказал Куприянов.

– Твои танки уже готовы, но они сейчас проходят испытания на заводском танкодроме, как пройдут их, так появятся здесь, мы их помоем, покрасим и ты начнешь приёмку!

– А как найти вашего главного военпреда?

– А зачем он тебе? – спросил Куприянов.

– У меня письмо моего командира полка ему, они воевали вместе!

– Хорошо я тебя сведу к нему, а личный состав отправь в гостиницу, делать пока здесь нечего! – я отправил людей, с ними ушел майор Сторчак и командиры взводов. Меня же Куприянов повел в заводоуправление. На втором этаже заводоуправления был кабинет главного военпреда, на его двери была стеклянная табличка и золотыми буквами написано «Полковник Антипенко». Куприянов постучал в дверь, мы зашли, я представился, вынул конверт и передал его полковнику со словами:

– Это Вам от Николая Ивановича Лапыгина весточка, а это Вам презент! – и передал ему сверточек. По-моему, в сверточке был какой-то французский коньяк, который у меня чуть не отобрали в таможне, но я исхитрился и заверил начальника таможни, что везу лекарство для своей матери, и он сжалился надо мной. Полковник усадил нас, прочитал письмо и сказал:

– Николай Иванович просит меня определить тебя на курсы по эксплуатации и ремонту стабилизаторов вооружения. У меня тут такие курсы есть, на них мы готовим рабочих для себя, которые устанавливают и регулируют стабилизаторы, но у тебя всего полторы недели, так что постарайся за это время ухватить все то, что дают преподаватели за целый месяц. Это тебе сгодится надолго! – я поблагодарил его и сказал

– Я готов хоть сейчас! – он ещё долго, расспрашивая меня о Николае Ивановиче, рассказывал о нем, убеждая меня какой это замечательный человек. Но меня убеждать в этом было не надо. Об этом я знал сам прекрасно. Занятия мне на курсах он назначил с понедельника и рассказал, где они проводятся и попросил Куприянова сводить меня туда. На следующий день к десяти часам, мы пришли к сдаточному цеху, перед цехом стояла целая колонна танков, окрашенных только рыжим суриком и по самые верхние люки заляпанных грязью. Зашли в цех, там стояло уже штук пятнадцать отмытых до блеска красных от сурика танков, мойка работала непрерывно, на неё своим ходом заходил танк, все люки закрывались. Стеклянная стенка опускалась, включалось табло «Осторожно кипятик» и минуты три-четыре на мойке, что-то визжало и грохотало, затем внезапно все это смолкало, выключалось табло, стеклянная стенка подымалась, только наверху гудел огромный вентилятор, высасывая пар, который шёл от всего корпуса танка и танк на глазах высыхал, затем танк опускался, в него садился механик, и своим ходом танк сходил с мойки и разворачивался на 90 градусов влево. Рабочие разбивали на нем гусеницы, подцепляли к его крюкам троса лебёдки и по рельсам лебёдкой затаскивали его в покрасочную, открыв на нём все люки и трансмиссию. После чего все удалялись из покрасочной, с металлическим скрежетом закрывались металлические двери и загоралось большое красное табло «Осторожно высокое напряжение». Что-то там в покрасочной, как большой трансформатор гудело, а где-то за стеной слышен был гул мощных компрессоров. Танк находился в покрасочной самое большое минут 10, после чего выключалось табло, вверх подымались двери и загорались на входе и выходе две надписи: «Не входить проветривание» и включались вентиляторы, которые минуты три прогоняли воздух через покрасочную. Затем танк опять лебёдками за задние крюки накатывали на гусеницы, соединяли их и через покрасочную вытягивали его лебёдками в цех. В цеху троса снимали, механики заводили танк и ставили его на место в цеху куда показывал поставить Куприянов. Всё это происходило на наших глазах. Как танк за несколько минут вымывался на мойке нам было понятно, механизация и кипящая вода с каким -то раствором делали свое дело безукоризненно, а вот, как красится танк в покрасочной, в которой нет людей, и только на потолке, стенах её расположены боль-

шие краскопульты с раструбами и без. Заинтересовавшись этим у мастера с покрасочной, мы стали спрашивать, как это так получается, что краски разного цвета ложатся на свои места, не перекрывая друг друга, не закрашивают провода, резину и другие изделия. Мастер, улыбаясь довольный, что все интересуются его детищем, говорил нам:

– Ребята, это секрет фирмы! Там, когда закрываются двери покрасочной вступают в работу пульверизаторы в электрических полях. Это придумали наши инженеры и такое есть только на нашем заводе! – а танк с покрасочной выходил, как новая копейка, блистая свежей краской, а четыре женщины с баночками краски на груди и маленькими кисточками осматривали танк снизу доверху, снаружи и внутри, и кое где тыкали кисточкой, только у двоих была зелёная краска, а ещё у двоих голубая, черная, белая и жёлтая. На все про все у них уходило минут пятнадцать, к этому времени из покрасочной уже появлялся следующий танк, и они принимались его подправлять. Дав нам насмотреться на работу мойки покрасочной Куприянов сказал:

– Находите свои танки! – и протянул мне отпечатанный лист, где были набиты заводские номера танков, выбитые на лобовом броневом листе чуть ниже грязевой доски и на маленькой площадке непокрытой краской, а покрытые солидолом. Я, дав каждому механику водителю номер танка сказал им:

– Идите ищите, и как найдёте, становитесь на башню и подымайте руку! – минут через тридцать механики стояли на башне с поднятыми руками, а их танки оказались разбросанными по всему цеху. Я спросил Куприянова:

– Иван Егорович, а, как же мне их в колонну выставить?

– А это не твоя забота, Боря! Сейчас всё сделаем! Алексей! – заорал он.

– Иду! – послышался голос. Появился парень рост около двух метров и сажень в плечах, на шее у него висело два коротких танковых троса, каждый по семьдесят килограмм. Куприянов сказал ему:

– Вон видишь люди на башнях стоят? Эти танки выстроить в колонну на выход! – и тут же опять закричал, глядя на верх:

– Машенька! – из кабинки кран-балки, который по рельсам ходил над всем цехом, тоненьким детским голосом ответила Машенька:

– Дядь Вань, слушаю вас! – и подкатила балку с кабинкой прямо над нами и Иван Егорович сказал ей то же, что говорил Алёшке. Машенька была небольшого росточка, а на десяти-метровой высоте в этой кабинке, она вообще казалась маленькой куколкой и её детский голосок усиленным громкоговорящей связи, казался детским и наивным, однако свое дело вместе с Алёшкой, они делали виртуозно. В цеху было только четыре пустых места для танков, эти места Куприянов называл технологическими. Не успели мы оглянуться, как над нами проскрежетала балка, а Алёшка стоял на первом танке у выхода, быстро надев троса на танковые крюки и уцепил их на крюк кран-балки. Машенька подняла эту тридцати шести тонную махину, как кутёнка и понесла его, опустив на технологическое место. Тут же они уцепили самый далеко стоящий танк, подняли его, перенесли теперь на пустое место у входа и таким образом через тридцать минут все мои танки стояли друг за другом двумя колоннами на выход. Куприянов спросил меня:

– Ну что доволен?

– Конечно доволен! Приятно смотреть, как профессионально работают у вас люди!

– Ничего, побудешь эти полторы недельки увидишь, как у нас работают! А сейчас давай сделаем так, все равно твоим людям делать пока нечего поэтому отдай мне их в распоряжение, а сам иди на занятия, уже пора тебе! – за старшего я оставил Витю Юркова, а сам пошёл на занятия. Перед входом в помещение в котором проводились занятия толпилось семь человек, все курили. Я подошёл поздоровался, они доброжелательно откликнулись и спросили:

– Вы, что на заводе будете работать? – я ответил:

– Нет! Я танки принимаю и решил подучиться! – оказывается, они занимались целую неделю, но себя я среди них не чувствовал обделенным потому, что в училище я с большим интересом изучил новый танковый стабилизатор и хорошо его знал. Прогудел звонок, мы зашли в класс, пришёл проводить занятия полковник танкист, на вид строгий и чопорный, но как преподаватель, он был никакой, он много знал, на доске в подкрепление своих слов, он писал формулы, за которыми терялся весь смысл его обучения. На перерыве ребята крутили головами и заявляли:

– Ничего не поняли! – после двух часов пришёл старший лейтенант, он зашёл в класс с улыбкой до ушей, поздоровался с нами задорным голосом, ещё не закрылась дверь, а он уже рассказывал горячий анекдот, непосредственно относящийся ко всем нам и как раз о формулах, которые нам преподнес предыдущий преподаватель. Материал, который излагал он был очень сложный, речь шла об устройстве гидроблоков и их работе. Его знания и виртуозная манера преподавать акцентировала внимание обучаемых так, что самые сложные вещи и процессы, которые для наглядности он вычерчивал на доске, прорисовывая к началу или концу лектора маленького дурашливого чертика и не рассмеяться было невозможно, зато понятно становилось даже самым заторможенным. Эксплуатационные регулировки нам давала Елена Фадеевна заводской инженер из башенного цеха. Она знала свой материал, как отче наш и вбивала его в наши головы, как хороший плотник гвозди в древесину всю необходимую цифирь, которая, как правило забывается, но после её вколачивания эта цифирь осталась в моей голове до настоящего времени. Занятия на этих курсах мне на многое открыло глаза и позволило потом на службе пользоваться этими знаниями на много лучше, чем другие мои товарищи. На заводе я встретил сослуживца по училищу, когда я служил ещё в батальоне обеспечения учебного процесса. Это был механик водитель из нашей роты Галямов Володя, он занимался штангой и в училище выполнил первый спортивный разряд. Мы очень тепло встретились, обрадовались друг другу, и он рассказал мне, что здесь ещё есть два человека с нашего бывшего батальона, это Мусатов Рахим и Козленко Виктор. На следующий день после окончания работы, мы встретились у проходной, долго сидели в курилке, вспоминая нашу жизнь и службу в училище. Узнав, когда мне уезжать они, не сговариваясь тут же предложили в воскресенье встретиться у Галимова, так-как у него одного есть квартира, остальные живут пока в общежитии. В воскресенье навстречу собралось шесть человек, ещё трое были с тридцать первой танковой дивизии, которая дислоцировалась в Хмельницком и все трое помнили меня из-за моих побед. Мы очень хорошо провели время без конца вспоминали своих командиров, начальников, сослуживцев, забавные смешные случаи и чувствовалось, что отслужившие ребята с ностальгией вспоминают свою службу, а ведь служили они целых три года, и никогда служба не была легкой. И полюбившаяся им танковая профессия продолжилась здесь в Тагиле на танковом заводе, куда они приехали все из Уфы. Они рассказывали мне, что их работа здесь на заводе почти ничем не отличается от того чем они занимались на службе в Армии. Здесь только легче тем, что работа твоя нормирована, хочешь заработать, работай лучше и больше, а все остальное также. Опаздывать на работу нельзя, бездельничать накладно, а когда на хорошем счету, то впереди светит квартира, но, а с квартирой и семейная жизнь. Если там в училище, общаясь друг с другом наши разговоры были наивными, то сейчас они стали серьёзными, как и положено у повзрослевших занятым делом людей, умеющих делать своё дело и формировать свою жизнь. Несмотря на то, что мы просидели почти до утра, все ребята провели меня до проходной и, узнав, когда я грузюсь в эшелон, обещались проводить меня. Через неделю Куприянов встретил меня идущего на занятия сказал:

– Борис, после обеда приходи в цех, будем комплектовать машину запасным имуществом и принадлежностями, а кроме этого комплектовать батальонный эксплуатационный комплект (так называемый НЭК). – прибыв с обеда, застал свой личный состав на танках, и Куприянов

повел нас в помещение, где рядами скомплектованные помашинно в ящиках лежали танковые ЗИПы.

– Борис, всё это надо забрать, вынуть из ящиков, загрузить на положенные места в танках, а ящики принести и сложить на те же места. В каждом комплекте ЗИПа по 1640 наименований. В каждом ящике имеется ведомость вложения и инструкция, куда, что и как положить, но перед тем, как это сделать, я предлагаю вам сначала посмотреть, как работают наши укладчицы, после чего один ЗИП разложить и по ведомостям проверить все ли есть в наличии! – повел нас в упаковочную, где восемь женщин сидели на стульях перед ними на низких стеллажах стояли зиповские ящики, а за ящиками, как соты в ульях виднелось множество больших и маленьких выдвигающихся ящиков, наполненных деталями, детальками, и инструментом и принадлежностями. Эти женщины, как фокусники выхватывали правой рукой из этих ящичков предметы, а левой рукой хватали со стола пергаментную бумагу, виртуозно, как конфетку большую или малую обворачивали в эту бумагу и тут же завязывали её крест-накрест шёлковой нитью и, не глядя привычным движением руки ложили в ящик на предназначенное для неё место. При всём при этом, женщины разговаривали друг с другом на совершенно отвлеченные темы, а мы, как зрители в цирке смотрели на всё это и не понимали, как можно не ошибиться в этой массе наименований так быстро всё брать, на лету заворачивать, завязывать и, не глядя класть на предназначенное место в соответствующий ящик, ящиков было аж четыре штуки! Куприянов спросил:

– Ну, что насмотрелись, а вы засеки за сколько женщина комплекзует один комплект? – я сказал:

– Засёк! – потому, что никогда не расставался со своим секундомером, который в качестве презента вместе со спортивными принадлежностями мне вручили на спортивных областных соревнованиях.

– Ну и сколько у тебя получилось?

– Ровно час! – Куприянов повел нас к нашим ящикам, показал на первый и сказал:

– Ну вот разбирайте и проверяйте, а ты, Борис, засеки время сколько у вас уйдет на один комплект! – мы сразу вскрыли все четыре ящика, достали ведомости, расстелили брезент и на него стали выкладывать содержимое, отмечая в ведомости, каждую детальку разворачивали, сверяли с картинкой, опять заворачивали и завязывали, но так аккуратно завернуть и завязать, как женщины мы не сумели, а потратили на все это почти два часа, а на то, чтобы сложить одновременно в четыре ящика, у нас ушло почти час. Куприянов посмеялся с нас и сказал:

– Если бы, ребята, вы работали на заводе, то заработка вашего хватило бы вам на еду один раз в неделю! Ну, что опытов больше проводить не будем! Загружайте содержимое ящиков в танки, все строго по ведомости! – на все про все у нас ушло два часа. Пустые ящики от ЗИП, мы снесли на указанные нам места, а восемнадцать ящиков ЭКА сложили по шесть штук на крышах трансмиссии трех головных танков, привязав их проволокой за болты бонок ОПВТ. Незагруженными и неустановленными остались танковые часы, ножи и фонарики. Их Куприянов пообещал выдать перед погрузкой на железнодорожные платформы. Погрузка назначалась на завтра в час дня на заводской погрузочной площадке. В одиннадцать часов мы прибыли в сдаточный цех и стали ждать Куприянова, который задерживался на совещании. Минут через пятнадцать он пришёл и дело завертелось. Открыли выходные ворота, я посадил механиков на свои места и хотел начать движение, но Куприянов меня остановил и сказал:

– Высаживай свою братву и сажай их в люки командиров и заряжающих. По нашим традициям и инструкции, танки на погрузку ведут наши заводские механики, так что нечего у нас отбирать наш хлеб! – тут же из дежурной комнаты вышли шестнадцать водителей испытателей в комбинезонах, танкошлемах и кожаных перчатках. Они дружелюбно поздоровались с нами,

уселись на свои места, я занял свое место на первом танке в командирском люке, подключился на внутреннюю связь с механиком водителем и услышал его голос:

– Ну что, командир, с Богом вперед!

– Вперед! – сказал я. Танк сорвался с места на второй передаче. Через метров пятьдесят, он был уже на пятой, грохоча по броневым плитам и, заноса юзом трансмиссию на поворотах мчался на максимальной скорости, а сзади на удалении от меня от 10 метров друг от друга мчались за мной все остальные шестнадцать танков. После поворота влево на 90 градусов открылась впереди торцовая аппарель погрузочной площадки. Я ожидал, что механик сейчас сбросит скорость и перейдет на вторую передачу, и спокойно пойдет по платформам, но механик скорость не сбросил, и как шёл на пятой передаче, так и гнал машину по платформам. Впереди платформ показалась теплушка, я подумал, как же он остановит сейчас машину, ведь можно сцепку порвать, но не доезжая до теплушки за три платформы механик водитель так виртуозно и незаметно снизил скорость и остановил танк, как раз на середине последней платформы, вылез из люка и не посмотрел на танк, спрыгнул с платформы и закурил. Я же обошёл танк с обеих сторон платформы и увидел, что гусеница выходит за габариты платформы ровно на тридцать пять мм с каждой стороны, а центр танка стоит, как раз по середине платформы. Точно также все остальные танки, двигавшиеся за мной, картинно остановились на своих платформах друг за другом и все шестнадцать механиков курили на платформе, разговаривая о чем-то отвлечённом и не смотрели на танки и платформы, а бригада крепёжников уже крепила танки заводскими приспособлениями, ставили на танки деревянный каркас, который обтягивали брезентом, скрывая контуры и обводы танка. На платформе образовывался прямоугольный груз, обтянутый брезентом, а справа и слева по бортам на верёвках и растяжках были закреплены два фанерных больших жёлтых щита, на которых трафаретными черными буквами было написано «Сельхозмашина». Куприянов принес два полных вещмешка, в которых находились танковые часы, ножи и фонарики. В это же время появился на погрузочной площадке майор Сторчак, которого я не видел целые полторы недели, но звонил по телефону он мне каждый день. По его словам, он гостил у родственников. Прибыл он свежевыбритый, наодеколоненный, наглаженный, с начищенными до блеска сапогами. Эшелон отправлялся через четыре часа, и нам необходимо было съездить в военкомат забрать там своё оружие: пистолеты, автоматы и боеприпасы, а также отметить предписание. У Куприянова для этого уже стоял заводской автобус, и на нём мы поехали в военкомат. Там быстро всё оформили, забрали оружие, прибыли на погрузочную. К этому времени подошли мои знакомые ребята, и ожидая нас выгрузили из теплушки пиленые березовые дрова, их покололи, связали в маленькие вязанки и уже грузили в теплушку. Заводские связисты, взяв у нас телефонный кабель протянули его вдоль эшелона и на установленных мною платформах подключили наши телефонные аппараты для связи часовых с начальником караула. Всё было готово к отъезду, майор Сторчак проявлял бурную деятельность, но когда я ему сказал, чтобы он расписался о приемке подвижного состава у заводского коменданта, он замахал руками и сказал:

– Нет, нет, Борис, иди расписывайся сам! – я ему ответил:

– Если бы это было возможно, я бы это давно сделал! Но там нужна именно ваша подпись! – чертыхаясь, он пошёл туда, а мы с Куприяновым сидели на лавочке и курили. Внезапно Куприянов задал мне вопрос:

– Борис, а что ты знаешь о станции Узловой Тульской области?

– Как что? – удивился я.

– Я там жил!

– А где ты там жил?

– Последнее время, я жил на Садовой, а до этих жил, но забыл, как называется улица, а вот хозяев помню, это были дед, бабушка, женщина тетя Тоня по фамилии Куприяновы! – и я осёкся, ведь передо мной тоже сидел Куприянов. Я помнил, что к ним из Сибири приезжал муж

тети Тони с ампутированной рукой, так Иван Егорович тоже был без одной руки, вместо кисти левой руки у него был негнувшийся протез, одетый в кожаную красивую перчатку, которым он ловко крутил самокрутки.

– А я помню! – сказал он.

– Как вы жили у нас на квартире, когда я приезжал в отпуск домой по болезни, только ты был маленьким, а твой братишка ещё меньше и ходили вы в военной форме, но вскорости от нас вы съехали потому, что вашей маме было далеко ходить на работу! – с тех пор прошло четырнадцать лет, но мне помнится, что Иван Егорович на лицо почти не изменился, и с самого первого дня, как я прибыл на завод, мне казалось, что я где-то его, когда-то видел, но никак не мог вспомнить, где и когда? Вспомнил сам Иван Егорович. За оставшийся час до моего убытия, он рассказал, что их сын лётчик вернулся с войны живым, они оставили ему квартиру в Узловой, он женился и имеет сына и дочку, и работает начальником аэропорта в Узловой. Я в свою очередь тоже рассказал о себе, о семье, что закончил училище и служу в Германии. Прибежал заводской военный комендант, и сказал:

– Маневровый тепловоз подан. Всем занять свои места! Через пять минут ваш эшелон отведут на товарную станцию, где уцепят к нему два тепловоза спереди и сзади, по маршруту вы пойдете зелёной улицей! – (что означало безостановочно). Мы попрощались с Иваном Егоровичем, пожелав другу друг всего наилучшего. Погудев несколько раз тепловоз затолкал нас на товарную станцию. Там ждал нас железнодорожный комендант Тагила. Он объяснил:

– У вас остановок до Москвы, Минска и Бреста не будет, кроме десятиминутных на смену тепловозов, как правило через тысячу километров, а реально это будет утром и вечером! Поэтому смену караула на платформах планируйте по графику, который будет вручаться вам комендантом при смене тепловозов! – он пожелал нам счастливого пути, в свою очередь мы пожелали ему того же, и наш эшелон двинулся по своему маршруту, набирая скорость, пролетая все большие и малые станции. Первая остановка на сорок минут была проведена в Подмоскowie, где нам вместо тепловозов подогнали электровазы, которые везли нас до самого Минска. В Минске нам уцепили опять тепловозы, которые быстро довели нас до Бреста, в который мы прибыли на пятые сутки ночью. Нас затолкали на перегрузочную площадку, и пограничники начали перегружать нас на платформы с узкой европейской колеёй. Танки, закрытые брезентом при их раскупорке, показали, что ни в одном месте брезент не прорвался и не протёрся, так мастерски укрыла их заводская бригада. А бригада, работавшая от пограничников такой квалификации, как заводская не имела, и я боялся, что за оставшуюся тысячу километров, брезенты и протрутятся, и прорвутся. Нам уцепили два паровоза и зелёной улицей с Бреста до Галле провезли без остановочно за одни сутки. На рассвете мы прибыли на станцию Амендорф, где нас уже ожидали комбат с новым командиром роты, командир полка с зампотехом полка и военный комендант города. Мы быстро разгрузились, закрыли и сдали немцам подвижной состав, и я доложил командиру полка:

– Товарищ командир полка, прибывший эшелон готов к движению своим ходом! – командир полка поблагодарил меня за отлично выполненную задачу и сказал:

– За рычаги первой машины садись сам! Колонну поведёшь за моей машиной, в городок будем заходить с Центрального КПП, там командир дивизии будет встречать вас, там же будут ваши жёны и все семьи офицерского состава, оркестры всех полков будут стоять на маршруте следования до нашего расположения!

Был конец мая, яркое солнце освещало всё вокруг, только отмытая зелень прошедшим ночью дождём казалось изумрудной, зацветавшие каштаны и клумбы цветов вдоль дорог делали наш маршрут торжественным и сказочно красивым. Не доезжая до КПП метров триста, несмотря на рёв шестнадцати танковых двигателей, мы слышали торжественные звуки встречного марша, который играл дивизионный оркестр, выстроенный перед КПП. Вокруг оркестра и вдоль дороги сбежались немцы, с удивлением и страхом, наблюдавшие за движе-

нием новых незнакомых приземистых танков. Многие шли рядом, держась руками за танковые полки и заглядывали под башню, надеясь увидеть там толщину брони. Когда головная машина вошла в ворота, машина командира полка остановилась, он вышел из машины и доложил командиру дивизии о прибытии очередного эшелона. Комдив что-то ему сказал. Командир подошёл к своей машине и что-то сказал зам потеху и моему комбату. Комбат подошел к моему танку и пальцами показал:

– Вылезь! – я вылез. А зам потех высадил из командирского люка майора Сторчака, мы с ним подошли к командиру полка. Он подвел нас к комдиву и сказал:

– Представьтесь! – майор представился, как начальник эшелона, а я представился, как начальник караула. Командир дивизии пожал нам руки, поздравил с прибытием к месту службы и сказал:

– Ну что ж, теперь последний свой километр пойдете под оркестр! – и действительно, на этом километре стояло восемь полковых оркестров, весь личный состав полков гарнизона и все семьи офицерского состава, и все вольно наемные, начиная от КПП до расположения нашего полка, мы шли под нескончаемую музыку «Прощание Славянки». В расположении на плацу в два ряда, командир полка отсчитал десять танков первых и сказал мне:

– Это, Борис, в вашу роту, из парков выгоняйте тридцать четверки, а на их место ставьте эти машины, на башни номера нанесёте в соответствии с номерами на тридцать четвёрках. Боеприпасы загрузить сегодня к исходу дня! – так что отдыхать было некогда. Командир роты Комаров оформлял документы на убытие к новому мусту службы в Ваймер. Я опять оставался исполняющим обязанности командира роты. И всё пошло обратно по своему кругу. Надо было в кратчайшее время обучить солдат и сержантов в полной мере овладеть техникой и вооружением новых танков. Сам я эти танки знал хорошо, однако мои командиры взводов знали только танки Т-54 и практики на Т-54А и Т-54Б они не имели, поэтому приходилось учить в том числе и командиров взводов. Хорошим подспорьем оказался огневой городок, который я делал прошлый год, но там не было питания для стабилизаторов вооружения, для этого нужны были мощные двадцати семи вольтовые генераторы или трансформаторные выпрямители мощностью на каждый танк не менее трех с половиной квт. Для определения этих агрегатов Кияшко вызвал меня, и мы начали с ним перебирать, что лучше, вариантов было несколько. Первым было приобрести пять сварочных генераторов с приводом от электричества, но, когда открыли ценник то наши носы опустились, они стоили больше чем отпускалось денег на всю боевую подготовку полка. Вторым вариантом было купить у немцев мощный двадцати киловаттный трансформаторный селеновый выпрямитель, стоил он относительно не дорого три тысячи немецких марок, что было соизмеримо со средствами, отпускаемые на боевую подготовку полка. На том и остановились. Пока этого не было на огневом городке наводчики и командиры тренировались в наведении орудий и пулемётов вручную и у них после тридцать четверок получалось не плохо. Кияшко быстро провернул сделку с немцами и на огневой городок привезли большой четырех тонный трансформатор с селеновыми выпрямителями. Мы быстро соорудили под него фундамент, отгородили трансформатор от остального помещения кирпичной стенкой, установили мощный электрический щит с необходимыми атрибутами и подключили трансформатор в работу, но увы, этот трансформатор принес нам сразу же неприятности в виде сгоревших лампочек, вышедших из строя радиостанциях, сгоревших электроспусков пулемёта и пушки. Ротные командиры, не зная, что делать тренировали личный состав без включения стабилизаторов, боясь выхода из строя танкового оборудования. Обо всем этом я доложил Кияшке. Он сказал:

– Борис, это у нас новая проблема и, чтоб её решить, ты досконально её изучи, а что делать с ней мне доложи! – взяв с собой свой универсальный прибор для измерения электрических величин и полкового электрика пошёл на огневой городок изучать проблему, и в этот же день выяснил. Выяснилось, что при включении трансформатора на холостом ходу его напря-

жение составляли вместо двадцати семи вольт тридцать шесть вольт и остается таким при нагрузке до двух с половиной квт, а далее удерживает это напряжение с нагрузкой более десяти квт. Напрашивался вывод сам собой. Сразу же перед подключением в сеть танков включать нагрузку мощностью два с половиной квт. Для этого можно было пользоваться обыкновенными пускателями или рубильниками, но зная руководителей танка стрелковых тренировок, я понимал, что ротному командиру будет не до порядка включения, ему надо, чтобы нажать одну кнопку, а дальше пошло и поехало, поэтому в голове у меня созрела мысль соорудить автомат, который бы при включении трансформатора сразу же нагружал бы его нагрузкой, а по мере достижения номинальной мощности отключал бы её. Обо всем этом я доложил Кияшко. Опять взяли каталог и ценник электротоваров, но нигде не могли найти реле напряжения и токовое реле. Ломая голову вспомнил, что при тридцать четверочном генераторе стоит и довольно мощное токовое реле и реле напряжения. Исправных и не исправных таких реле у полкового электрика было много, но управлять токами, идущими на танковые стабилизаторы, конечно же эти регуляторы не могли, так-как токовое реле было рассчитано на сто ампер, а контакты регулятора напряжения намного меньше. Напрашивался вывод, что надо искать исполнительное реле на ток пятьсот и более ампер. Такими контактами были у нас пусковые реле танковых стартеров. Этим реле в ремонтной мастерской полка было более чем достаточно. Нарисовав схему, я продумал, как она будет работать и предложил её Кияшко. Выслушав меня, Кияшко сказал:

– Борис, ты её породил, ты её и убивай! Ты объяснил так, что даже я, что-то понял! А раз я понял, то она у тебя будет работать! Какая тебе от меня помощь нужна?

– Ваша помощь мне нужна в том, чтобы добыть толстый десятимиллиметровый полтора метра длины и один метр ширины лист текстолита и сварочного провода двести метров, и распоряжение в ремонтную мастерскую выделить для работы со мной полкового электрика, а также задание в ремонтную мастерскую изготовить пять пар наконечников для подключения проводов к танковым разъёмам!

– Хорошо, Борис, после обеда всё получишь! – после обеда, он позвонил мне. Я прибыл к нему, там уже был полковой электрик.

– А провода и текстолитовый лист отвезли уже тебе на огневой городок! – сказал Кияшко. Я попросил его:

– Нужно, как-то решить вопрос с командиром батальона потому, что на мои отвлечения на огневой городок, он пока ничего не говорит, но уже подозрительно косится!

– Хорошо, Борис, я решу этот вопрос с комбатом! – с полковым электриком мы пошли на огневой городок, захватив с собой на тележку два новых тридцать четверочных реле регулятора, пять пусковых реле стартеров, электрическую дрель и набор свёрл, а также коробку с цветными мелками. На огневом городке на этом текстолитовом листе, мы разложили все наши детали по схеме, разноцветными мелками наметили пути соединения тонких проводов, наметили места крепления и места соединения, насверлили все отверстия, нарезали провода, зачистили концы, закрепили детали на текстолите, соединили провода, оставалось только подключить, но по времени и распорядку дня, это был ужин, и я сказал электрику:

– Ступай на ужин, а завтра после обеда придешь сюда, будем подключать! – и я ушёл в роту. Кияшко позвонил в роту и спросил меня:

– Борис, что там у тебя делается? – я ответил:

– Завтра после обеда буду подключать и пробовать!

– Хорошо, когда испытываешь, доложи мне по телефону с огневого городка, неважно какие будут результаты! Командир полка уже спрашивал меня, как у вас обстоят дела с этим вопросом? Я ему сообщил, что все у вас есть и ты занимаешься этим делом! – на завтра после обеда, мы с полковым электриком встретились на огневом городке, подсоединили толстыми проводами наш тяжёлый щит и подсоединили питательные концы к разъёмам танков. Я подошёл

к щиту, нажал на кнопку пускателя, трансформатор загудел, одновременно с пуском трансформатора загудел нагрузочный двигатель электроусилителя мотора поворота тридцать четвёрочной башни, который был вместо мотора поворота нагружен двух с половиной киловаттной лампой, замерили напряжение на питательных концах вводах, оно было ровно двадцать семь вольт. Включили в работу все пять стабилизаторов танков, замерили напряжение, оно стало двадцать три с половиной вольт, для стабилизаторов это было маловато, отключил нагрузочный двигатель, напряжение поднялось до двадцати четырех и семь десятых вольт, самое то что нужно. Значит к нашей машине надо придумать, чтобы нагрузочный двигатель подключался при достижении напряжения двадцать четыре и семь десятых вольт. Стали думать, что же сделать? И придумали. Отрегулировав на втором реле напряжения на срабатывание его на двадцать пять вольт, пропустили цепь его якоря через цепь такого же якоря первого реле, получилось, когда напряжение большое, включаются оба реле и через их замкнутые контакты течёт ток, идущий на питание обмотки пускового реле нагрузочного двигателя, а когда напряжение падает ниже двадцати пяти вольт, эта цепь размыкается и нагрузочный двигатель отключается. Попробовали, получилось отлично. Я пошёл и позвонил Кияшко по телефону.

– Не уходи оттуда, я сейчас подойду! – сказал он. Он пришёл, мы ему показали, включили все танки, ничего не горело и не мигало, всё работало как надо. К этому времени на ночную тренировку пришла первая танковая рота. Командир роты доложил ему и тот сказал:

– Борис, проведи с ними инструктаж по включению электрики к танкам и, как ею пользоваться при тренировке! – а затем сказал:

– Всё, ребята, закончились тренировки всухую, теперь тренировать только с включением стабилизаторов.

На следующий день на очередной танкострелковой тренировке, я тренировал командиров и наводчиков работе их по включению и выключению стабилизаторов, а также наведение оружия в цель и удерживание пультом управления прицельных марок на цели. Привыкшие работать только подъемным и поворотным механизмами, обучаемым по началу трудно давалась наука по включению стабилизаторов по выдерживанию времени на разгон их гироскопов, отчего пушки и башни мотались в разные стороны, чуть ли, не сбивая промежуточные опоры крыши навеса огневого городка. В этот же день огневой городок для танка стрелковой тренировки был выделен и в ночь. На ночной танкострелковой тренировке обучал включению и пользованию приборами ночного видения, а также практике пользования стабилизаторов вооружения. Попрактиковавшиеся днем, стреляющие командиры и наводчики, ночью действовали значительно уверенней чем днём, только заряжающие никак не могли привыкнуть, что при поворотах башни не надо бегать за и от ограждения пушки, так-как полик внизу вращался вместе с башней. Конечно же первые занятия давали только толчок к совершенствованию приемов работы, стреляющих с нового оружия и его оборудования. Через несколько дней подразделению нашего полка была выделена танковая директриса и танкодром на Лоссовском полигоне. Танки и личный состав туда доставлялись железнодорожным эшелоном. А с разгрузочной площадки двенадцать километров до полигона мы шли своим ходом. Проходя через населённый пункт нас окружали толпы жителей, разглядывавших новые ещё до селя невиданные танки. Разглядывая их, они приветливо улыбались махали руками, не выявляя никакого не доброжелательного беспокойства. Стреляли мы на этом полигоне из вкладных и складных стволов, так-как стрелять штатными снарядами на этом полигоне из 100 мм орудий было невозможно, так-как излётная дальность была больше чем позволяли границы полигона. Непривычные к стрельбе со стабилизатором, стреляющие всякими правдами и неправдами пытались не включать стабилизаторы и прекрасно справлялись с наведением орудий и пулемётов в цель и, как правило выполняли упражнение на хорошо и отлично потому, что условия упражнений по курсу стрельб для новых танков были ещё не переработаны, были внесены изменения только в дальности до целей из пушки. Приходилось, почти в каждом заезде на место командира танка

садить офицера командира взвода, который заставлял включать стабилизаторы. На вождении была такая же картина, механики водители, привыкшие к тридцать четверке, никак не могли привыкнуть к работе рычагами поворотных планетарных механизмов, а также использования промежуточного положения рычагов для увеличения тягового усилия. Вместе с тем практические занятия на танках приносили свои плоды, приобретая опыт командирский, наводчик, заряжающие и механики водители с каждым занятием все уверенней и уверенней постигали умение и приобретали опыт в управлении и использовании новой техники и вооружения. Этим недельным полевым выходом остались довольны все. Все почувствовали, что новые танки становятся с каждым занятием все послушней и послушней и их мощь превосходит предыдущие машины. Вернувшись на зимние квартиры получили новую задачу, не сбавляя темпов занятий, все Т-34 подготовить для сдачи в дружественные нам Государства. Поначалу нам показалось, что задача эта не так уж и сложна потому, что танки боевой группы содержались отменно, все они не так давно прошли модернизацию и капитальный ремонт на Бьонсдорском танковом заводе и их пробег после ремонта составлял не более пятисот километров. Однако, прибывшая для оказания помощи нам заводская бригада показала нам, что мы глубоко ошибаемся потому, что для передачи танков другому Государству действуют другие правила и другие повышенные требования. Большинство танков пришлось разбирать, искать трещины на подмоторных рамах, менять стальные патрубки на бронзовые системы охлаждения, менять дюриты одной марки на более прочные, менять электродвигатели поворота башни вентиляторов башни, которые отслужили двадцатилетний срок, менять полуторо-киловатные генераторы на трёхкиловатные и соответственно им менять реле регуляторы. Все аккумуляторные батареи сменить на новые текущего года выпуска. Все воздушные баллоны также сменить на новые клеймения. Все ЗИПы, осветительные приборы заменить на комплекты последнего года выпуска и ещё многое чего, которое относилось к покраске внешней и внутренней номенклатуры, горюче-смазочных материалов и охлаждающей жидкости, работы было до самых ноздрей. По плану, не срывая личный состав с плановых занятий, необходимо было роте за месяц подготовить к сдаче семь танков. Я пошёл на хитрость и спланировал всю техническую подготовку механиков водителей проводить на этих машинах, на которых по плану зам потеха проводились необходимые работы по подготовке их к сдаче, кроме того после плановых занятий по расписанию весь личный состав работал на этих танках каждый по личному индивидуальному плану, который разрабатывался и вручался исполнителям командирами взводов. Первую группу танков мы передавали немецкому танковому полку, который дислоцировался буквально в километре от нас с командирами, с которого мы ни раз встречались на танкодромах и тактических полях нашего второго гарнизона Вёрмиц, и не раз сживали вместе за столом в ближайшем к Вёрмицкому полигону ресторанчике. Вторую группу танков мы передавали болгарам, они тоже, как и немцы особых претензий не предъявляли, да чего было предъявлять, танки были укомплектованы всем новым и их пробег составлял всего несколько сотен километров. По нашему им ещё ходить и ходить. Третью группу танков мы передавали полякам, вот эта братия в целом неграмотная в танковом отношении попортила нам нервы и терпение. Первым делом они нам предъявили претензии почему мы передаем им тридцать четверки, а не пятьдесят пятки, почему танки имеют раскраску нашей Армии, а не ихней, почему на танках установлены пулемёты ДТМ, а не СГМТ, затем они начали перебирать всю номенклатуру ЗИПов, возмущались почему в перечне загрузки боеприпасов их номенклатура не совпадает с номенклатурой установленной в ихней Армии, и ещё много дурных но ничего незначущих вопросов приходилось решать, на решение, которых бесполезно тратилось время и нервы. Только потом мы узнали, что они специально тянули время, чтобы, как можно больше получить командировочных. После сдачи основной массы тридцать четверок в полку осталось ещё двадцать единиц, которые по своему состоянию не могли быть переданы в другие страны, и они остались у нас, как сверхштатные, подлежащие эксплуатации до конца эксплуатационного срока и последую-

щей сдаче на ремонтный завод. В связи с этим все занятия тактические и тактико-строевые, которые ранее проводились пеши по танковому было приказано проводить на этих танках, что конечно же повышало качество, приобретаемых на занятиях практических навыков и умений.

В течение последних месяцев полк был превращён из танкосамоходного в танковый. В нем стало три танковых батальона на танках Т-54Б и одна батарея СУ-100. Полк пополнился новой инженерной техникой и в его состав ввели мотострелковую роту на БТР-50П, а химическая рота пополнилась новыми БРДМ-1Х. Стоящий рядом с нами 17 тяжело-танкосамоходный полк полностью был расформирован и по батальонно передан в другие дивизии Группы войск.

ЧАСТЬ 9 ПОДГОТОВКА К ПРЕОДОЛЕНИЮ ВОДНЫХ ПРЕГРАД

В связи с обострившейся международной обстановкой, командование Группы войск требовало от перевооружённых новым оружием и техникой частей и подразделений скорейшего овладения ими в полной мере. В этих целях было приказано сто процентов занятий и тренировок проводить непосредственно на штатной технике в поле и даже в парках. Необходимо было обучить личный состав вождению, стрельбе, преодолению водных преград по дну водоёмов и рек, работе на радиостанциях, постановке дымовых завес, используя ТДА и других задач, выполняемых на этих танках. Однако, необходимой учебно-материальной базы в частях и соединениях до этого вооружённых танками старых образцов не было. Конечно же, созданный вновь прошлый год огневой городок хорошо вписался в программу обучения, но для преодоления водных преград и обучения действий личного состава под водой в изолирующих противогазах никаких тренажёров не было, как и не было бассейна для практической тренировки в вождении танков под водой. Из Управления боевой подготовки Группы войск пришли требования и примерные рекомендации изготовлению хозспособом тренажёров и бассейнов, которые необходимо было построить в двух месячный срок, на что было выделено необходимое финансирование. Подполковник Кияшко долго не раздумывал, и посоветовавшись с командиром полка принял решение поставить меня разработчиком, а затем руководителем по постройке этих двух важных объектов. Вызвав меня, он стал ставить мне задачу. Я сразу понял, что это значит и совмещение разработки и руководства строительством несовместимо с исполнением обязанностей командира роты. И я прямо заявил ему об этом, сказав:

– Товарищ подполковник, решите этот вопрос с моим командиром батальона, без его команды или письменного приказа по полку, я за это дело не возьмусь потому, что, как разработка, так и изготовление со строительством накладывают ответственность за жизни людей при их использовании! – Кияшко почесал затылок и сказал:

– Да, Борис, ты на сто процентов прав, требования ко всему этому у нас есть, а технологии у нас нет, и за неё в случае нештатной ситуации придётся отвечать нам!

– Не знаю, как «Нам», а вот мне в таком случае придётся отвечать в Уголовном порядке! Поэтому надо создавать два проекта, как на тренажёр, так и на бассейн и оба этих проекта надо согласовывать со специалистами и согласовывать их надо не мне, а минимум Вам потому, что меня молодого лейтенанта, эти специалисты пошлют далеко и безвозвратно! – Кияшко засмеялся и сказал:

– Будь по- твоему! Завтра всё решим! – на следующий день утром меня вызвал комбат и сказал:

– Борис, временно передай роту старшему лейтенанту Пупышеву и займись вопросами, поставленными в приказе командира полка! – я ответил:

– Приказа я ещё не читал, но предполагаю, что там изложено всё, что мне говорил подполковник Кияшко.

– Учти! – сказал комбат. – Эти объекты будут закреплены за твоей ротой, так распорядился командир полка!

На следующий день, мы с подполковником Кияшко закрылись у него в кабинете и стали обмозговывать оба объекта, прикидывая, какие необходимо провести работы до начала строительства и какие для этого необходимы материалы.

Взяв необходимые требования из присланных нам разработок УБП, размеры вычислили необходимые земляные работы для бассейна, а также количество и наименование строительных материалов и необходимое для этого оборудование, и инструменты для него и тренажёра. На все эти подготовительные мероприятия у нас ушло более двух дней, после чего, Кияшко с начальниками служб полка занялся заготовкой материалов, механизмов и подбором специалистов. Меня же он закрыл в своём кабинете с чертёжными принадлежностями и рулонами ватмана, сказав:

– Вот тебе, Борис, ключ, выходить отсюда только в туалет! Вот моя пепельница, и кури здесь, только открой форточку! Никому не открывай кроме командира полка, а у меня есть ещё один ключ!

Ещё два дня, а вернее двое суток у меня ушло на разработку в деталях обоих объектов. В пятницу со вторыми экземплярами проектов во главе с командиром полка, подполковником Кияшко и командиром батальона, мы пошли к месту, где предполагалось строительство бассейна. Сразу же за тыльными воротами начинался немецкий спортивный аэродром. Впритык к нашему забору было несколько площадок, покрытых плитами базальта, как перед парками боевых машин, этот искусственный базальт был крепче стальных гусениц танков и, когда танки разворачивались на нём на месте или сходу тормозили до остановки гусениц, на этих плитах не оставалось царапин, а из – под гусениц, как из-под наждака летели клубы искр. Так вот эти площадки были покрыты такими плитами. Выбрав первую, которая была больше остальных и, как раз покрывала пространство над предполагаемым самым глубоким местом будущего водоёма, решили измерить водоём на этой площадке. К этому времени инженер полка подогнал БАТ, зам потех полка подогнал СПК и тяжёлый тягач, которого прозвали «Лукой-М... ще». Пришёл целый взвод мотострелковой роты с ломami и начали по периферии площадки подкапывать плиты, они оказались не очень толстыми всего пятнадцать сантиметров, а по площади плита занимала 75x75 сантиметров, однако вес каждой плиты был сравним примерно, как металлический, пришлось каждую плиту поднимать стрелой СПК. Когда сняли три ряда плит под ними оказались бетонные потолочные перекрытия, а когда сняли десять рядов плит, появилась возможность зацепить краном сами перекрытия. Подняв первую же плиту, и убрав её в сторону, нашему взору открылось подземное просторное помещение с белыми стенами, мебелью с канцелярскими столами, электрическими плафонами и другим оборудованием, справа и слева в сторону аэродрома виднелись двери, а когда заглянули под перекрытие, лежащее у нас под ногами, то увидели ещё две двери, которые вели в сторону нашего городка. Ясное дело, что эти двери вели в подземные проходы или помещения. Увидев всё это командир полка дал команду пока всё прекратить, а сам убыл в штаб и вскоре к этому месту прибыла целая группа офицеров из особого отдела дивизии. Бегло, осмотрев всё, они распорядились убрать отсюда технику и личный состав и поставить здесь трех сменный пост и никого сюда не подпускать. Они работали там примерно два дня, после чего поступило распоряжение: двери, которые ведут в сторону аэродрома и нашего городка заложить кирпичной кладкой в два кирпича на добротном цементном растворе. Когда особисты ушли, я опустился вниз и осмотрел всё, что там есть. На столах лежал тонкий слой равномерной пыли, все четверо дверей были покрыты лаком и припорошены пылью. Щёлкнув выключателем внезапно в комнате загорелся свет, повернув ручку двери, которая вела на аэродром, за ней увидел примерно такую же комнату, включил свет и увидел вдали такую же дверь. Не став искушать судьбу и злить особистов своей любознательностью, я закрыл дверь и приказал забить их на искосую гвоздями

двух сотками. После снятия плит и перекрытий, проёмы дверей заложили кирпичными кладками, как было нам предписано, разметили размеры бассейна. В самом глубоком месте углублять его не пришлось потому, что высота стен от цементного основания в комнатах была три восемьдесят да толщина перекрытий и плит ещё двадцать пять сантиметров. Из досок сколотили опалубку. Пригнали с какой-то немецкой строительной фирмы автомобильную мощную бетонно-мешалку и погрузчик, и за два дня залили бетоном стены бассейна. Подготовкой бетона руководил немец строитель инженер Вольф, который гарантировал, что если мы дадим бетону выдержку семь дней, ежедневно по три раза обливая его водой, то он бетон выдержит самую жестокую эксплуатацию не менее тридцати лет. Мы выдержали его рекомендации. Под его же руководством были забетонированы входная и выходная аппарели и разворотные круги за ними, которые были покрыты снятыми с площадки плитами.

Одновременно с бассейном шла работа по раскрою металла для водолазного тренажёра и сварки его по моим чертежам, которые до сих пор не были ни с кем не согласованы и никем не утверждены. Чувствуя, чем это пахнет, я предупредил подполковника Кияшко.

– Товарищ подполковник, если проекты не будут утверждены, я прекращаю работу и докладываю об этом командиру полка. Потому что в случае чего под суд мне идти не с руки!

– Да не волнуйся ты! – говорил мне Кияшко. – Ведь всё хорошо, красиво и прочно получается.

– Так-то так! – говорил я, – Но вопрос аварийного слива воды из бассейна не решён. Для его решения требуется согласие немцев на врезку в основную канализационную систему до которой 75 метров от бассейна, а труба туда должна быть металлической диаметром один метр! Ни согласия немцев, ни трубы такой нет! Так же не решён вопрос с аварийным сбросом воды и с тренажёра, там никакого согласия ни от кого не нужно, там воду можно сбросить на пол, а она уйдёт в местную канализацию. Там вопрос упирается в люки сброса. Люк, который мы изготовили пропускает воду и на территории городка, ничего подходящего не находится! – почесав затылок, что у Кияшко означало обдумывание последующих действий, он изрёк:

– Борис, в течение этой недели пока сохнут стены, аппарели и разворотные круги, пока делается ограждение и оборудование учебных мест, мы с тобой съездим на немецкую свалку, и ты там найдёшь всё, что тебе необходимо, а как забрать это я тебя научу! А я тем временем за оставшиеся дни согласую все документы, только неясно кто должен утверждать этот проект потому, что в предложениях УБП Группы войск написано, что бассейны иметь в соединениях, то есть в дивизии, а раз в дивизии, то утверждать должен командующий Армии. Освободившись от основных работ по строительству обоих объектов, мы почувствовали себя более уверенными в своих силах и возможностях. Кияшко повез меня на немецкую свалку. Увидев её, я был поражён, потому что в моём понятии свалка представлялась мне, как везде у нас. Здесь же, я не увидел куч мусора, свалки железа, дерева, резины и других отходов. Здесь было построено множество обширных хранилищ, на которых были большие на белом фоне чёрными буквами написано, что хранится там под крышей. Здесь же работали предприятия по переработке бумаги и производства из неё упаковочного картона. Здесь же работали предприятия по переработке авто мобильных шин и изготовлению из них покрытия на беговые дорожки стадионов, металлическая жёсть прессовалась в тубы и отправлялась на сталеплавильные заводы, крупный металл паковался в контейнеры по сортам и отправлялся также на переплавку. Для определения сортов металла здесь же работала специальная лаборатория. Отдельно от всех здесь работал перерабатывающий негодную, бросовую древесину, завод, выпускавший около тридцати наименований ценной продукции, сделанной из этого хлама в том числе: ацетон, спирт, олифу, деготь, сжиженный пропан, брикеты для топки печей и много другой продукции, о которой я и не подозревал, что она делается не только из деловой древесины, но и из её отходов. Мы нашли директора этого большого предприятия, которое мы называли свалкой и ему

поведали, что нас привело сюда. Видимо польщённый вниманием подполковника со Звездой Героя Советского союза, он сказал:

– У меня вы все найдете, но за исправность найденного, я не отвечаю потому, что ко мне на предприятие свозят всё неисправное, негодное или, которое отремонтировать дороже чем купить новое! – и повёл нас в дальний бокс, на котором было написано по-немецки «Оборудование трубопроводов». Он завел нас в бокс, к нему сразу же подбежал по-видимому заведующий этим заведением и спросил:

– Чем обязан вашим посещениям? – директор ему объяснил:

– Мы ищем большую задвижку от метровой в диаметре металлической трубы с возможностью подключения электропривода и ещё герметично закрывающийся и легко открывающийся люк диаметром 40 сантиметров! – заведующий, улыбаясь и кивая головой заявил:

– Это всё у меня есть в изобилии, но всё оно неисправно и требует ремонта! – директор, ссылаясь на занятость пожелал нам успешно найти всё необходимое и заведующему наказал, чтобы он нам оказал всяческое содействие и оформил, чтобы все быстро. Мы распрошались с директором, пожелав ему успехов и поблагодарили за оказанное нам содействие. На этом складе длиной метров 120 и шириной около сорока метров, вдоль стен и всей площади стояли громадные стеллажи, на которых были уложены трубы разного диаметра, соединители, флянцы, гайки, краны, задвижки разных диаметров и размеров. Всё было аккуратно разложено по диаметрам, по длине и другим показателям. На каждом стеллаже висела бирка, на которой значилось, что здесь находится. По всему помещению у потолка по рельсам ходила грузовая балка, а у выходных ворот стояли гильотинные ножницы, пресс распиловочные станки и газорезательные аппараты. Всё это работало, создавая грохот и шум, как на реактивном аэродроме и большегрузные грузовики вывозили в контейнерах металл для погрузки на железнодорожный транспорт. При помощи этого заведующего, мы быстро нашли необходимую нам задвижку, и этот немец подсказал какая из них лучшая. А приехавший с нами Ваня Олейник командир ремонтного взвода из рем мастерской полка согласился с ним и сказал подполковнику Кияшко: «Что в ремонтной мастерской они её восстановят и будет работать она, как новая и к ней можно будет присобачить электропривод». Необходимого люка мы здесь не нашли и наш заведующий повёл нас в другой бокс, на котором значилось «Корабельное оборудование». Этот бокс был в полтора раза больше предыдущего. Здесь под крышей царило царство больших и малых раскуроченных судов, которые здесь же автогенно резались на части и складывались на стеллажи. Наш заведующий сказал здешнему заведующему, что директор распорядился оказать нам всяческие содействия. Здешний заведующий расплылся в подобострастии, уцепился за руку подполковника Кияшко и потянул его к стеллажам, где лежали необходимые нам люки. Эту картинку надо было видеть. Высокий и худощавый Кияшко и маленький круглый, как пузырёк немец, который, как Бобик тащил подполковника, и не переставая, что-то объяснял ему. Здесь же на стеллажах, мы сразу нашли два люка, которые были срезаны с какого-то катера вместе с обрамлением и сохранившимися герметизирующими прокладками. Немцы быстро оформили документы и нам надлежало за получение задвижки и люков сдать им две тонны металла. Пописав все необходимые документы, нам выдали две накладные на получение наших предметов с условием получения их по сдаче им металлолома. Кияшко распорядился, поставив задачу Ивану Олейнику сегодня же отвезти немцам металлолом, забрать наши детали и приступить к их ремонту. Ваня Олейник долго голову не ломал, он погрузил на грузовую машину две тридцать четверочные гусеницы и отвез их немцам, которые были довольны этим металлом до поросычьего визга потому, что металл был легированным и для них очень ценным. В течение недели мы вварили один из привезенных люков в тренажёр легкового подполковника и испытали его. Он воду не пропускал, открывался легко и быстро с обеих сторон со стороны экипажа и снаружи и осушал полностью наполненный десятью тоннами воды осушался в течение шести секунд, что отвечало

установленным требованиям. С установкой задвижки для слива воды из бассейна так быстро дело не шло и установили мы ее и опробовали только через полторы недели. На осушение бассейна уходило двадцать пять минут, что было многовато и пришлось ставить в помощь задвижки мощный двадцати пяти киловаттный насос производительностью тридцать кубометров в минуту.

Пока я занимался доведением до ума бассейна и тренажёра, Кияшко занимался оформлением документов, и где-то на второй или на третий день вечером, когда мы обсуждали с ним, что сделано сегодня и что будем делать завтра, он сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.